

Историко-краеведческий,
культурно-просветительский журнал
Выходит 6 раз в год

Директор ОГАУ ИД «Ульяновская правда»: А.В. Шишов
Главный редактор объединенной редакции
ИД «Ульяновская правда»: И.М. Арановская
Главный редактор: О.Г. Шейпак
Дизайн и верстка номера: О.О. Тюльпа
Руководитель корректорского отдела: Н.В. Степченко

Редакционный совет:

В.Н. Егоров, председатель, советник губернатора Ульяновской области на общественных началах;
Л.П. Баяра, главный научный сотрудник Ульяновского областного художественного музея, кандидат искусствоведения;
О.Е. Бородин, заведующая отделом развития, туризма и информационных технологий Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова;
О.Н. Даранова, ученый секретарь Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина;
А.А. Долматов, старший научный сотрудник Музея А.А. Пластова;
И.И. Егоров, председатель Счетной палаты Ульяновской области;
Ю.В. Козлов, краевед;
М.В. Корепов, доцент кафедры зоологии УлГПУ им. И.Н. Ульянова, кандидат биологических наук;
Н.В. Липатова, доцент кафедры «Истории отечества, регионоведения и международных отношений» УлГУ, к.и.н., ведущий специалист Центра стратегических исследований Ульяновской области;
Л.Н. Нецветаев, почетный архитектор России, доцент кафедры АСП УлГТУ;
А.Б. Павлов, главный редактор сайта ulgrad.ru (информационное агентство «Ульяновск – город новостей»);
А.Г. Пашкин, директор Государственного архива новейшей истории, к.и.н.;
С.Б. Петров, краевед, кандидат философских наук, доцент УлГУ;
Г.В. Романова, заместитель директора – начальник отдела использования и публикации документов Государственного архива Ульяновской области;
И.Э. Сивопляс, научный сотрудник Музея-заповедника «Родина В.И. Ленина»;
Д.В. Травкин, председатель Ульяновского регионального отделения РГО, президент Ульяновского областного фонда «Региональная аналитика. Профессиональные исследования. Рейтинги»;
А.Ю. Шабалкин, ведущий архивист Государственного архива Ульяновской области;
А.В. Шишов, директор издательского дома «Ульяновская правда».

Учредитель:

Правительство Ульяновской области
Издатель: ОГАУ ИД «Ульяновская правда»,
432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, д. 11

Адрес редакции:

432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, д. 11, каб. 219
Тел. 8 (8422) 41-04-32
e-mail: 1994monomah@mail.ru
www.ulmonomah.ru

Издание зарегистрировано
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ № ТУ 73-00387 от 21.11.2014 г.

Цена свободная
Подписано в печать 01.04.2021 г.
Дата выхода 08.04.2021 г.
Формат 60x84 1/8; усл. печ. листов 7,44
Тираж 1000 экз. Заказ № 218

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27, ul-pd@mail.ru

Содержание:

Тема номера:

Любимые симбирянки
В моей судьбе ты значила немало 2
В. Жобер. Памяти Татьяны, моего бессменного и бесценного друга ...4
С уважением к прошлому
Т. Громова. На сопках Маньчжурии. А.Ф. Анненкова 7
О. Шейпак. «Мой сын не трус!». А.И. Анненкова 11
И. Смирнова. Наталья Львовна Ренкевич-Киндякова и ее потомки ...15
С. Петров. Симбирские Глинки 18
В. Локунина. Доктор Лиза 21
О. Шейпак. Она работала, прикладывая к рукописи лупу 22
В. Костягина. Лихая година 23
И. Сивопляс. Секретный химик секретного производства 25
Память сердца
Т. Пластова. Пути меж колосьев и трав. Е.Н. Холодилина 28
Э. Денисова. На свете счастье есть 33
А. Филатов. Шоу должно продолжаться 36
С. Николаев. Пара стульев и настенные часы... 37
О. Шейпак. Где ты, светлая душа? 38
Н. Никонорова. Памяти Актрисы 39
История театрального счастья. К 100-летию Лии Радиной 40
Л. Токарчук. Очаг любви и добра 42
Прекрасное – рядом
О. Григорьева. Симфония жизни Аркадия Егуткина 46
В. Егоров. Юбилейная выставка Юрия Панцырева в Москве 50
В. Абрамова. Художник Юлия Узрютова: о чистом Новом городе, живых домах, комиксе про Обломова и путешествиях 52
Личная история
А. Никонов. Доктор В.В. 56
Л. Карзанова. Шесть сыночков и лапочка дочка 57
М. Иванова. Тереньгульские гончары 60
О. Чернова. Страна сновидений 63
На обложке: Е. Холодилина. Ирисы. 1996 г., холст, масло, 50x60.
На обороте: Е. Холодилина. Вечер. 1972 г., холст, масло, 108x131.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
Перепечатка любых материалов без письменного согласия издателя запрещена.

Оформите подписку не выходя из дома:
– с помощью компьютера
на сайте podpiska.pochta.ru
– с помощью смартфона по QR-коду:

Подписной индекс: ПА061

Стоимость почтовой подписки на 1-е полугодие 2021 г.:
на 1 мес. – 100,00 руб.

С 5 по 15 апреля 2021 г. Почта России объявила
декаду льготной подписки на 2-е полугодие 2021 г.

Стоимость почтовой подписки:
на 1 мес. – 97,86 руб.; на 6 мес. – 293,58 руб.

Редакционная подписка дешевле, в том числе для юридических лиц.
Стоимость подписки в редакции:
на 1 мес. – 70,00 руб.; на 6 мес. – 210, 00 руб.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32. E-mail: narod73@inbox.ru
Получить журнал можно по адресам в г. Ульяновске:
ул. Пушкинская, 11 (тел. 8 (8422) 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
пр-т Ленинского Комсомола, 41, ком. 412 (тел. 8 (8422) 20-16-40).
Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку
через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье», тел. 8 (8422) 41-01-41

Приобрести журнал в розницу
можно в киосках «Симбирская печать»,
в музейных магазинах Дома И.А. Гончарова
(вход со стороны ул. Ленина, 138),
в литературном музее «Дом Языковых» (ул. Спасская, 22),
в Музее им. А.А. Пластова (ул. Гончарова, 16),
в музее изобразительного искусства XX – XXI веков
(ул. Л. Толстого, 51).

Присоединяйтесь
к нам в соцсетях:

21003>

Солнце хохочет, не пряча глаз

Весна в этом году пришла тихо, скромно, не торопясь, как-то виновато: мол, простите за задержку, за жесткий характер старшей сестры – зимы, за ее выкрутасы и дружбу со смертельным вирусом...

Но ведь пришла! Расслабилась, разнежилась, разделась донага, обнажив земное естество. И все живое почувствовало радость бытия. Красуется Земля: я – такая! Важничает Человек: весь мир – у моих ног! Ликует Птица: хочется ей объять восторженной песней небесный океан.

Солнце хохочет, не пряча глаз: радуйтесь все!

Это сказочное время года во все времена ассоциировалось с женской красотой, поэтому весенний выпуск «Мономах» мы посвятили в основном нашим симбирянкам. Упомянуть всех в одном номере невозможно, но мы опубликовали даже коротенькие воспоминания и отзывы наших авторов о любимых женщинах.

Желаем всем добра и духовной радости. Весна несет нам обновленную жизнь.

* * *

*Восхитительно пахнет верба
За неделю до Светлого дня!
Я рукою достала небо –
Пост Великий меня приподнял.*

*Восхитительно пахнет верба,
Если ветка ее с алтаря.
Если пело «Осанна» небо,
Значит, прожито время не зря.*

*Восхитительно пахнет верба!
Я запомню ее аромат...
Вот еще б приподняться в небо
И остаться средь звездных лампад...*

Надежда Разумовская

Мономах

**Нина Ивановна
НИКИТИНА**

**Зоя Федоровна
КОЗЛОВА**

**Зоя Борисовна
МИХАЙЛОВА**

**Юлия Михайловна
АЛЕКСЕЕВА**

**Галина Михайловна
САВИНОВА**

В моей судьбе ты значила немало...

Суммируя свои воспоминания, среди неординарных женщин я бы назвал Нину Ивановну Никитину, Зою Борисовну Михайлову, Элеонору Ильиничну Денисову, Зою Федоровну Козлову. Это люди, перед которыми я и сейчас готов преклонить колени. **Нина Ивановна Никитина** (1922–2004) – выдающийся библиограф и человечнейший человек! Личность непровинциального масштаба. Подвижница, делатель, достойная памятника.

Из ульяновских учителей я бы особо выделил **Зою Федоровну Козлову** из 3-й школы-гимназии. Из ее класса вышли в разное время «ушибленные» литературой филологи: Л.Г. Шахова, М.П. Чередникова, многолетний редактор «Симбирского курьера» Л. Гребенкова, краевед Слава Сукайло, ваш покорный слуга и многие другие. Когда Козлова умерла, я писал некролог и не заметил, что плачу. В первый и последний раз в жизни в такой ситуации. После выхода некролога в «Симбирском курьере» мне позвонила **Екатерина Ивановна Никитина** (выдающийся методист по русскому языку, известная всей России своими учебниками) и сказала, что тоже плачет. Они с Козловой были подругами.

Александр Рассадин

Зоя Борисовна Михайлова (1931–2013) – известный библиограф. Она приехала в Ульяновск в 1974 году. В Ульяновской областной детско-юношеской библиотеке имени С.Т. Аксакова проработала 15 лет. Занималась изучением и анализом художественной литературы, составлением карточек и библиографии известных писателей. Она – автор известных библиографических трудов, ею созданы указатели по творчеству А. Грина, М. Цветаевой, Ф. Искандера и ряд тематических пособий. Зоя Борисовна хорошо знала творчество Ф. Искандера, дружила с ним и его семьей. Труды Зои Борисовны находятся в РГБ, РНБ, Библиотеке Конгресса США, библиотеках университетов Оксфорда и Кембриджа.

ОБДЮ им. С.Т. Аксакова

Часто вспоминаю своего учителя, друга, выдающегося ученого **Юлию Михайловну Алексеву** (1945–2013). Вместе с Антониной Лобкаревой она создавала экспозицию музея великого русского писателя И.А. Гончарова. Благодаря архивным поискам Юлия Михайловна разработала родословную И.А. Гончарова, разыскала потомков семьи Гончаровых, живущих в России и во Франции. В 1982 году открылась экспозиция Музея И.А. Гончарова, туда поступили подлинные вещи и документы из семейных архивов. Еще одна заслуга Ю.М. Алексевой – «Летописец» – уникальный семейный дневник Гончаровых, который Юлия Михайловна переложила со старославянского языка на современный русский. В 1996 году «Летописец» с примечаниями Ю.М. Алексевой был издан.

К сожалению, ее уже давно нет с нами, а дело ее живет.

Нина Егорова-Климко

Галина Михайловна Савинова (1938–2015) – блистательный искусствовед, человек, образец уходящей в небытие генерации прекрасных людей высокой культуры.

Наталья Гудень

Для меня **Галина Михайловна Савинова** – символ красоты и совершенства. Меня поражали ее интеллигентность, образованность, профессионализм. Близко мы сошлись после того, как я побывала в ее волшебном саду. Была весна, из-под снега подняли свои головки первоцветы. Галина Михайловна, как сказочная фея, водила меня по своему саду, показывая наметившиеся всходы. Она не просто любила цветы – они были для нее источником жизненных сил и вдохновения.

Тамара Еперина

В моем сердце особое место занимает **Лилит Николаевна Козлова** (2028–2019). Это человек, который открыл очень многим людям тот невидимый духовный мир, который мы можем при помощи нашего родного языка передавать и нашим потомкам. Учитель и Друг, настоящая во всех проявлениях, она силой духа и энергией поддерживала всех нас. «Храню Любовь как самое святое! Главнее главного, начало всех начал», – так писала Лилит Козлова. С 1999 года Лилит Николаевна была бессменным председателем Ульяновской организации Российского союза профессиональных литераторов.

Татьяна Лотоцкая

Неизгладимый след в моей душе оставили **Инна Эдуардовна Барановская** и **Людмила Викторовна Белозёрова**. Слава Богу, они живы и здоровы.

Инна Эдуардовна Барановская была директором Дворца книги в 1982–1997 годах. Под ее руководством завершилось строительство нового корпуса библиотеки (1984), создан музей «Карамзинская общественная библиотека» (1990 год). Библиотекарь-просветитель, интеллектуал, опытный руководитель, Инна Эдуардовна была нацелена в своей руководящей деятельности на реализацию творческих сил коллектива. Участвовала в работе сессий ИФЛА в Пекине (1990) и в Москве (1991). Главными ценностями для нее всегда оставались Читатель и Книга.

Людмила Викторовна Белозёрова возглавляла Дворец книги в 2002–2006 годы. Заслуженный работник культуры РФ. Защитив диссертацию, стала доцентом кафедры документоведения и библиотековедения факультета культуры и искусства УлГУ. Библиотекарь-новатор, Людмила Викторовна инициировала и успешно реализовала проекты общенационального значения: создание мемориальной экспозиции «Карамзинская общественная библиотека» (1999) и Центра чтения (2003). Главным условием развития человека она всегда считала чтение и много сил отдавала его продвижению.

Ольга Даранова

**Лилит Николаевна
КОЗЛОВА**

**Инна Эдуардовна
БАРАНОВСКАЯ**

**Людмила Викторовна
БЕЛОЗЁРОВА**

Т. Еперина, Л. Чиликова, Е. Кувшинникова

**Элеонора Ильинична
ДЕНИСОВА**

Элеонора Ильинична Денисова... Блистательный ум, улыбка, ямочки на щеках. У женщины с таким ярким именем и не менее яркой внешностью не могло быть обычной судьбы. Хотя нет, как раз могла быть: обаятельным женщинам легче построить семью и жить домашними заботами. Элеонора выбрала другой сценарий. В ее биографию поместились золотая медаль, диплом с отличием престижного московского вуза, работа учителем в высокогорье Дагестана, первым диктором на телевидении, защита кандидатской диссертации и преподавание русской литературы в Махачкалинском пединституте, а затем – в Ульяновском. Но и это лишь формы ее жизни. Она наполняла их глубоким содержанием: чтением стихов, написанием очерков и рассказов, своим отношением к жизни, которое характеризовала как «эстетизированный стоицизм», наполняла свою душу – такой восхитительной и любимой всеми...

Любовь Чиликова

Без Татьяны Громовой, конечно, никогда не попала бы в Ульяновск! Благодаря ей я познакомилась с родиной моих предков, бывшей Симбирской губернией. Мы вместе объездили все места, где когда-то находились семейные усадьбы: Воейковых в Самайкине, Толстых в Каранине, Мертвого в Репьевке, Ушаковых в Жедрине, Мусиных-Пушкиных в Золине.

Памяти Татьяны, моего бессменного и бесценного друга

К каким же образом мы друг друга нашли? Пожалуй, стоит рассказать историю нашего знакомства. Когда в январе 1994 года умерла в Москве моя тета Наталия Иосифовна Ильина, нам с мамой накануне ее похорон позвонили из Петербурга. Звонила Екатерина Дмитриевна, двоюродная сестра моей мамы и Наталии Иосифовны, жившая в Петербурге. Никто из нас, заграничных родственников, не был с ней знаком, никогда до этого не встречался с ней.

Екатерина Дмитриевна Воейкова, дочь расстрелянного врага народа, блокадница, химик по образованию, всю жизнь проработала в Ленинграде на предприятии военно-промышленного комплекса и, естественно, не стремилась общаться с иностранцами. Но мы, конечно, знали друг о друге.

И вот только летом 1994 года, после распада СССР, когда Ленинграду уже вернули старое имя, а Екатерина Дмитриевна вышла на пенсию, я с ней встретила у нее, в Петербурге. Было о чем рассказать и чем поде-

литься. Старые фотографии, письма, рассказы о нашей семье, которые меня так волновали, ведь я так мало знала про это. И тут я узнала, что с Екатериной Дмитриевной уже несколько лет переписывается женщина из Ульяновска, работающая в краеведческом музее. Татьяна Алексеевна, географ по образованию, нашла интересные архивные материалы об Александре Дмитриевиче Воейкове, агрономе и ботанике, «симбирском Мичурине», как она его назвала. Она, кстати, довольно легко нашла Екатерину Дмитриевну, которая сохранила девичью фамилию, а Воейковы вообще редкая фамилия.

В те уже далекие 1990-е годы, когда в России царил такая эйфория среди историков, публиковались новые архивные материалы, освещающие жизнь страны в XX веке, я страшно увлеклась семейным архивом, унаследованным от Наталии Ильиной. И поняла, что мне обязательно нужно поехать на «родину моих предков». Поездки иностранцев по всей России стали уже возможными, и я загорелась идеей поехать вместе

с Екатериной Дмитриевной, которую звала в Ульяновск Татьяна Громова.

И вот в августе 1996 года мы оказались в Ульяновске. Подумать только, четверть века назад!

Мое знакомство с Татьяной, переросшее в дружбу, растянулось на двадцать пять лет!

Я до сих пор очень хорошо помню мое удивление, когда мы, выйдя из самолета, увидели в первый раз Татьяну на аэродроме Ульяновска. Судя по ее почерку и содержанию писем, адресованных Екатерине Дмитриевне, я себе представляла женщину уже в годах, некий божий одуванчик, какие бывают в провинциальных музеях. Оказалась красивая, молодая, стройная и элегантная женщина. И такой она осталась на протяжении всех лет нашего знакомства. Недаром после моего поста в «Фейсбуке», извещающего о ее смерти, с недавней ее фотографией, я получила, помимо выражения скорби и сочувствия, много восхищенных откликов.

Та поездка в 1996 году положила начало моим многочисленным визитам. Четыре года подряд я ездила

Витрина выставки «Памяти Т.А. Громовой» в литературном музее «Дом Языковых» (филиал УОКМ им. И.А. Гончарова)

каждое лето в Ульяновск. Сохранилась наша переписка с Татьяной за эти годы, благо это были еще настоящие письма, а не электронные. Перечитывая их, я многое вспомнила, а главное, поняла, как близко к сердцу Татьяна принимала наши отношения. Через несколько дней после нашего с Екатериной Дмитриевной отъезда она мне написала: «После вашего с Ек. Дм. отъезда немного взгрустнулось, как после разлуки с близкими людьми». Татьяна горела желанием помочь, принять деятельное участие в моих исторических исследованиях, касающихся моей русской семьи. Вообще-то говоря, она знала об истории наших семейств гораздо больше нас! Она постоянно работала в архивах, что-то узнавала, переписывала, всегда делилась всем и написала многочисленные статьи, посвященные истории нашей семьи. Остается составить полную библиографию научных трудов Татьяны Алексеевны. Их не счесть. Перечислю лишь некоторые из них, которые у меня бережно хранятся: «Самайкино я видела во сне»¹, «Там, где кончается асфальт»², «Короткая остановка в Каранине»³, «Тайны и трагедии дворянских гнезд»⁴. А в моем рабочем кабинете в Париже висит копия поколенной росписи дворян Толстых, подаренная ею же.

Конечно, я ей многим обязана, без нее я никогда бы не осилила публикацию писем моей прабабушки Ольги Александровны Воейковой.

Первая моя публикация на русском языке «Бабушкин дом казался странным...»⁵ осуществилась благодаря ее хлопотам, а ей предшествовала ее собственная публикация о Дмитриии Ивановиче Воейкове⁶.

Оказывается, журнал «Мономах», издаваемый в Ульяновске, в который я сейчас снова пишу, увы, уже памяти Татьяны, которая нас покинула в декабре 2020 года, послужил нам крепким связывающим звеном на протяжении всей четверти века совместной работы. Татьяна регулярно посылала мне все выпуски, которые я отдавала в библиотеку Сорбонны. На очередной конференции французских славистов, посвященной русской провинции, я даже выступила с докладом, посвященным «Мономаху», который был опубликован во французском журнале⁷. Перебирая сейчас в памяти все, что меня связывает с Татьяной, хочется подчеркнуть еще другое, не случайное, и совсем недавнее совпадение, тоже относящееся к «Мономаху»: в декабре 2020 года вышли в одном и том же номере журнала две наши публикации. К 175-летию основания Русского географического общества Татьяна написала о местных знаменитых географах, среди которых Александр Иванович Воейков. А меня она попросила рассказать о судьбе «третьего» Александра Воейкова. И вот обе наши статьи открывают журнал и напечатаны рядышком: Татьянаина «Каждый брался за большое дело»⁸ и моя «Семья Во-

ейковых и Русское географическое общество»⁹. Как я рада, что это так получилось!

Вернемся к 1996 году. Эта первая поездка в Ульяновск запечатлелась в моей памяти, я ей даже посвятила рассказ «Поездка на родину предков». Мы с Екатериной Дмитриевной предвкушали наше пребывание в Ульяновске, зная из писем Татьяны, что готовится большая программа, включающая поездку в Самайкино, где когда-то находилась усадьба Воейковых. Но первый визит был в Ульяновский краеведческий музей, где работала Татьяна и куда мы привезли в подарок портрет Дмитрия Ивановича Воейкова, моего прадеда, деда Екатерины Дмитриевны. Старинный фамильный портрет в громоздкой раме был усердно и многожды сфотографирован местными репортерами и попал на страницы местной газеты под смешным заголовком «Симбирские дворянки приехали с подарками». В «Ульяновской правде» появилась другая, более длинная и подробная статья о нас же: «Прикосновение к корням». В «Народной газете» читаем: «Вероника Жобер видит сны по-русски, а ее русская тетка говорит по-французски». И упоминается «настойчивая Громова, <которая> разыскала в Санкт-Петербурге Екатерину Дмитриевну». Мы с тетей Катей были изумлены, потрясены и бесконечно благодарны Татьяне за все то, что она сумела организовать для нас: поездку в Новоспасский район, в Самайкино,

Татьяна Громова с супругом. 05.12.2017. Фото Вероники Жобер

посещение питомника, основанного Александром Дмитриевичем. И всюду, везде нас встречали так дружелюбно, с таким интересом, что порой даже неловко было. Благодаря Татьяне мы познакомилась также с другим важным музеем Ульяновска. Дом-музей Ивана Гончарова оказался тоже связан с историей моей русской семьи. Там нас ждали милейшие сотрудницы Антонина Лобкарева и Ирина Смирнова. Я тогда еще не понимала, какую ценность представляет для них портрет Елизаветы Васильевны Мусиной-Пушкиной работы Майкова, который находился в московской квартире Наталии Иосифовны Ильиной. Сейчас он висит в музее, а его историю рассказала Татьяна¹⁰.

Помню еще, как трогательно она подготовила мою следующую поездку, в 1997 году, когда я собиралась работать в Ульяновском архиве, располагавшемся в здании бывшей церкви святого Германа. Я как раз разбирала письма моей прабабушки, и в письме к внучке Наташе от 25 апреля 1927 года, написанном из Ульяновска, я нашла следующие строчки:

«Пишу под звон колоколов – недалеко от нас церковь св. Германа, где чудный большой колокол, очень звучный, и для меня всегда большое удовольствие утром слушать его мерный, густой звон, разливающийся плавно над симбирскими садами – скоро

наши сады зацветут, и тогда будет полная гармония звуков и благоуханий!». Здесь упоминаются те самые сады, о которых Татьяна написала в своей статье «Яблоневое царство»¹¹ к 350-летию города Симбирска.

В 1999 году мы приехали с моим младшим сыном Колей, многое ему показали, он даже сфотографировался с красным кирпичом якобы из фундамента дома Воейковых в Самайкине, и Татьяна дала интервью о нас¹². Кроме Коли в том же году приезжали еще на несколько дней мои московские друзья Юрий Федорович Карякин и его жена Ирина Николаевна Зорина.

Каждый раз Татьяна нас опекала, всюду водила и возила, организовывала встречи, заботилась обо всем. Летом 2000 года разветвленная семья Мусиных-Пушкиных под эгидой Андрея Андреевича из Парижа организовала поездку в Россию к 200-летию первого издания «Слова о полку Игореве». На конференции в Ярославле мы опять встретились с Татьяной. Она выступала с докладом на тему «Мусины-Пушкины в Симбирской губернии».

В последующие годы мы продолжали регулярно встречаться с Татьяной. Было много разных okazji, в том числе традиционные научные гончаровские конференции 2002, 2007, 2012 гг.

А в мае 2007 г. мне удалось организовать в Париже в Сорбонне международную конференцию на тему «Европа и Россия: сходства и различия». Среди приглашенных ученых были, конечно, Татьяна, и другие мои друзья из Ульяновска: Антонина Лобкарева, Любовь Сапченко и Сергей Петров.

Последняя наша встреча состоялась в декабре 2017 г. Ульяновск меня встретил чудной погодой, была настоящая русская зима, выпало много снега, а потом сияло солнце на безоблачном синем небе. К столетию революции 1917 г. была устроена конференция «1917–1922 гг.: Революция, Кризис, Провинция», и меня пригласили. Мы с Татьяной долго гуляли по Венцу, я побывала снова на ее квартире, в обществе Славы, ее мужа, прекрасного собеседника. Не знала я тогда, что я в последний раз вижу живую Татьяну.

К счастью, наше общение, дистанционное, как принято говорить в наше время, продолжалось до самого конца. В марте прошлого года она вдруг сообщила мне радостное известие: она разыскала в Москве племянника Анны Павловны, жены Всеволода Мусина-Пушкина.

В апреле прошлого года я готовила к публикации интересный рассказ моей бабушки, Екатерины Дмитриевны Ильиной, написанный в Самайкине в 1906 г., где она рассказывает о крестьянских волнениях в ночь Ивана Купалы в деревне. И опять Татьяна выручила меня, нашла бесценные архивные подробности в своих записях, помогла уточнить ряд вопросов.

Как же мне будет трудно сейчас справиться с дальнейшей работой над семейным архивом, не имея больше возможности обратиться за вопросом, за советом к моему другу Татьяне!

Осталось мне сдержатъ обещание, данное ей: отдать оригиналы дневников моей бабушки, написанных в Самайкине, в краеведческий музей Ульяновска, которому она отдавала все свои силы.

Вероника Жобер
Париж, март 2021 года

¹ Деловое обозрение. 9. 2006. С. 52–54.

² Деловое обозрение. 8. 2006. С. 49–51.

³ Мономах. 3. 2008. С. 10–11.

⁴ Вестник. 34. 28 августа 1998.

⁵ Мономах. 2. 1997. С. 23–25.

⁶ Мономах. 4. 1996. С. 58–60.

⁷ «La nouvelle presse provinciale : l'exemple de la revue Le Monomaque de Simbirsk-Oulianovsk », La Revue russe, Paris, 15, 1999, pp. 41-46. https://www.persee.fr/doc/russe_1161-0557_1999_num_15_1_2011

⁸ Мономах. 6. 2020. С. 2–6.

⁹ Мономах. 6. 2020. С. 7–9.

¹⁰ «История одного портрета». Культура и время. 2. 2004. С. 121–125.

¹¹ Мономах. 2. 1998. С. 28–29.

¹² Русские французы в Симбирске. Симбирские губернские вестн. 3 дек. 1999.

Эту статью краевед Татьяна Громова готовила к публикации в декабре прошлого года. Через несколько дней ее не стало, но материал, посвященный симбирским Анненковым, жившим во второй половине XIX – начале XX века, мы публикуем, как и планировали. Выйдут в свет и другие исследования нашей любимой, незабвенной Татьяны Алексеевны.

На сопках Маньчжурии

• Табынская икона
Пресвятой Богородицы

Основательница женской обители в честь Табынской Казанской иконы Божией Матери в Китае

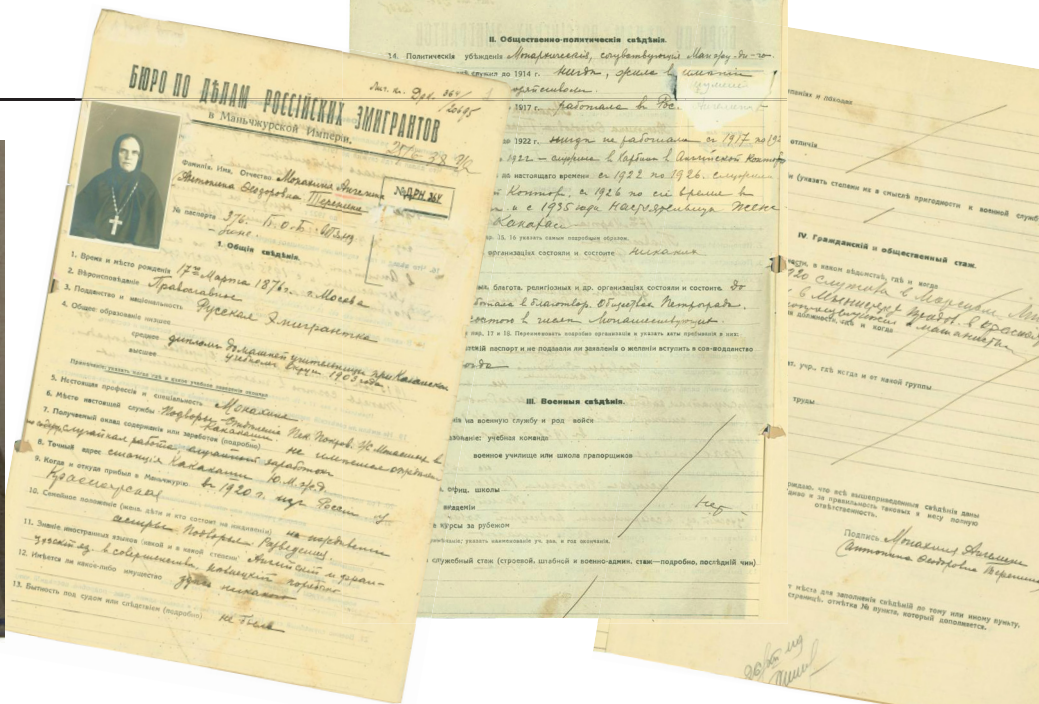
Каждый вечер перед сном матушка Ангелина долго и неистово молилась. Тусклый свет лампы освещал ее скромное жилище, а густой мрак по углам кельи напоминал об одиночестве, в котором она пребывала, казалось, вечно. Но часто и усердная молитва не спасала от бессонницы. Особенно сегодня в день, когда ей исполнилось шестьдесят лет,

одиночество и оторванность от всего родного она почувствовала особенно остро. Душу разбередила анкета эмигранта, принятая в Маньчжоу-го, которую ей пришлось заполнить месяц назад. С тех пор воспоминания возвращались к ней почти каждую ночь. Память уносила ее в прошлое, в далекую Россию, на Волгу, туда, где ее все знали как Антонину Федоровну Анненкову и где она была счастлива.

Антонина Анненкова
(монахиня Ангелина)

Антонина Анненкова родилась в Москве 29 (17) марта 1876 года в семье потомственных дворян, чьи родословные уходят корнями в глубь веков. Ее отец, Федор Александрович Анненков, был сыном симбирского дворянина Александра Николаевича Анненкова, двоюродного брата декабриста Ивана Александровича Анненкова (читайте стр. 11–14). Родителями матери, Веры Семеновны Анненковой, были Семен Семенович Хлюстин и Любовь Григорьевна Хлюстина.

Федор Александрович и Вера Семеновна обвенчались в 1860 году. Потом несколько лет жили то в Париже, то в Москве, то в Симбирске.

Детство и юность Антонины прошла в Симбирской губернии в поместье отца, доставшемся ему от родителей. Усадьба Анненковых находилась недалеко от Симбирска в деревушке под названием Грязнушка, или Малое Анненково (ныне входит в городскую черту Железнодорожного района). Семья переехала сюда в начале 1880-х годов. Близость к губернскому городу позволяла большую часть года проводить в Симбирске, там у них был собственный дом в центре города (Анненковский пер., ныне ул. Железной Дивизии). Федор Александрович был занят службой в земстве. Окончив в 1853 году Александровский лицей, он прослужил несколько лет чиновником в одном из московских департаментов, но потом вернулся на родину. В 1873 году симбирские дворяне избрали на год его своим уездным предводителем, но в это время они с женой жили в Париже, от должности ему пришлось отказаться. Потом он служил в уезд-

ной земской управе, а в 1891 году его избрали председателем губернской земской управы.

Первое время жизнь Анненковых протекала весьма благополучно. Симбиряне ценили Федора Александровича за ум, честность и усердную службу, а еще за хлебосольство. Гостей в его доме всегда ждал теплый прием, душевная беседа с хозяином, отличавшегося остроумием.

Все дети Анненковых, включая дочерей, получили хорошее образование в лучших учебных заведениях страны. Образованию в семье придавали особое значение. Дед Антонины по матери, Семен Семенович Хлюстин, с молодых лет обучался за границей в Оксфордском университете, служил в Министерстве иностранных дел. Был знаком с А.С. Пушкиными, П.Я. Чаадаевым, состоял в Обществе любителей русской словесности при Московском университете. Под стать ему была и жена Любовь Григорьевна. Рано осиротев, она воспитывалась в Московском Екатерининском институте благородных девиц и находилась под особым покровительством императрицы Марии Федоровны. После смерти мужа Любовь Григорьевна сама занималась воспитанием и образованием пятерых дочерей. Когда девочки немного подросли, все семейство переехало в Москву, затем — за границу: вначале жили в Италии, впоследствии поселились во Франции. В Париже постоянно проживала ее мать Вера Ивановна Хлюстина с дочерью Анастасией Семеновной, бывшей замужем за французским дипломатом графом Адольфом де Сиркур. В своем доме на Елисейских Полях графиня де Сиркур содержала

один из самых известных в Париже салонов, в котором по четвергам собиралось избранное общество, куда входили политики, литераторы и высший генералитет.

Антонина Анненкова получила сначала домашнее образование. Она знала в совершенстве три иностранных языка и готовилась сдавать экзамены в Казанский Родионовский институт для благородных девиц на звание домашней учительницы. В 1893 году она была допущена к их сдаче. Экзамены сдала блестяще, сочинение писала на тему «Карамзин: его место и значение в русской литературе».

Все это происходило не в лучшие для Анненковых годы, когда словно злой рок преследовал дружную и любящую семью. С начала 1890-х годов несчастья следовали одно за другим. Вначале покончил с собой старший сын Анненковых Борис Федорович, поступивший на военную службу. Поговаривали, что причиной стали сделанные им большие долги. Не успела семья оправиться от этого удара, как в начале 1892 года за братом последовал второй сын Анненковых — Николай, проходивший службу в гусарском полку в Кишиневе. О его самоубийстве из-за растраты четырех тысяч казенных денег писали в те дни газеты.

В том же году 6 сентября умер от холеры третий сын Анненковых — Александр. Карсунский дворянин А.П. Родионов, через своего племянника находившийся в родстве с Анненковыми, писал, что умерший, перелевев чем-то в детстве, имел одну ногу короче другой, но на вид был здоровый юноша 25 лет. Умом и способностью не отличался, как и братья,

на взгляд казался простодушным, рассеянным, но был очень добрым. Он окончил Московский университет, вернулся к родителям, чтобы помогать отцу управляться с хозяйством. Поступил на службу в Симбирске. Тем летом он ездил осматривать родовые имения в Пензенской и Орловской губерниях, потом отправился в Нижний Новгород за подрядом на камень для строительства моста через Свягу в Симбирске (он руководил строительством). В поездке его и настигла болезнь. Возвращался домой на пароходе. Почувствовал себя плохо, но за медицинской помощью не обратился. Закрывшись в каюте из-за опасения, что его снимут с парохода и поместят в заразный барак, пролежал там полтора дня, потом 18 верст от пристани ехал на лошадях домой в Грязнушку. По дороге попал под дождь и промок. Вызванный родителями доктор Боровский установил, что у Александра Федоровича зашедшая далеко «азиатская холера» и помочь уже ничем нельзя. (Дн. № 6/1892. С. 337).

Потеряв одного за другим трех братьев, Антонина Федоровна долго не могла смириться с утратой. Что уж говорить о родителях! В память о сыновьях Вера Семеновна и Федор Александрович выстроили в Грязнушке Крестовоздвиженскую домовую каменную церковь. На ее освящение 13 сентября 1893 года приехали все близкие и знакомые Анненковых. Был губернатор Акинфов, губернский предводитель дворянства князь Оболенский, все члены губернской земской управы, соборный притч и архиерейские певчие, а также ближайшие родственники и соседи.

За трагедией с сыновьями Вера Семеновна не забывала об оставшихся детях. Дочерям присматривала достойных женихов. Особо выделяла Николая Александровича Родионова. Его отец не забыл это отметить в дневнике, описывая одну из поездок в Грязнушку к Анненковым: «Вера Семеновна была любезна, что-то все время поручала Антонине показывать нам сад; то сажала меня рядом с нею за ужином. Ясно, что Вера Семеновна открывает мне глаза на то, что не раз высказывал Николай Александрович, а именно: ей нравится наш Коля... Антонина девушка, кажется мне, серьезная, и во многом не похожа на большинство барышень – болтушек и ветреных. Но! Она не красива и не может похвалиться цве-

тущим видом и здоровьем, т. е. в ней нет того, что желательно бы (говоря о здоровье) видеть в моей невестке». Но, как умный отец, выбор он все же оставлял за сыном.

Смерть детей сильно подкосила здоровье Федора Александровича. В 1895 году он оставил службу в губернской управе. При уходе за многолетнюю службу на земском поприще он получил от правительства орден Святого Станислава 3-й степени и серебряную медаль на Александровской ленте. В 1898 году Федора Александровича не стало, ему было 64 года. Вера Семеновна пережила мужа всего на шесть лет.

Когда умер отец, младший брат Антонины Анненковой, Владимир Федорович, был учеником 6-го класса Симбирской мужской классической гимназии. В 1901 году он окончил с серебряной медалью Александровский лицей. После чего ему пришлось вернуться в Симбирск и взять опекунство над матерью и сестрами. Он неплохо управлялся с хозяйством. В Грязнушке работал крахмальный завод, в Пензенской губернии в деревне Ломовка им был устроен конный завод. Лошадей Владимир Федорович покупал у знакомых симбирских помещиков И.И. Дубровина, А.П. Родионова, П.Ф. Филатова и других. Все закончилось в 1909 году. 24 декабря Владимира Федоровича не стало. Антонина и ее сестра Наталья остались совсем одни. За десять лет от некогда большой и дружной семьи остались одни осколки. Опустевший дом тяготил сестер. Чтобы забыть и хоть как-то поменять жизнь, обе они решили на время уехать в Петербург, оставив имение в руках управляющего.

Еще до приезда в Петербург, вступив в наследство после смерти матери в 1906 году, сестры вложили деньги в столичную недвижимость, став совладельцами доходного дома на Загородном проспекте, 10. Чуть позже вступили в число домовладельцев доходного дома на набережной Черной речки, 49. Загородный проспект Петербурга в основном был застроен доходными домами. В четырехэтажном доме № 10 первый этаж занимали модные магазины. Выше располагались помещения, занятые конторками и конторами состоятельных горожан. Через три дома вверх по улице находился дорогой ресторан «Слон». А на противоположной стороне улицы рядом с небольшой

Михаил Теренин, супруг Антонины Анненковой

часовней, в доме Ш.З. Корфа, во всю шла торговля мебелью и антиквариатом. Еще не так давно набережная Черной речки была пасторальным пригородом столицы, где горожане снимали дачи. В 1833 году на месте дома № 49 находился дом немца-метрдротеля Миллера, где снимал дачу А.С. Пушкин и совершал прогулки в его окрестностях среди рощ и дубов. Но в конце XIX – начале XX века местность начала застраиваться доходными домами. Купчиха П.И. Поршнева в 1906 году построила в этом месте по проекту архитектора М.А. Цейля доходные дома в стиле модерн.

Переехав в столицу в 1909 году, материально независимые благодаря получаемому доходу с недвижимости сестры Анненковы поселились на Моховой улице, 22, которая находилась в самом центре Петербурга.

Антонина и Наталья Анненковы не сидели без дела. Желание быть полезным своему народу в те годы приветствовалось всеми слоями российского общества. В столице, как нигде, существовало много благотворительных обществ, в которых охотно принимали всех согласных работать на безвозмездной основе. В одно из них пришла Антонина Федоровна Анненкова. Это было отделение Общества попечения о бедных и больных детях «Синий Крест», учрежденное в 1882 году по инициативе Анны Соломоновны Балицкой. В начале XX века оно состояло под августейшим покровительством великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Общество ставило целью оказание помощи бедным и больным детям, находящимся в неблагоприятных нравственных и материальных условиях. К 1909

году общество имело в Петербурге несколько отделений: ясли, приюты, детские столовые, больницы. В постоянных приютах сироты получали общее начальное образование, однако умственный труд не был главным: детям старались дать воспитание и приучить к физическому труду. Антонина Федоровна в 1909–1910 годы была председателем одного из отделений. Но в 1911 году ее пригласили исполнять обязанности секретаря и казначея благотворительного общества «Муравей». Эти обязанности она исполняла до 1916 года.

В июне 1910 года был основан рабочий дом для бедных женщин на Петербургской стороне. При доме имелся склад теплой одежды и обуви для раздачи бедным детям. В феврале 1911-го на ул. Зверинской, 17 общество открыло мастерскую дамских нарядов, к работе в которой были привлечены некоторые девочки из убежища.

Когда началась Первая мировая война и город стал заполняться ранеными, Антонина Федоровна вместе с сестрой записались в Красный Крест и в свободное время помогали медсестрам в лазаретах.

Антонине Федоровне было почти сорок, она не имела семьи, о которой мечтает каждая женщина. Но в 1916 году все изменилось. Она встретила спутника жизни, с которым, впрочем, была знакома с детства. Ее избранником стал морской офицер, капитан 2-го ранга Михаил Михайлович Теренин (01.03.1879, Симбирск – 02.07.1957, Сан-Франциско), сын симбирского губернатора Михаила Николаевича Теренина. Ему было 37 лет. После окончания Московского университета с 1903-го по 1906 год он служил на флоте, участвовал в войне с Японией. Выйдя в отставку, уехал на родину в Буинский уезд, где быстро продвинулся по службе от земского начальника до уездного предводителя дворянства, в 1912 году был назначен на должность вице-губернатора Холмской губернии. Но оккупация Польши в годы Первой мировой войны и эвакуация всех уездных и губернских учреждений в Казань оставили его не у дел. Михаил Теренин вернулся в столицу, где вновь был зачислен в чине капитана 2-го ранга в балтийский флотский экипаж.

В Петрограде Антонина Федоровна встретила с ним в доме его сестры Надежды Михайловны Терениной и вскоре стала его женой. Но

их счастливая и спокойная семейная жизнь продлилась недолго. Вскоре произошла революция, началась Гражданская война. В начале 1918 года мужа назначили начальником штаба боевого флота Волжской флотилии, в декабре перевели по службе в Архангельск. Потом была армия адмирала Колчака, Омск, Новониколаевск (Новосибирск) и последующий исход из страны, растерянность и страх... Встретивший его в начале 1920 года в вагоне датской миссии поезда, выехавшего из Верхнеудинска (г. Улан-Удэ), Иосиф Сергеевич Ильин записал в дневнике: «16 января. Вагон... В другом вагоне едет Михаил Михайлович Теренин – наш симбирский Теренин. Он так всего боится, что никуда не выходит и круглыми сутками лежмя лежит на верхней полке, покрывшись тулупом».

С момента замужества Антонина Федоровна везде следовала за мужем. Расставшись с сестрой в революционном Петрограде, она потеряла с ней связь. В 1918–1920 годы колчаковского правительства в Омске служила вместе с мужем в Морском министерстве. Но дальше их пути разошлись. Когда муж вместе с отступающими войсками двигался на восток, она какое-то время жила в Красноярске, работала в Министерстве продовольствия делопроизводителем и машинисткой. В конце 1920 года с волной эмигрантов прибыла в Харбин, сняв квартиру на Ажихейской улице, 7. Хорошо зная языки, она легко устроилась в английскую контору, где проработала четыре года. В 1922 году с мужем оформила развод. Одиночество, бедность подтолкнули ее к принятию непростого решения.

В марте 1925 года Антонина Федоровна Анненкова решила избрать иноческий образ жизни и поступила в только что открывшийся Харбинский Богородице-Владимирский женский монастырь, приняв постриг. Она поддерживала связь с бывшими симбирскими дворянами, наладила переписку с сестрой Натальей Федоровной, оставшейся в Советской России, в городе на Неве, теперь носившем имя Ленина. Но и эти связи оборвались, когда в 1931 году Япония захватила северо-восток Китая, образовав государство Маньчжоу-го. Многие русские эмигранты, жившие в Харбине, стали уезжать в Шанхай. А монахиня Ангелина перебралась на время в Пекин. Через три года она нашла себе там новое пристанище

среди сестер Пекинского Покровского женского монастыря при Русской духовной миссии. Спустя полгода, присмотрев место на южной оконечности полуострова Ляодун на берегу Бохайского пролива в местечке Какагаши (кит. Шай-Шай-Хьдз) под Дайреном, монахиня Ангелина основала подворье монастыря. Хотя территория принадлежала другому государству, она, получив благословение настоятеля, отправилась в Маньчжоуго. Матушка Ангелина преследовала благие цели. В этом месте проживала колония русских эмигрантов, среди которых заметной фигурой был казачий атаман Григорий Михайлович Семенов.

Дом Г.М. Семенова в Какагаши

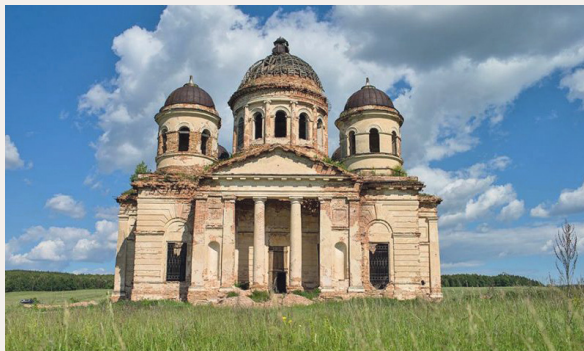
В Какагаши он выстроил для себя и своей семьи трехэтажный дом с хозяйственными постройками, небольшим виноградником, молочной фермой для продуктов на продажу, собственной пасекой. Рядом со своим домом Семенов выстроил еще один дом и поселил в нем восемь семей офицеров-белогвардейцев, помогал им продуктами и почти не брал с них квартплату. Недалеко от Дайрена было еще несколько мест проживания русских эмигрантов, в основном казаков. На свои средства они построили сначала небольшой православный храм и основали русское кладбище при нем. А вскоре тут же отстроилось и подворье матушки Ангелины. Впоследствии оно стало обителью в честь Табынской Казанской иконы Божией Матери, а монахиня Ангелина стала ее настоятельницей, отличалась строгостью и неукоснительным соблюдением порядка в монастыре, который создавала своими руками.

Когда выдавалась свободная минутка, игуменья Ангелина подходила к окну кельи и вглядывалась в безбрежную манящую даль морского залива, словно пыталась увидеть в зыбком мареве что-то очень важное для себя.

Татьяна Громова

«Мой сын не трус!»

✦ Храм Живоначальной Троицы в селе Пятино. 2014

Тот, кто смотрел фильм «Звезда пленительного счастья», никогда не забудет гротесковый образ старухи – Анны Ивановны, матери декабриста Ивана Анненкова, которую блистательно сыграла Татьяна Панкова. Симбирянам Анна Ивановна (1762?–1842) известна как владелица земельных угодий в Карсунском уезде Симбирской губернии.

Эти земли перешли ей по наследству после упокоения супруга, Александра Никаноровича Анненкова (?–1803), богатого дворянина, который при жизни владел большими угодьями в Среднем Поволжье. В память о покойном муже и сыне Григориц, а также во спасение сына-каторжника помещица построила величественный Троицкий храм в селе Пятино (ныне Инзенский район), где побывал Александр Дюма-старший, автор романа «Учитель фехтования», посвященного декабристу Ивану Анненкову и его супруге. Великий Дюма в своих записках указывал, что предпринял трудное и опасное путешествие по Волге с целью увидеть места, связанные с жизнью своего героя. С этой целью он посетил Пятино (раннее название – Пятина), где за несколько месяцев до ареста Иван Анненков провел лето со своей невестой Полиной Гёбль. О своих непростых отношениях со свекровью Полина расскажет в мемуарах. А мы попытаемся разобраться, какой на самом деле была Анна Ивановна Анненкова.

Не так давно в парижских книжных магазинах появилась повесть Ирэн Френ «Я последую за тобой даже в Сибирь», и французское общество, подзабывшее роман Александра Дюма «Учитель фехтования», заговорило о подвиге Полины (Полин) Гёбль, которая добровольно отправилась на каторгу вслед за любимым. После ссылки в 1861 году Прасковья Егоровна (такое имя Полина приняла после венчания в Чите) надиктовала дочери Ольге историю своей жизни на французском языке. Впоследствии Ольга Ивановна перевела мемуары на русский и опубликовала их, в издание также вошли воспоминания самого Ивана Анненкова – их записала в 1872 году под диктовку деда Екатерина Гагарина, внучка декабриста.

Полин Гёбль родилась во Франции в дворянской семье. Ее отец, офицер королевских драгун, служил в армии Наполеона и был убит во время военных действий в Испании местными партизанами. Вдова и четверо детей оказались в бедственном положении. И девятилетняя Полин проявила характер: она бросилась к лошади, на которой восседал Наполеон, и вручила императору прошение, написанное матерью, о назначении пенсии. В фильме «Звезда пленительного счастья» мы видим похожую сцену: девушка удерживает русского

✦ Александр Никанорович Анненков, отец декабриста. Портрет неизвестного художника. Начало 1800-х годов

✦ Анна Анненкова. Эдмон Пьер Мортен. 1820

императора Николая I, возвышающегося на скакуне, и подает ему прошение, умоляя разрешить последовать за женихом в Сибирь. На самом деле такого эпизода в жизни Полины не было.

Когда Иван Анненков был арестован, его возлюбленная уже ждала ребенка. Беременность, скорее всего, наступила именно в Симбирской губернии, в селе Пятино, где летом 1825 года отдыхали влюбленные. В апреле 1826 года Полина родила дочку и назвала ее Александрой. Вскоре

арестантов отправили в Сибирь, и француженка стала добиваться встречи с императором, чтобы передать письмо с просьбой разрешить незаконной супруге заключенного офицера отправиться за ним в ссылку. В Вязьме благодаря поддержке друзей, приближенных к императору, Полин удалось вручить прошение. Позже она процитировала его в мемуарах: «Я всецело жертвую собой человеку, без которого не могу долее жить, – это самое пламенное мое желание». Николай I был тронут ее искренностью

и разрешил отправиться в Сибирь. Он приказал узнать, сколько ей надо денег на дорогу, и прислал 2000 рублей. Впоследствии государь исполнил и другие ее просьбы, обращенные к нему из Нерчинска.

Многие эпизоды, описанные Полиной в книге воспоминаний, раскрывают удивительные качества этой девушки. Ожидая встречи с государем, она несколько суток не спала и не ела и с трудом держалась на ногах. Но уже через день, в праздник Троицы, отправилась с обитателями дома Анненковой пешком в Троице-Сергиеву лавру. «Пройдя в первый день 25 верст, – пишет она, – на другой, конечно, мы слегли. Особенно у меня с непривычки очень распухли ноги, однако же, отдохнув, все-таки дошли и даже назад вернулись также пешком. Меня приводило в восторг православное богослужение, я находила его великолепным, отстояла обедню и всенощную и горячо и искренно молилась».

Она была дворянкой по происхождению. Девушка решительная, боевая, целеустремленная. Будучи подростком, во время гадания с подружками она вдруг заявила, что выйдет замуж только за русского. Сама судьба (так она пишет в воспоминаниях) привела ее в Москву, где ей суждено было встретиться с Иваном. Здесь, в модном доме «Дюманси», Полина работала сначала портнихой, а потом получила должность старшей приказчицы. Возможно, действительно, Богу было угодно, чтобы молодая француженка встретила красавца кавалергарда: модный дом находился на Петровской улице, рядом с роскошным особняком Анненковых на углу Петровки с Кузнец-

Иван Анненков

Полина Гёбль

ким мостом. По мнению московских архитекторов, этот оригинальный дом проектировал В.И. Баженов по заказу Иркутского генерал-губернатора И.В. Якоби, который таким образом готовил приданое единственной дочери Анне. Центральную часть дома украшала высокая полуротонда, к ней примыкали два симметричных трехэтажных флигеля. В 1792 году, когда Анна вышла замуж за Александра Никаноровича Анненкова, к дому пристроили длинный двухэтажный корпус по Петровской улице.

Анна Ивановна слыха модницей и имела привычку захаживать в модный дом «Дюманси». Однажды она заглянула туда с сыном Иваном. Это была весна 1825 года. Юный кавалергард был настолько хорош собой, что Полина сразу же потеряла голову. Как свидетельствуют историки, девушка произвела приятное впечатление и на мать, и на сына: умная, хорошо воспитанная, милая, хотя и не красавица.

С тех пор, как пишет Полина, Иван не давал ей проходу. В июне они вместе отправились в Пензу на ярмарку: Гёбль приехала с товаром модного дома, а Иван Анненков намеревался купить лошадей для полка. Вот что пишет о дальнейших событиях Полина: «Наконец, закупив лошадей, Анненков стал собираться уезжать. Ему предстояло большое путешествие: он должен был объехать все свои имения, находившиеся в Пензенской, Симбирской и Нижегородской губерниях. Нам приходилось расстаться, и я заметила, что Иван Александрович становился все мрачнее и задумчивее <...>. Расстаться с ним у меня не достало духу, и мы выехали вместе из Пензы 3 июля 1825 года. В одной из деревень его, где была церковь, он настаивал, чтоб мы обвенчались, и уже приготовил для этого священника и двух свидетелей, но я решительно отказалась от брака без согласия его матери. В Симбирской губернии мы долее всего оставались в селе Петине (до революции писалось: Пятина. Долгое нахождение Анненкова в Пятине связано, скорее всего, с начатым строительством Троицкого храма, заложенного в 1823 году. – *Ред.*). Это богатейшее имение на Суре (р. Большой Аргаш, приток Суры. – *Ред.*), и тут я в первый раз ела знаменитые сурские стерляди. Барский дом в Петине был довольно старый и запущенный. Когда мы с ним стали рассматривать, что лежало в углу, то оказалось, что это была старая серебряная посуда, и когда свесили всю эту посуду, то оказалось 60 пудов серебра».

Прожив несколько месяцев в Симбирской губернии, молодые люди вернулись 2 ноября 1825 года в Москву. С каждым днем Иван стано-

Дом А.И. Анненковой в Москве

вился все мрачнее. 29 ноября Москва узнала о кончине государя, и тогда Анненков решился признаться Полине, что имеет отношение к заговорщикам и скоро произойдут страшные события. 2 декабря он уехал в свой полк в Петербург. Восстание декабристов произошло 14 декабря, а 19 декабря Иван Анненков был арестован. Он ждал своей участи в Петропавловской крепости. Полина была в отчаянии, ведь она ждала ребенка!

Анна Ивановна потребовала, чтобы избранница сына явилась к ней с визитом. Вот как в конце жизни Полина опишет дом свекрови: «Старуха была окружена приживалками и жила невозможной жизнью... я была поражена всем, что увидела. Мне, как иностранке, казалось, что я попала в сказочный мир. Дом был громадный, в нем жило до 150 человек, составлявших свиту Анны Ивановны. Парадных комнат было без конца, но Анна Ивановна никогда почти не выходила из своих апартаментов <...>. Беспорядок и воровство в доме были так велики, что под конец жизни Анны Ивановны все серебро, которого было немало, было заложено. Оно выкупалось из ломбарда, когда давался какой-нибудь обед, и на другой день снова закладывалось...»

В своих мемуарах невестка соз-

дала негативный образ свекрови – таковой Анна Ивановна показана в фильме «Звезда пленительного счастья». Но факты рисуют другую картину. Оценим их сторонним взглядом.

После родов молодая женщина три месяца лежала в горячке. Денег не было. Узнав о ее бедственном положении, Анна Ивановна послала 600 рублей. Лишившись старшего сына (Григорий погиб на дуэли в 1824 году) и зная горячий нрав младшего и его образ жизни, вполне типичный для золотой молодежи того времени, мать боялась потерять Ивана и страшилась дуэлей, но беда явилась с другой стороны: Анненков был осужден как государственный изменник. Он не имел права на наследство, и мать горевала, узнав, что сын не успел обвенчаться с француженкой: все имущество должно будет отойти к дальним родственникам, а не к супруге Ивана и новорожденной Александре.

Полина отправилась в Петербург. Не зная русского языка, подкупала охранников. Она не была супругой и не имела права на свидания. Каждая встреча, каждая записка от любимого стоили очень дорого. Анна Ивановна передала сыну в крепость 1500 рублей через родственника Якоби, а тот решил, что сумма слишком велика для арестанта, и передал всего 500 рублей. Но и эти деньги выкрали часовые. Полине удалось передать Ивану серебряный крестик, куда она спрятала записку: «Я пойду за тобой в Сибирь».

Страх за любимого натолкнул женщину на дерзкую мысль: что если выкрасть Ивана? Как раз один немец продавал свой паспорт за шесть тысяч рублей. Чтобы устроить побег из

крепости, требовались большие деньги. И девушка попросила Анну Ивановну о встрече. Она была уверена, что мать поддержит ее идею.

«Входя, я поклонилась ей очень церемонно, она привстала с своего кресла... Я подошла ближе, она бросилась ко мне на шею и зарыдала... В эту минуту казалось, что все величие, окружавшее эту женщину, ее оставило: она являлась матерью». Полина перешла к главному вопросу: готова ли мать финансировать побег сына из крепости? В ответ на это Анна Ивановна закричала: «Мой сын не трус! Он не станет беглецом!»

Невестка до конца жизни не простила ей этот ответ. Жизнь Ивана под чужим паспортом могла пойти совсем по другому сценарию: безмятежно, гладко, в каком-нибудь тихом местечке под Парижем... Но как с этим могла согласиться потомственная дворянка Анна Ивановна, дочь наместника Сибири И.В. Якоби и вдова капитана лейб-гвардии Преображенского полка Александра Никаноровича Анненкова!

Позорное бегство сына? Никогда!

Да, Анна Ивановна была строга и своевольна. Из-за болезни сердца коченели ноги, она постоянно зябла и заставляла девок греть для нее одежду и место в экипаже. Капризы помещицы выглядели комично. Но вряд ли русская дворянка могла иначе отреагировать на предложение о побеге сына из-под ареста.

Старуха Анненкова очень привязалась к Полине. Каждый вечер посылала за ней карету. Она говорила, что веселый характер невестки оживляет ее и заставляет забывать горе, и не отпускала ее от себя. Девушка

Храм Живоначальной Троицы

Храм Живоначальной Троицы

Настенная фреска в храме Живоначальной Троицы в с. Пятино

поселилась в доме Анненковых. Когда она сердилась на Анну Ивановну, закрывалась в комнате и не выходила. Свекровь присылала ей разные сладости, цветы, фрукты и, наконец, выполняла требования невестки. Конечно, все просьбы Полины касались Ивана, но выглядели они в глазах свекрови радикальными. К примеру, чтобы отправить арестанта чемодан с одеждой, надо было добиться личного разрешения государя. А в поездках Полины в крепость мать видела опасность для сына: полиция воспринимала француженку как революционерку. Анна Ивановна была уверена, что государь попугает заговорщиков и через пару лет отменит каторгу, поэтому уговаривала невестку не ехать в Сибирь. Как-то раз, вспоминает Полина, «она приказала принести одну из шкатулок с бриллиантами и надела на меня не менее как тысяч на 100 вещей. Это был целый парюр из великолепных камэ, обложенных крупными бриллиантами, даже кушак был такой же». Старуха часто плакала: «Нет ни одной души из всех окружающих меня, которая была бы ко мне привязана. Когда вы уедете, они отравят меня». Провожая Полину в Сибирь, Анна Ивановна снабдила ее деньгами.

Мать декабриста прожила долгую жизнь. Родственники не отравили ее, но отсудили имения, а прислуга обобрала дом. Когда в 1842 году Анна

Ивановна умерла, ее не на что было хоронить.

Весной 1828 года Полина прибыла в Читу, а через месяц, 4 апреля 1828 года, приняла православие с именем Прасковья и венчалась с Иваном Анненковым в Михайло-Архангельской острожной церкви. Поначалу супруги встречались не более двух раз в неделю, все остальное время уходило на непростой быт. Прасковья Егоровна рожала часто, но в живых осталось шестеро детей. В 1841 году И.А. Анненкова перевели в Тобольск, а после амнистии 1856 года семья смогла переехать в Нижний Новгород. До конца своих дней Прасковья не утратила любви к мужу, да и он не мог без нее обходиться. Она ушла из жизни в сентябре 1876 года. Иван Александрович впал в депрессию и скончался 27 января 1878 года.

Но вернемся к Анне Ивановне. Отказавшись финансировать побег сына, она выбрала другой путь: активно включилась в строительство храма Живоначальной Троицы в селе Пятино. Он был заложен в память о покойном муже, а теперь, во искупление грехов сына-декабриста, мать решила ускорить процесс, дабы молиться об освобождении Ивана.

Проект храма создал известный архитектор Михаил Петрович Коринфский. По некоторым сведениям, проект был предназначен для строительства Троицкого храма на Собор-

ной площади Симбирска, но помещица выкупила чертежи для Пятино. Строительство храма закончилось в 1832 году. Анна Ивановна вложила в него почти все свои средства. Так в селе поднялся красавец храм, по великолепию и богатству, а также внешнему облику напоминающий Исаакиевский собор.

Когда погружаешься в историю жизни и любви Ивана и Прасковьи Анненковых и вспоминаешь жертвенность матери, отмаливающей сына-каторжника, перед глазами встает величественный Троицкий храм в Пятино – в том виде, каком редакция журнала «Мономах» застала его в начале 1990-х годов. Сейчас этот красавец одиноко стоит среди поля – весь в трещинах, с зияющими дырами вместо дверей и окон, с обвалившейся крышей и непотребными надписями на стенах и диковинных фресках. А ведь в 1990 году церковь Живоначальной Троицы вошла в список объектов культурного наследия регионального значения. Несколько раз предпринимались попытки восстановить уникальное сооружение, но дело почти не движется. Символ материнской любви, символ величия русского духа стоит неприкаянный на пустыре, как и сама поруганная Россия.

Ольга Шейпак

В подготовке материала использованы воспоминания Полины Анненковой

Наталья Львовна Ренкевич-Киндякова и её потомки

Гончаров не выдумал героинь «Обрыва»

Наталья Львовна родилась в 1817 году (по другим сведениям, в 1818 г.) в семье симбирского дворянина, майора артиллерии Льва Васильевича Киндякова (около 1772 – после 1855) и его жены Анны Владиславовны (?–1857). У нее были старший брат Александр (1805–1884) и сестра Аделаида (?– после 1855). Александр был определен в военную службу и в 1833 году вышел в отставку в чине подполковника. Наталья и Аделаида получили домашнее воспитание и образование.

В июне 1836 года в Симбирск прибыл новый губернский прокурор Ефим Ефимович Ренкевич (07.04.1807–14.03.1849). Думается, одним из первых он нанес визит Киндяковым, так как находился с ними в отдаленном родстве.

Генерал-майор
Е.Е. Ренкевич (1846–1896)

Его двоюродный брат – участник Отечественной войны 1812 года, впоследствии генерал-майор Александр Васильевич Пашков (1792–1868) был женат на племяннице Льва Васильевича Елизавете Петровне Киндяковой (1805–1854). Молодой прокурор познакомился со своими симбирскими родственниками и стал часто бывать в их гостеприимном доме. Встреча с 18-летней Натальей Киндяковой стала для него судьбоносной. В августе 1839 года состоялась их свадьба. Венчание проходило в Николаевской церкви, одной из самых старых и

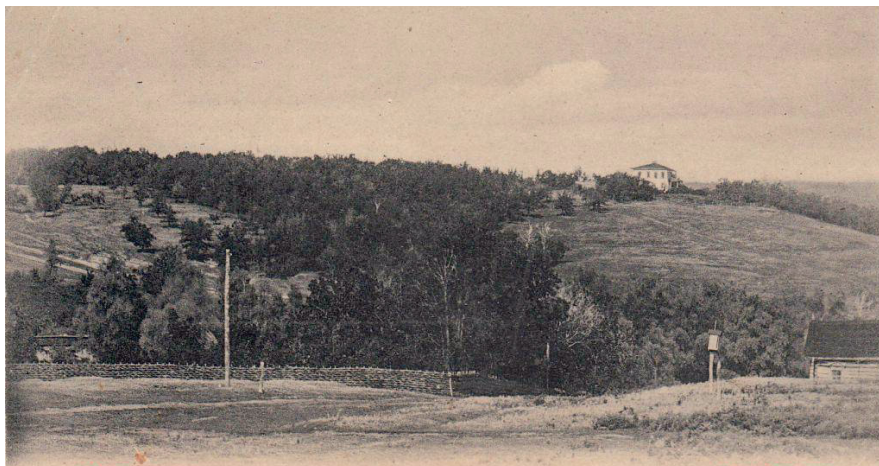
красивых церквей Симбирска. Поручителями жениха был казанский дворянин коллежский ассессор Николай Исаевич Дебрейс и гвардии подполковник Михаил Михайлович Наумов; поручителями невесты – гвардии полковник Петр Александрович Карпов и коллежский советник Василий Михайлович Ефимович. Таким образом, двоюродные братья А. Пашков и Е. Ренкевич женились на двоюродных сестрах Киндяковых.

Муж Натальи Львовны по отцу Ефиму Ефимовичу Ренкевичу-старшему (1772–1834) происходил из дворян Лифляндской губернии. Полковник Е.Е. Ренкевич был участником Отечественной войны 1812 года и заграничных походов Русской армии. Перейдя на гражданскую службу, был в 1816–1818 годах симбирским вице-губернатором, затем московским вице-губернатором. В 1830–1834 годах служил губернатором в Вятке. В 1799 году Ренкевич удачно женился на бо-

гатой невесте – Александре Александровне Пашковой (1770–1825), старшей дочери известного богача, владельца знаменитого Дома Пашкова в Москве Александра Ильича Пашкова (1734–1809) от его брака с Дарьей Ивановной Мясниковой (1743–1808). В браке появилось четверо детей: Мария, Александр, Татьяна и Ефим.

Ефим Ефимович Ренкевич-младший учился в Пажеском корпусе – элитарном военно-учебном заведении, дающем своим воспитанникам первоклассное образование, достойное будущих офицеров гвардии. Но от военной карьеры пришлось отказаться, по болезни ему пришлось покинуть корпус. В 1825 году Ефим Ефимович поступил на статскую службу в Государственную Коллегию Иностранных Дел чиновником 14-го класса. Затем Ренкевич служил в Департаменте внешней торговли Министерства финансов переводчиком, а в 1830 году поступил на службу в

Киндяковка, место действия романа «Обрыв»

Департамент Уделов и был пожалован в титулярные советники. В июне 1830 года он был утвержден столоначальником Вятской Удельной Конторы и прослужил там четыре года.

В Симбирске карьера Е.Е. Ренкевича складывалась достаточно успешно. Вскоре после приезда он был произведен в надворные советники, а через два года в коллежские советники. «Министерство юстиции, судя по действиям его в продолжении 3-летнего занятия им настоящей должности, почитало его всегда одним из лучших и деятельных прокуроров», – отмечал министр юстиции Д.Н. Блудов.

Но вот в июле 1838 года в Симбирск прибыл новый губернатор Н.И. Комаров. Уже в конце сентября у Е.Е. Ренкевича возник серьезный конфликт с губернатором. Поводом послужило отношение Н.И. Комарова с предписанием о наблюдении за порядком работы арестантов и с поручением возбудить расследование о беспорядках в тюремном замке, направленные губернскому прокурору. Е.Е. Ренкевич в своем рапорте министру юстиции Д.В. Дашкову расценил это как вмешательство губернатора в дела, не касающиеся его компетенции. Конфликт постепенно разросся до того, что Ренкевич и Комаров прервали личное общение. Сведения о происходивших в Симбирске событиях дошли до императора Николая I. Губернатору было предложено подать в отставку. 7 мая 1840 года Н.И. Комаров был «Всемилоостивейше уволен, согласно прошению, за болезнию, от службы».

Е.Е. Ренкевич был также переведен из Симбирска и в апреле 1840 года назначен киевским губернским прокурором. Поскольку в семье ожидалось пополнение, его жена Наталья Львовна осталась в Симбирске в доме родителей. 27 июля 1840 года у Ренкевичей родилась дочь Александра и была крещена в Николаевской церкви г. Симбирска. Восприемниками новорожденной стали ее дед Лев Васильевич Киндяков и сестра Ренкевича Мария Ефимовна.

Из Киева Е.Е. Ренкевич в том же 1840 году был переведен обер-прокурором Правительствующего Сената, затем перемещен в 8-й Департамент Сената, где прослужил три года.

В Москве 26 декабря 1841 года у Ренкевичей родился сын Дмитрий и был крещен в Московской Никитского Морока Спиридоньевской, за

Никитскими воротами, церкви. Восприемниками мальчика стали майор Лев Васильевич Киндяков и вдова штабс-ротмистра Анна Ивановна Родионова.

В феврале 1843 года Е.Е. Ренкевич был назначен управляющим Тульской палатой государственных имуществ. Наталья Львовна с детьми последовала за ним в Тулу. Здесь карьера мужа успешно продолжалась. В августе 1843 года он был пожалован в статские советники и награжден Знаком отличия беспорочной службы за XV лет, а в 1845 году награжден орденом Св. Анны 2-й степени. В Туле Ренкевичи сблизилась с семьей полковника артиллерии Якова Петровича Красовского, который и стал крестным отцом двоих детей, родившихся в Туле: Натальи (16.06.1843 – после 1908) и Ефима (24.02.1846–05.12.1896).

В 1848 году семья Ренкевичей вновь переехала в Москву, так как Ефим Ефимович был назначен управляющим Московской палатой государственных имуществ, получив чин действительного статского советника. Но 14 марта 1849 года, не дожив до 42 лет, он скончался, оставив вдову Наталью Львовну с пятью детьми на руках. Младшему сыну Льву было всего лишь полгода. Возможно, какое-то время Наталья Львовна с детьми жила в Симбирске у родителей, приходя в себя после пережитой утраты. Но дети подрастали, и нужно было подумать об их содержании и образовании.

Влиятельные московские родственники помогли Наталье Львовне определиться на службу. В апреле 1852 года был основан Нижегородский Мариинский институт благородных девиц, первое женское учебное заведение Нижнего Новгорода, находившееся в системе Ведомства учреждений императрицы Марии. Первой начальницей института была назначена вдова бывшего управляющего Московской палатой государственных имуществ Наталья Львовна Ренкевич. Ей пришлось налаживать работу института практически с нуля. У института не было даже своего здания, его только начали строить. Первые 25 воспитанниц 23 апреля 1852 года начали обучение в доме купца Рычина на Ильинской улице. Мариинский институт являлся закрытым первообразным учебным заведением, преимущественно для дочерей потомственных дворян и военных

чинов не ниже штаб-офицерского, а также для дочерей купечества 1-й и 2-й гильдии. Девочки принимались в институт в возрасте 10–12 лет. Изучали историю, Закон Божий, географию, русский язык, словесность, арифметику, французский и немецкий языки, рисование, музыку, пение, танцы, рукоделие. Обучение длилось шесть лет.

К сожалению, деятельность Натальи Львовны в Нижнем Новгороде продолжалась недолго. В 1854 году она скончалась в возрасте 37 лет. Неизвестно, что послужило причиной такой ранней смерти. Полными сиротами остались пятеро ее детей: Александра 14 лет, Дмитрий 13 лет, Наталья 11 лет, Ефим 8 лет, Лев 6 лет. Осиротевших племянников взял под свою опеку брат Натальи Александр Львович Киндяков. По завещанию деда Льва Васильевича, составленному в 1855 году, им принадлежало в Самарской губернии Ставропольского уезда в д. Новоматюшкино «155 душ крестьян с их семействами, имуществом, землею, лесом и другими угодьями». До совершеннолетия детей имение находилось под управлением опекуна. Средства от имения направлялись на содержание и образование детей.

Судьбы детей Натальи Львовны сложились по-разному. Старшая дочь Александра стала женой симбирского дворянина, карсунского помещика, штабс-капитана Петра Васильевича Полочинина. Наталья, по всей видимости, осталась незамужней. Младший сын Лев умер в возрасте 17 лет. Старшие сыновья Дмитрий и Ефим получили образование в Санкт-Петербурге и пошли каждый своим путем. Дмитрий Ефимович (1841–1910) получил юридическое образование, был участником судебной реформы 1864 года, более 30 лет прослужил в Казанском окружном суде, был избран сенатором и закончил свои дни в Санкт-Петербурге.

Ефим Ефимович стал военным, служил в кавалерии, сделал блестящую карьеру. В 1875 году он закончил Академию Главного штаба, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Подполковник Генерального штаба Ренкевич был назначен начальником штаба Болгарского ополчения и принимал участие во всех решающих сражениях: у Стара-Загоры, Шипки, Шейново. В одном из сражений Ренкевич был ранен. В 1879–1885 годах он был началь-

ником Елисаветградского кавалерийского училища. В Елисаветграде Ефим Ефимович женился на Марии Александровне Баторской (1849–?), дочери подполковника Александра Григорьевича Баторского. В этом городе родилась их единственная дочь Софья (13.02.1881–1972) и была крещена в Покровской церкви г. Елисаветграда. Восприемниками девочки стали военный инженер, капитан Сергей Александрович Баторский и Наталья Ефимовна Ренкевич. В 1890–1895 году Е.Е. Ренкевич служил в чине генерал-майора начальником знаменитого Николаевского кавалерийского училища в Санкт-Петербурге, а в 1895–1896 годах был начальником Кавказской кавалерийской дивизии в Тифлисе.

С.Е. Ренкевич (1881–1972)

Внучка Натальи Львовны Киндяковой-Ренкевич Софья Ефимовна окончила курс Закавказского девичьего института. В 1907 году была вольнослушательницей С.-Петербургского университета, затем училась на юридическом факультете курсов Раева. С 1913-го по 1916 год она преподавала «Государственное право» на Высших Бестужевских курсах. С февраля 1916-го по весенний семестр 1917 года сдавала магистерские экзамены. В 1917–1919 годах Софья Ренкевич – приват-доцент юридического факультета, затем ассистент Политико-юридического отделения юридического кабинета ФОН. В 1919 году она была репрессирована и уволена из университета. Позднее эмигрировала в Польшу, где была участником варшавского «Литературного содружества». В разных изданиях появлялись ее стихи. В качестве творческого псевдонима она выбрала фамилию своей симбирской

Иллюстрация к роману «Обрыв», 1958 г. Худ. Д. Боровский. Проводы Райского: Бабушка, Вера, Марфинка, Тушин и Викентьев. Из фондов УОКМ

бабушки и стала известна в литературных кругах как Софья Киндякова. В 1932 году в Варшаве вышел сборник ее стихотворений «Меандр». Софья Ефимовна прожила долгую жизнь, более 90 лет. Возможно, жизненная ситуация в семье Киндяковых-Ренкевичей нашла отражение в романе И.А. Гончарова «Обрыв». «Киндяковский» материал, симбирские мотивы и образы действительно ощущаются в романе. По преданию семьи Киндяковых, романная бабушка Татьяна Марковна Бережкова «списана» с жены Льва Васильевича Киндякова – Анны Владиславовны, так как у нее были в описываемое время две осиротевшие внучки: Александра и Наталья. Так считали не только симбиряне. Путешествовавший в 1904 году по Волге Павел Россиев в журнале «Родная нива» опубликовал заметку «Гончаровский уголок», где написал: «Я отправился в Киндяковку, вечно памятную, благодаря гончаровскому “Обрыву”. <...> Я знаю, что Гончаров не выдумал действующих в “Обрыве”, я знаю, что “бабинька” – А.В. Киндякова».

Н. Лендер в своей заметке «Достопамятный уголок на Волге» писал: «В трех верстах от Симбирска на берегу Волги находится старинный помещичий уголок Киндяковка. Тут происходило действие знаменитого романа Гончарова. <...> Многие герои «Обрыва» с замечательным искусством списаны с натуры... Знаменитая бабушка – это великолепный, полный правды портрет А.В. Киндяковой, женщины старого закона, отличавшейся необыкновенно светлым умом и энергией. Вера – киндяковская барышня, замечательная красавица».

Но Киндяковы были не единственными претендентами на образы героинь гончаровского романа. На роль Веры и Марфиньки претендова-

ли, например, сестры жены Николая Александровича Гончарова Эмилия и Аделаида Рудольф, о чем пишет в своих воспоминаниях их племянница В.М. Чегодаева. Н.А. Державин в статье «На родине И.А. Гончарова», опубликованной к 100-летию юбилею писателя, отмечал: «По преданию, подтвержденному и в большой прессе, прототипами Веры и Марфеньки послужили его племянницы, дочери его сестры Кирмаловой» (Екатерина и Софья Кирмаловы. – И.С.). Племянница И.А. Гончарова Е.П. Музалевская (в замужестве Левенштейн) вспоминала о приезде писателя в Симбирск летом 1862 года: «Он писал, вероятно «Обрыв», так как часто что-то шутил со мной, называя меня «Верой», а племянницу моего отца (Петра Авксентьевича Музалевского. – И.С.) – «Марфинькой», на том основании, что племянница имела склонность к хозяйству, а я – к книгам и музыке».

Сам же И.А. Гончаров в одном из писем заметил: «...в Бабушке [Татьяне Марковне Бережковой] воплотились некоторые черты характера моей матери...». А в статье «Лучше поздно, чем никогда», посвященной проблемам романа «Обрыв», написал: «Меня влекли... близкие мне лица и места, где я родился и вырос <...> в самой Бабушке и во внучках ее, как я увидел после, вкрались некоторые светлые, лучшие черты близких мне лиц, конечно, не целиком, а типично...»

О прототипах можно спорить, но бесспорно одно: героини гончаровского романа до сих пор остаются одними из лучших и привлекательных женских образов в русской литературе.

Ирина Смирнова,
научный сотрудник
Ульяновского областного
краеведческого музея
им. И.А. Гончарова

Симбирские Глинки

Слева направо: Борис Глинка, Глеб Глинка, Сергей Петров. Ульяновск, ул. Радищева, у дома, где жил А.С. Глинка. 30 апреля 2017 года

В конце апреля 2017 года в Ульяновск вместе с молодым родственником Борисом Глинкой на один день приезжал Глеб Глебович Глинка – потомок славного дворянского рода, адвокат, вдовец героической Елизаветы Петровны Глинки (доктора Лизы). В Ульяновске он бывал неоднократно, начиная с 1998 года. На этот раз главной целью визита стала передача в надёжные руки двух (из 29) чудом сохранившихся тетрадей-дневников его родной тётки, сестры отца – Елены Александровны Глинки, в замужестве Лебедевой.

Родилась Елена 31 октября 1901 года в Симбирске в семье религиозного философа, литературного критика и публициста Александра Сергеевича Глинки и жены его Ольги Федоровны, урожденной Знаменской, дочери известной общественной деятельницы Александры Александровны Знаменской (1852–1922). Мать девочки училась в Сорбонне. До 1914 года Елена жила в Симбирске, училась в местной гимназии, затем с родителями переехала в Нижний Новгород, а в 1922 году – в Москву.

Дневниковые записи она начала вести с 15 лет. 27 тетрадей не найдены (будем верить, они не пропали бесследно), а 28-я и 29-я сохранились. Они были обнаружены недавно на подмосковной

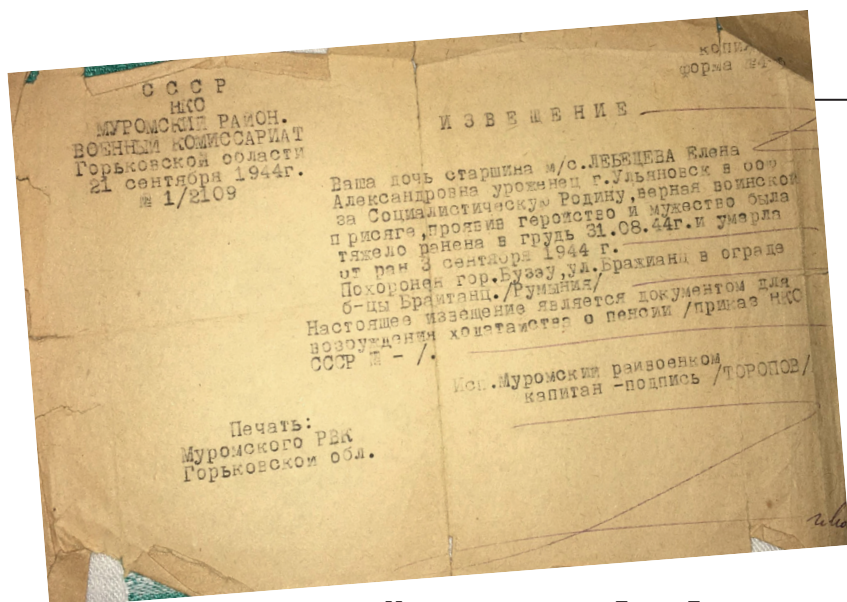
Елена Глинка

семейной даче в Немчиновке. Хронологически записи охватывают период с 6 июля 1939 года по 30 августа 1943 года. Это монолог совестливой, честной, страдающей женщины, живущей в условиях сталинского режима, умноженных ужасами войны (дневник Елены Глинки читайте в следующем выпуске «Мономах»: № 3–2021). Если бы эти тетради попали в карательные органы, расправа с их автором была бы неминуемой.

Война отняла единственного сына Елены Глинки. Витюшка, Витя – мальчик нервный, смелый, иногда дерзкий и хулиганистый, воспитывавшийся одинокой матерью, в 17 лет ушел на фронт и погиб. И сама Елена добровольно ушла на фронт. В октябре 1944 года ее мать получила извещение: «Ваша дочь, стар-

Знаменская А.А.

Извещение о смерти Елены Глинки

шина медицинской службы Лебедева Елена Александровна, уроженка города Ульяновска, в бою за социалистическую Родину, верная воинской присяге, проявив героизм и мужество, была тяжело ранена в грудь 31.08.44 г. и умерла от ран 3 сентября 1944 г. Похоронена в гор. Буззу, ул. Бражианц в ограде больницы Браитанц (Румыния).

Отец Елены Александр Сергеевич Глинка родился в Симбирске в 1878 году. Он публиковался под псевдонимом «Волжский».

Приведем несколько фрагментов из наиболее полного варианта его автобиографии.

Родился в 1878 году в городе Симбирске в семье адвоката С.В. Глинки. Отец принадлежал к старому роду помещичьих дворян. Уже дед его, небезызвестный Сергей Николаевич Глинка (автор «Записок 1812 года» и редактор «Русского вестника»), жил, по его выражению, «чернильным трудом», отказавшись от небольшого... участка в Смоленской губернии, следуемого ему по наследству. Оригинальная фигура этого московского чудачка достаточно известна историкам русского общества начала XIX века, как и младшего брата его, поэта Федора Глинки, умершего бездетным.

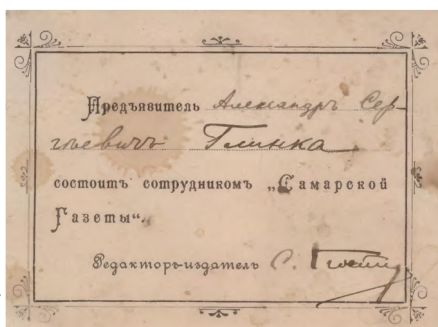
Отец мой (1844–1887) перебрался в Симбирск в 1860-х годах, будучи выслан из Москвы вследствие знакомства с Ишутинным... При отце мы жили вполне достаточно... Когда он умер, мать осталась с пятью детьми. Я был младшим... В 1889 году я поступил в гимназию, где протянул до 7-го класса, когда был исключен... В 1896–1897 гг. расстался с ненавистной гимназией навсегда. Следующую зиму был преподавателем в деревне Симбирской губернии, в семье Хлебниковых, где среди моих учеников оказал

Глинка Александр Сергеевич

ся известный впоследствии Виктор Хлебников.

Весной 1898 г. я выдержал экстерном экзамен на аттестат зрелости и поступил в Московский университет. В университетские годы (1898–1901) мое умонастроение сложилось под влиянием Михайловского... В 1901 г. я был исключен из университета за участие в студенческом движении... и сослан на родину. В Симбирске, в отрыве от широкой общественности, я еще более усиленно занялся литературой. Кормился уроками, корреспонденциями в Самару, в Москву. В годы поднадзорной жизни в Симбирске вышли две мои книги: «Очерки об Успенском и Достоевском» и «Очерки о Чехове».

В 1903–1904 гг. жил в Самаре, работал в «Самарской газете»... В 1904–1905 гг. – в Петербурге. Летом 1905 г. я, устав от петербургского круговорота, уехал к себе на родину, с семьей... с женой и детьми... Жил в узком, замкнутом круге... служил в казенной палате. Из Симбирской казенной палаты я поехал в Нижегородскую, где и застала меня Империалистическая война и революция.

В Петербурге А.С. Глинка познакомился и встречался с Д. Мережковским, Д. Философовым, А. Белым, Вяч. Ивановым, Н. Бердяевым, С. Булгаковым, В. Розановым, В. Короленко, Ф. Сологубом, Д. Овсяннико-Куликовским, В. Свенцицким, Л. Андреевым, К. Чуковским, М. Гершензоном, А. Блоком, А. Ремизовым и многими другими. В Москве – с А.М. Горьким на квартире С.А. Скимунта. В Симбирске в 1905–1906 годах встречался с О.А. Аптеканом, доктором Кудрявцевым, А.С. Пругавиным, В.В. (Воронцовым), Авксентьевым, Д.И. Ульяновым.

В Нижнем Новгороде А.С. Глинка жил с 1913 по 1922 год. Переехав из Нижнего в Москву, занимался литературным трудом, в 1933 году вступил в группком писателей при издательстве «Академия», работал по договорам с другими издательствами (АН СССР, «Молодая гвардия»), главным образом, по изучению литературного наследия писателя Глеба Успенского.

В Москве А.С. Глинка жил в доме № 7 на Новинском бульваре (к. 26).

Глеб Александрович Глинка

Глебка, Глеб, Глеба – так в дневниковых записях называет своего брата Елена Глинка.

Уроженец Симбирска, он некоторое время учился во II Симбирской мужской гимназии им. Императора Николая II, затем в Н. Новгороде. В 1925 году окончил Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова. Подробные сведения о его публикациях на начало 1934 года содержит заявление в комиссию по приему в Союз писателей.

В комиссию по приему в члены Союза советских писателей.

Прошу принять меня в члены Союза советских писателей и сообщая о себе следующее:

Ф.И.О. – Глинка Глеб Александрович.

Возраст: 31 год (род. в 1903 г.)

Социальное положение: литератор.

С 1929 года существую исключительно на литературный заработок (авторский гонорар по договорам с издательствами, а также оплата художественной продукции, помещенной в периодике).

Партийность: б/п.

Образование: высшее. В 1925 году окончил Московский институт живого слова.

Литературный стаж: в 1926 году в периодических изданиях были напечатаны первые стихи. До 1930 года писал и печатал преимущественно стихи. С 1930 г. – художественные очерки и беллетристику.

Стихи: с 1926 по 1929 год печатал в журналах, альманахах и газетах: «Недра», «Ровесники», «Перевальцы», «Охотничье сердце», «Охотник и пушник Сибири», «Литературная газета» и пр. Критические отзывы о стихах в «Комсомольской правде», в «Литературной газете», в «30 днях», «На литературном посту» и т.д.

Детская литература: книжка в стихах «Времена года» изд-во «Радуга», 1929 г., то же, второе издание – в 1930 г.

Художественная проза: «Завязь», повесть о Прикамской коммуне «Маяк». Напечатана в альманахе «Ровесники» № 8 ГИХЛ, 1933 г. Отрывок из той же повести под заголовком «Преобразователи жизни» помещен в «Новом мире» – книга 6 за 1931 год. «Эшелон опаздывает» – повесть написана совместно с Борисом Губером на материале поездки и участия нашего в переброске комбайнов из Крыма в Казахстан. Книга полностью прошла через «Красную новь», № 11–12 за 1931 г. и отдельным изданием в федерации 1933 г. Отзыв о ней – в «Совхозной газете». «Роман по заказу» – в настоящее время сдан мною в издательство МТП. Имеется положительный отзыв Ивана Катаева...

Место работы: нет.

Личный адрес: Москва, Новинский бульвар, д. 7, к. 26, тел. Г1-31-51. Май, 1934 г.

В одной из командировок Глеб Александрович сопровождал художника А.А. Пластова, знакомого семьи Глинок еще по Симбирску, в поездке к народным мастерам.

С 1934 году он работал старшим консультантом в издательстве «Советский писатель», читал лекции по теории литературы, вел практические занятия в Литературном институте и МГУ им. М.В. Ломоносова. Был принят в Союз писателей СССР.

Глеб Александрович Глинка.
14 февраля 1923 года

Поэт Евгений Веденский вспоминал о нем.

«В Москве в 1939–1941 годах была литературная консультация... Располагалась она в Большом Гнездиновском переулке, в доме, где в то время был цыганский театр «Ромэн», на втором этаже. Там было несколько консультантов, но особый интерес, пожалуй, вызвал у нас Глазковым Глеб Александрович Глинка. Произведения он разбирал вдумчиво, неторопливо. Некоторым авторам давал разнос, да такой, что те больше у него не появлялись... Мы пока оставались только зрителями. Велико было наше удивление, когда Глинка подошел к нам и сказал: «Вы ведь тоже поэты, так прочтите мне что-нибудь». Глазков приосанлся и шепнул мне: «Прочту ему самые противоположенные». Прочел он свой первый Манифест и еще кое-что. Неожиданно Глинка схватил Колю за руку и воскликнул: «Да ведь Вы настоящий поэт! – и добавил: Очень хочется с Вами поговорить. Приходи-

Глеб Александрович Глинка.
12 июля 1936 года

те ко мне! Вот мой адрес». Мы бывали много раз у Глеба Александровича... Занимал он небольшую комнату (насколько я помню, десятиметровую) в коммунальной квартире на Новинском бульваре. Стихи он знал великолепно и так же их читал. Особенно хорошо – Пушкина и Блока.

Он много работал. В октябре 1941 года в составе народного ополчения ушел на фронт. Вот что написал публицист Борис Рунин об ополчении и командире отделения Г.А. Глинке.

«Наша «писательская рота», если говорить о коэффициенте интеллектуальности ее личного состава, представляла собой явление уникальное, особенно в первые недели после выхода из Москвы... Одно время командиром моего отделения был прозаик Глеб Глинка... Глинка был старше меня лет на восемь-десять. К тому же он был охотник, то есть человек, приученный к полевым условиям... Уже в первые дни я по-настоящему привязался к Глинке и очень сожалел, когда перевод в роту ПВО разлучил меня с ним...

Я долго ничего не знал о его судьбе, пока однажды, уже в пятидесятых годах, не услышал по «Голосу Америки», что русский писатель Глеб Глинка выехал из Штатов в Европу с чтением лекций по русской литературе... Как он оказался в Америке, мне неизвестно, наверно, тогда же, в октябре сорок первого, попал в плен. О том, что тут сыграли свою роль какие-либо привходящие соображения, не может быть и речи. Глеб Глинка был не только представителем старинной и славной русской фамилии, но и истинным патриотом».

До конца жизни Елена Глинка переживала о судьбе братьев, так и не узнав правды. Глеб считался пропавшим без вести, а Борис в сентябре 1942 года был арестован по обвинению в агитации, содержащей призыв к свержению Советской власти (ст. 58-10 УК РСФСР) и погиб (был расстрелян) 23 января 1943 года.

И Глеб Александрович Глинка очень долго не знал о судьбе сестры, брата и племянника Виктора. Он не погиб. В плену содержался в концлагере в Польше, был свидетелем жутких казней. Осознавая после освобождения, что ждет его в СССР, остался за границей. Недолго жил в Бельгии и Франции. Встретил и полюбил польку Елену Георгиевну Голинскую, женился. В Брюсселе у Глинок родился сын Глеб. Вскоре семья переехала в

США. В Нью-Йорке Г.А. Глинка включилась в литературную жизнь русской эмиграции, познакомилась с А.Ф. Керенским, В.В. Набоковым, Р.О. Якобсоном, общалась с поэтами «второй волны». Публиковалась в журналах «Вестник РСХД», «Время и мы», в «Новом журнале», альманахе «Содружество», читал лекции в университетах,

работал над книгами о «Перевале» и теории стихосложения. В США издал сборники стихотворений «В тени: избранная лирика» (1968) и «Было завтра» (1972).

Последний год жизни провел в доме сына в городе Кэбот штата Вермонт, где скончался 5 июня 1989 года. Похоронен с супругой на кладбище

Ново-Дивеевского Успенского женского православного монастыря под Нью-Йорком.

История рода Глинок – история России. Династию продолжают внуки и правнуки А.С. Глинки, в их числе дети Глеба Глебовича и Елизаветы Петровны Глинок.

Сергей Петров

Доктор Лиза

Елизавета Петровна Глинка (Поскребышева) носила знаменитую дворянскую фамилию, тесно связанную с Симбирском, только по мужу, но ульяновцы считали ее своей. Гибель доктора Лизы в 2016 году потрясла всю страну, в том числе и Ульяновск. Во всех городах, где она бывала, люди соорудили стихийные мемориалы, ставили лампады и несли цветы.

Елизавета Глинка приезжала в Ульяновск несколько раз. Едва она успевала появиться в городе, как эта новость мгновенно разносилась по всему региону, и мамочки детей-инвалидов начинали оккупировать те места, где должна была появиться известная всему миру благотворитель, исполнительный директор фонда «Справедливая помощь», на счету у которой тысячи спасенных жизней детей. Ее называли по-простому – доктор Лиза.

В 2012 году она открыла в нашем городе паллиативное отделение в ульяновском специализированном доме ребенка, где медики работают над облегчением жизни детей с тяжелыми поражениями нервной системы.

Во время открытия отделения доктор Лиза прошла по всем палатам, беседовала с детьми, находила теплые слова для каждого ребенка. Для ульяновского отделения на средства фонда «Справедливая помощь» были закуплены специализированные кровати для малышей с подъемной верхней частью, кислородные концентраторы для детей с нарушением функции дыхания, реанимационный чемоданчик, большое количество памперсов, пеленок, игрушек. Подобные паллиативные отделения Елизавета Глинка по мере сил открывала при каждом специализированном доме ребенка, куда поступали дети с тяжелыми поражениями нервной системы.

В 1990-е годы Елизавета Петровна обрела третьего ребенка. Сначала брошенного младенца усыновила сердобольная женщина, вскоре она заболела раком. Доктор Лиза пыталась ей помочь, но безуспешно. После смерти пациентки Елизавета и Глеб Глинки усыновили Илью. И это неудивительно. Лиза с братом учились в школе, когда их семья пополнилась: родители усыновили племянников – двух мальчиков, оставшихся сиротами. Лиза еще в детстве поняла, что надо оказывать помощь всем, кто попал в беду.

Обладая большим сердцем, Лиза с молодости отзывалась на любую человеческую боль, бросалась на помощь нуждающимся, особенно бездомным.

Она была студенткой медицинского института, когда познакомилась с Глебом Глинкой. Он – состоявшийся адвокат, преподаватель права, гражданин США (сын Глеба Александровича Глинки). Встреча оказалась судьбоносной для обоих. В Москве Елизавета получила специальность детского реаниматолога, а в США, куда она уехала в 1990 году за мужем, приобрела специальность в сфере паллиативной медицины – это направление изменило всю ее жизнь и сделало тем, кем она стала.

Елизавета Петровна была человеком невероятной сердечной доброты, ее душа излучала любовь. Глеб Глебович вспоминает: «Я не переставал удивляться: как Елизавета, видевшая столько страданий и горя и принимавшая любую боль на себя, оставалась лучистой и радостной? Она вся светилась, и этот свет завораживал и больших чиновников, к которым она обращалась за помощью, и детей, которые сразу же к ней привязывались. В каждом человеке Елизавета видела образ и подобие Божие».

Создав фонд «Справедливая помощь», Елизавета Петровна развернула широкую благотворительную деятельность. Она помогала тяжело больным детям, нуждающимся в дорогостоящем лечении. Из зоны боевых действий привозила в Москву на лечение сотни раненых и искалеченных детей. В Сирию доставляла гуманитарную помощь: лекарства, оборудование. Трудилась изо дня в день, без передышки.

Близкие страшились за нее, но остановить смелую женщину было невозможно. И трагедия случилась... «Это горе невозможно описать и пережить, – признается Глеб Глебович. – Перед глазами стоит картина, когда съехались все родные погибших: сцена из Данте...».

За годы своей активной деятельности Елизавета Петровна снискала всенародную любовь. Простая и доступная для всех, она была очень скромным человеком. И при этом «доктор Лиза» звучало как символ надежды и спасения, а сама она еще при жизни многими воспринималась как святая.

Когда после отпевания в Успенском храме Новодевичьего монастыря гроб с телом погибшей понесли к месту упокоения, вся людская волна опустилась на колени...

Валентина Локунина

Она работала, прикладывая к рукописи лупу...

Наталья Жиркевич

15 ноября ушла из жизни Наталья Григорьевна Жиркевич-Подлесских (1932–2020), внучка Александра Владимировича Жиркевича (1857–1927), известного деятеля культуры. Свою жизнь Наталья Григорьевна посвятила работе над архивом деда, расшифровке его дневников и писем знаменитых соотечественников, с которыми дружил Александр Владимирович, а также популяризации его наследия. Она приезжала в Ульяновск неоднократно. В последний раз побывала в нашем городе в декабре 2017 года, когда в художественном музее открылась выставка работ А.В. Жиркевича, посвященная 160-летию со дня его рождения. Наталья Григорьевна считала Симбирск–Ульяновск родным: здесь ее прапрадед Иван Степанович Жиркевич служил губернатором, а дед и бабушка оказались в пекле революции.

В мае 2014 года мне посчастливилось плотно общаться с Натальей Григорьевной – я три дня гостила у нее в г. Фрязино Московской области и помогала в работе над семейным архивом. До этого журнал «Мономах» уже рассказывал о художественной коллекции, которую А.В. Жиркевич передал в дар Ульяновскому художественному музею, и мне была очень интересна личность этого человека.

Потрясло количество рукописей и альбомов, подлинники картин И.К. Айвазовского и других известных художников в доме Натальи Жиркевич-Подлесских. Показывая альбомы с автографами, она буквально не дышала на них, любовно поглаживала, улыбаясь. Альбомы были красиво оформлены и содержались в специальных коробках. Там рукой Александра Жиркевича были клеены открытки, письма, визитки, фотографии, каждый предмет подробно расписан.

Наталья Григорьевна пояснила, что это малая толика архива. Большую часть дневников и писем А.В. Жиркевич передал в 1925 году сотрудникам музея Л.Н. Толстого, которые в 1925 году специально приезжали в Симбирск, чтобы встретиться с человеком, не раз побывавшим в Ясной Поляне и состоявшим в переписке с великим писателем. Они

увезли в Москву большую часть архива. Когда Наталья Григорьевна начала заниматься толстовской темой, она вынуждена была работать с документами деда в музее Л.Н. Толстого. Для этого пожилая женщина проделывала нелегкий путь на электричке из Фрязино в Москву. Плодом работы стала книга «Встречи с Толстым: Дневники. Письма». За эту книгу Н.Г. Жиркевич-Подлесская получила звание лауреата Горьковской литературной премии.

На момент нашей встречи Наталье Григорьевне было 82 года, и она не переставала меня удивлять. Питалась на ходу, работала не покладая рук. У нее были серьезные проблемы с глазами. Операция не дала результатов, а для расшифровки мелкого и малоразборчивого почерка деда требовалось отличное зрение. Тем не менее Наталья Григорьевна, прикладывая к рукописи лупу, диктовала текст, а его набирала.

На следующее утро мы направились с ней в культурный центр г. Фрязино: там в одной из комнат была развернута экспозиция «Служение Отечеству из века в век»: стенды с документами, фотографии, предметы из коллекции Александра Жиркевича. После экскурсии Наталья Григорьевна рассказала, каких усилий ей стоило добиться в высших инстанциях разрешения на создание экспозиции. Но она уже обивала пороги

администрации города Фрязино, чтобы открыть в ЦКиД «Факел» историко-литературную гостиную имени А.В. Жиркевича. Через год я узнала, что Наталья Григорьевна добилась своей цели. Всю свою энергию она направляла на продвижение и популяризацию наследия деда.

Наталья Жиркевич-Подлесских и ее мама Тамара Александровна (младшая дочь А.В. Жиркевича) были музыкантами, преподавали фортепиано. В 1971 году Тамара Александровна ушла на пенсию и всерьез занялась дневниками отца. Она работала над архивом до самой смерти в 1982 году. Эту эстафетную палочку она передала дочери Наталье. Дневник Александра Жиркевича – это сотни тетрадей в твердых переплетках, в каждой – около трехсот страниц. На одну тетрадь – призналась Наталья Григорьевна – уходит год и больше. Из этих дневников внучка коллекционерки собрала несколько книг. Самая ценная для нас, ульяновцев, – книга «Потревоженные тени. Симбирский дневник». Читать спокойно эту книгу невозможно – сердце разрывается от боли и ужаса.

Познакомившись со следующей статьей журнала, читатель поймет, почему страницы дневника А.В. Жиркевича так дороги симбирянам.

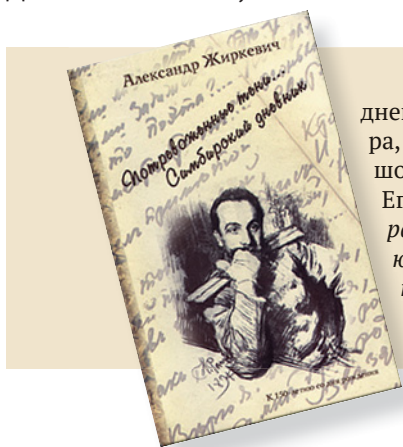
Ольга Шейпак

Лихая година

100 лет назад, весной и летом 1921 года, когда страна еще не ликвидировала разруху, нужду и обнищание населения, которые принесли Первая мировая и Гражданская войны, в Симбирской губернии, как и во всем Поволжье, разразился страшный голод. Он был вызван не столько засухой, сколько тем, что три года насилия продотрядов разорили сельское хозяйство. У крестьян не осталось ни зерна для посевов, ни желания обрабатывать землю. В деревнях начали забивать скот, гибнущий от бескормицы и болезней. В пищу шли солома с крыш, лебеда, желуди, древесная кора, корни болотных растений, серёжки орешника. Мировую прессу облетели снимки умирающих детей-скелетов, извещения о людоедстве, призывы о помощи.

Подробности того страшного времени ярко встают со страниц симбирского дневника Александра Владимировича Жиркевича – военного юриста, коллекционера, писателя, видного деятеля культуры конца XIX – начала XX века, внесшего большой вклад в развитие музейного дела в Симбирске, где проживал в 1915–1925 годы. Его дневник – это история эпохи, свидетелем и очевидцем которой он был. «Я стараюсь заносить в мои дневники отголоски, доносящиеся до нас, горожан, из вымирающей деревни, в смутной надежде, что в будущем кто-то, когда-то, описывая наши нынешние муки, воспользуется для своих летописей и такими материалами», – писал Жиркевич. Вот некоторые записи его дневника 1921–1922 годов.

8 февраля 1921 года. Надо удивляться, что все говорят о надвигающемся голоде как о чем-то проблематическом, вроде слуха, который еще требует проверки. А вот вчера я держал в руках, так сказать, неопровержимое вещественное доказательство надвигающегося на Поволжье общенародного бедствия. Я зашел к О.П. Цветковой, продолжающей благодушеествовать на средства уплотнившего ее деревенского парня, а ныне коммуниста-большевика Сергея. К Сергею приехал его товарищ красноармеец, которого с особой отрядом послали за 35 верст в какую-то деревню отбирать у крестьян муку. Отряд прожил в деревне несколько дней и убедился, что нет не только запасов муки, но там давно уже едят не хлеб, а нечто подобное черной земле, из лебеды с какими-то примесями. Кусок этого ужасного суррогата хлеба он привез показать большевикам в доказательство того, почему он не добыл желаемой в Симбирске муки. Кусок этой невообразимой, несъедобной, черной как уголь мерзости я вчера держал в руках... Симбирское начальство, однако, не доверяет показаниям этого

красноармейца, уверяя, что он-де плохо искал, что жители-крестьяне обманули его, спрятав хлеб, и т.д. А он рассказывал о том, что без слез нельзя видеть детей крестьянских, жующих это подобие хлеба».

24 февраля. Видел вчера кухарку Яковлевых, только что вернувшуюся от родных из деревни, находящейся в 30 верстах от Симбирска. Она рассказывала мне про экономическую разруху в деревнях. Большевики, по ее словам, вывезли – по ночам, тайком от населения – весь запас ярового зерна, находящийся в продовольственных деревенских складах, не принимая, по-видимому, в расчет, что мужикам нечем будет обсеивать поля. Теперь, узнав об этом, крестьяне тех сел и деревень, где существуют еще такие запасы, охраняют по ночам склады особыми вооруженными караулами человек по 45, решив не дать советской власти закончить с деревней, пустив ее, как говорится, по миру. Та же баба говорит, что деревня доедает последние запасы продовольствия.

Информационный плакат о помощи голодающим

2 марта. Мужички, у которых я вчера купил возик дров (за 16 тыс.), говорили мне, что цены на все пали бы, если бы допустили вольную торговлю. Они, как и горожане, выражали недоумение по поводу всего того, что продельывает советская власть с деревней.

15 марта 1921 года. Вчера у Цветковых я встретил красноармейца Н. Горбунова. Это он ездил по приказу советской власти из Симбирска в Симбирский уезд выжимать из крестьян рожь. Два часа я слушал рассказ этого умного, порядочного, сердечного мужика-солдата об ужасах голодовки по деревням, об ограблении деревень... Год тому назад, в Москве, Горбунов был на огромном митинге рабочих, где много говорил Троцкий. Рабочие постоянно грубо его прерывали криками: «Довольно!», «Замолчи!», «Хлеба, хлеба!», «Не надо твоего краснбайства! Давай хлеба нашим семьям!» Наконец Троцкий вышел из себя и стал доказывать, что голода еще нет, а лишь некоторое недоедание. Новый взрыв негодующих криков, протестов, упреков. Тогда Троцкий позволил себе бросить в толпу такую фразу: «Я признаю, что существует голод, лишь тогда, когда услышу, что мать из двоих своих детей съела с голоду одного. Вот это будет голод!»

Визитная карточка А.В. Жиркевича

23 марта. Куда ни приду – всюду мечты о том, чтобы уехать из России. И у меня, вопреки сердцу, закипает по временам та же жажда спастись куда-либо из России... Но сейчас же становится стыдно и больно! Скоро прилетят к нам весенние гости – перелетные птицы. И я знаю – опять забьется у меня сердце желанием пожить свободно... перед смертью...

26 июня. Видел вчера на улице женщину с двумя детьми, настолько исхудавшими от голодовки, что ножки их, ручки – тонки, как палочки. Это живая иллюстрация того, до чего довели русский народ! Проходя мимо много-миллионного безобразия – памятника К. Марксу, я думал, что в России делается то же, что делалось и при старом режиме: мы ставили миллионные мо-

Семья Жиркевичей на могиле Жиркевича В.И., Варвары и Сергея. Из фондов Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина В.И. Ленина»

нументы монархам и военным героям, в то время когда по деревням умирали с голоду и от повальных болезней... Все, все осталось по-старому!

30 июня. Холера, перекочевав в Симбирск по Волге из Астрахани, делает у нас ожидавшиеся успехи. Холерные бараки до того переполнены больными, что последних кладут вне их, на свежем воздухе. Трупы хоронятся голыми в общих ямах, на эпидемическом кладбище. Сегодня А.С. Сергиевская рассказала мне, что прислуга в холерных бараках боится подходить к больным, подносить им воду, не желая заразиться. Смерть приходит к больным в ужасающей обстановке полной заброшенности и отчаяния.

10 июля. По Симбирску таскаются санитарные телеги, подбирающие на улицах всякого рода валяющихся людей; сюда, в общую кучу, попадают и одержимые холерой, и обессиленные от голода – всех в общую кучу, а там, в госпитале, разберут.

26 июля. Через Симбирск проходят сотни телег, везущих домашний скarb и ребятишек. На торговой площади образовались целые таборы. Это беженцы, спасающиеся от голода в те местности, в которых, по слухам, ожидается урожай. Везут шкуры коров: значит, зарезали перед отъездом последнюю корову. Где они остановятся? Что ждет их в будущем? Многие ли доберутся до «земли обетованной»? Никто не знает. Ребятишки плачут. Подростки мрачны, не по-детски выглядят, истощены. Женщины еле двигаются.

3 января 1922 года. Право, когда прочтешь корреспонденцию с мест о том, что делается по деревням, то мутится разум и колеблется вера в существование Бога. <...> Взрослые умирают с удивительной покорностью воле Божьей. Но дети борются до

последней возможности со смертью. В руках мертвых матерей находят умирающих детей, которых они с улыбкой обнимают. По деревьям с воплями о помощи мечутся сошедшие с ума женщины, желая спасти своих умирающих детей. У скончавшихся детей обглоданы от голода ручки. Едят кошек, собак, мышей, сусликов, лягушек. Пожирают скот, околевающий от чумы и сапа.

И подобных записей множество. Осень принесла массовые желудочные заболевания, многочисленные случаи голодной смерти. За четыре месяца от голода и болезней умерло почти 15 тысяч человек. Крестьяне вымирали целыми деревнями либо бросали свои дома и пытались найти спасение в городе. В Симбирск устремились массы беженцев. Город представлял собой жуткое зрелище: трупы на грязных захлавленных улицах, множество нищих. Осенью 1921 года в городе свирепствовала холера, на зиму 1921–1922 годов пришла эпидемия тифа. Голод стал причиной малярии, желтухи, цинги.

В своих воспоминаниях об отце младшая дочь Тамара (мать Натальи Жиркевич-Подлеских. – Ред.) так вспоминала эти годы в Симбирске: «В то время в Поволжье был страшный голод и нам выдавали по восьмушке хлеба в день. Мама уверяла, что ей плохо от черного хлеба, и всячески старалась отдать нам свою порцию. Из дома продавалось, менялось на продукты, на хлеб и молоко – белое, одежда, мамини украшения... Но продать или обменять что-либо из папиных коллекций никому не приходило в голову. Все знали, что это собиралось для Родины и не может быть передано в чужие руки... А между тем американцы, организовавшие в то время «Помощь голодающим Поволжья» – «АРА», как это называли, узнав о коллекциях отца, предлагали продать хоть часть картин и сулили большие деньги. Но отец решительно отказался <...>. В 1921 г. 26 октября умирает в тяжелой обстановке нужды наша дорогая мама, любимый друг и помощник отца... В своей автобиографии отец пишет, что «со своей женою он был счастлив, как только может быть счастлив человек, найдя в ней прежде всего друга, прекрасную женщину и достойную мать своих детей».

Валентина Костягина,
старший научный сотрудник
отдела фондов
ОГАУК «Ленинский мемориал»
(Продолжение в следующем номере)

Секретный химик секретного производства

«Лучший химик-синтетик лаборатории и института», – так говорил прославленный советский учёный-химик, академик, Герой Социалистического Труда, пятикратный кавалер ордена Ленина, лауреат Сталинской и Государственной премий, организатор и директор Казанского института органической и физической химии Академии наук СССР Борис Александрович Арбузов (1903–1991) о младшем научном сотруднике института Ольге Николаевне Федоровой (1918–2002). Похвала эта тем более ценна, что мы привыкли к тому, что в науке действуют «светила» и «величины». Но куда они без тех, кто рядом с ними, кто своими руками, талантами, жизнью, здоровьем помогает «великим» претворять в жизнь их озарения?

• *Ольга Белороссова в лаборатории*

Ольга Николаевна Федорова, в девичестве Белороссова, родилась в посаде Мелекесс Ставропольского уезда Самарской губернии в доме № 95 по Большой улице (ныне III Интернационала) 29 июня 1918 года. Через три дня Мелекесс становится губернским центром Самарского края – сюда из губернского города, захваченного антибольшевистскими частями Комуча и белочехами, бежал Самарский ревком. Но уже 17 июля отряды белогвардейцев взяли Мелекесс, 22 июля пал Симбирск, 5–7 августа – Казань. Среднее Поволжье – в самом эпицентре Гражданской войны в России, но жизнь продолжается – дети рождаются, растут...

Оля – дома ее называли Леля – младшая дочка в семье лесничего Николая Васильевича (1881–1943) и домохозяйки Александры Васильевны (1883–1942) Белороссовых; у нее есть

• *Лёля Белороссова, сидит, с сестрой Верой и братом Борисом. Около 1920 г.*

брат Борис (1912–1981), сестра Вера (1914–1984). В семье была еще дочка, первенец, которая трагически погибла, отравившись крысиным ядом. Лесничий – это чиновник, ведавший лесным хозяйством, важная и заметная фигура. Дом на Большой улице в Мелекессе и был местом его работы: правление Мелекесского лесничества находилось на первом этаже, там же размещались служебные помещения, кабинет Николая Васильевича, а на втором этаже – его квартира.

Николай Васильевич Белороссов, как говорили, «принял революцию», продолжая трудиться на лесном поприще, занимая высокие и ответственные должности председателя Мелекесского отделения Союза работников земли и леса («Всеработлес»), начальника правления Мелекесского лесничества. Но освоившаяся революция со временем взялась за «спецов», как называли таких, как Николай

• *Николай и Александра Белороссовы, родители Лёли*

Белороссов. В 1930-е годы он вынужден был бежать из Мелекесса под угрозой ареста из-за поступившего в НКВД доноса. Николай Васильевич продолжил работать по специальности в отдаленных районах Поволжья, там, где не было людей, знакомых с его дореволюционным прошлым. Наконец Белороссовы оседают в Ульяновске, в доме № 45 по улице III Интернационала – ирония судьбы...

Вслед за Верой, поступившей в Казанский мединститут, в Казань переезжает Ольга, окончившая в Мелекессе семилетку и желавшая получить полное среднее образование. В Казанской средней школе № 3 имени Максима Горького она учится в одном классе с Дмитрием Валентиновичем Федоровым (1918–1999), также родившемся в самый разгар Гражданской войны в Симбирске. Дмитрий опознал землячку поговору, из-за которого Ольга получила в классе прозвище Доча. На фотографии выпуска 1936 года они сидят в среднем ряду: Дмитрий – крайний слева, Ольга – крайняя справа.

Ольга подает документы на химический факультет Казанского университета и 28 июня 1941 года получает диплом химика-органика... Уже неделю грохочет Великая Отечественная война, но едва ли еще в тыловой Казани возможно оценить ее масштаб и последствия. Молодой специалист Ольга Белороссова начинает работать по специальности на Казанском авиамоторном заводе № 16, производившем моторы для

знаменитых пикирующих бомбардировщиков Пе-2.

Главной трудностью стала удаленность места работы от места жительства Ольги. Общественный транспорт, трамвай работал все хуже, а нагрузка на него за счет эвакуированных возросла в разы. Чаще всего путь дом – работа приходилось преодолевать пешком: два с половиной часа в один конец. Ольга выходила в пять утра, возвращалась в девять вечера...

И тут в ее жизни стряслась история, мрачная до мистики. Осенью 1941 года к ней из Ульяновска в гости приезжала мама Александра Васильевна. Последним паромом в навигацию 1941 года женщина решила вернуться домой. Через несколько часов плавания в районе Камского устья паром неожиданно бросил якорь, и вся команда на имевшихся шлюпках покинула судно. Десятки пассажиров, среди которых дети и пожилые, оказались брошенными на произвол судьбы. Помощи не было. Прыгать в ледяную воду означало верную смерть. Люди стали умирать от холода и голода. Счастливым довелось дожить до ледостава. По льду люди стали выбираться на берег. Дошли не все... Александра Васильевна сумела добраться до квартиры дочери. Ее состояние было таково, что Ольга вначале не узнала родную мать...

Подобных драм тогда случилось немало. Из-за резкого похолодания поздней осенью 1941 года в ледовом плену на Волге оказались десятки судов с пассажирами на борту...

Ольга самоотверженно билась за здоровье, как оказалось, смертельно больной матери. Без пропуска маму не могли принять в поликлинике, невозможно было вызвать к ней на дом врачей. Спасала платная клиника, но ее закрыли к началу 1942 года. Александре Васильевне нужно было усиленное питание, но с жестким графиком работы Лёля не могла выстаивать многочасовой очереди и отоварить продовольственные карточки, а на рынке все было неподъемно дорого. Лёля пыталась уволиться с завода, но уволиться с режимного предприятия было невозможно. 12 февраля 1942 года Александры Васильевны не стало...

Ольга Белороссова работала на заводе № 16 до октября 1942 года. К концу года про Лёлю вспомнил ее учитель, заведующий кафедрой органической химии КГУ, будущий академик Борис Александрович Арбузов. Его отец, прославленный российский и советский ученый-химик, академик Александр Ерминингельдович Арбузов (1877–1968) – для краткости, чтобы не путаться в сложном отчестве, Арбузова-старшего часто называли А.Е. – собирал в Казанском химико-технологическом институте спецгруппу для спецлаборатории на спецпроизводство № 1, созданное по распоряжению И.В. Сталина для разработки боевого отравляющего вещества зарин.

Кроме академика А.Е., в спецгруппе состояли только несколько человек, в их числе Ольга Белороссова, Гильм Хайревич Камай (1901–1970)

• *Фотография выпускного класса школы номер 3 г. Казани 1936 года. Д. Федоров и О. Белороссова – крайние слева и справа в среднем ряду*

(доктор химических наук, первый профессор-химик из татар), Александр Иванович Разумов (1897 г. р., доцент, впоследствии профессор и проректор КХТИ, доктор химических наук) и Лина Петровна Егорова. Работать рядом с маститыми учеными, много добившимися и повидавшими, было ответственно и почетно, но и очень непросто. Гильм Камай в юности работал в Симбирске на строительстве моста через Волгу и вместе с Александром Разумовым прошел через мясорубку сталинского следствия по голословному обвинению в шпионаже.

При выборе кандидатуры для работы в спецгруппе явно учитывалось состояние здоровья Ольги Николаевны: она была спортсменкой, лыжницей, в годы учебы в КГУ неоднократно принимала участие в различных соревнованиях.

Еженедельно А.Е. докладывал о работе спецгруппы в НКВД СССР. Секретность была такой, что в 1943 году Ольгу Николаевну не выпустили в Ульяновск на похороны отца. В то же время академик по-отечески заботился о коллегах-подчиненных: сотрудники спецгруппы получали дополнительное питание (иногда даже пиво). Обеденный перерыв в связи с особой вредностью производства составлял два часа: дополнительное время по инициативе А.Е. посвящалось лыжам (зимой) или пешим прогулкам по парку.

И все же за успехи в исследованиях пришлось платить немалую цену, и этот груз выпал на женщин, которые

↑ *Ольга Николаевна с мужем и потомками в день 80-летия. 29 июня 1998 г.*

непосредственно синтезировали отвращающее вещество. Лина Егорова ослепла и умерла, не дожив до старости, а Ольга Николаевна долгие годы лечилась от профзаболеваний, заработанных на разработке зарина.

Ольга Николаевна отдала химической науке 33 года своей жизни. Она – соавтор 26 научных статей, ее имя значится в шести авторских свидетельствах об изобретениях, среди которых – фосарбин, первое в мире лекарство против глаукомы, разработанное в 1950-е годы под руководством Арбузова-старшего, причем именно Ольга Николаевна лично синтезировала первые образцы препарата, прогремевшего вскоре на весь СССР: А.Е. в буквальном смысле насы-

пали письмами с просьбами помочь в приобретении лекарства, которое выпускали в Казани, и он снискал славу народного академика.

В победном 1945 году Ольга Николаевна сделала свой главный выбор: вышла замуж за одноклассника-симбирянина Дмитрия Федорова, офицера-фронтовика, командира роты в 9-й Казанской специальной средней школе ВВС, готовившей кадры для военно-летных училищ. 2 февраля 1947 года в семье родился сын Александр – его назвали так в честь мамы Ольги Николаевны, Александры Васильевны; 23 декабря 1948 года родилась дочь Татьяна. И что ни говори, именно материнство есть высшее предназначение женщины – тем более что дети Ольги Николаевны пошли по стопам матери, продолжая и развивая то, что не успела сделать она.

Жизнь ставила иногда самые неожиданные задачи. В 1950-е годы в Казань нагрянула делегация иностранных ученых-химиков. Подобные визиты были еще в большую диковину, и академики Арбузовы решили почтить гостей обедом, но как это сделать в пору советского дефицита? Озадаченный Борис Александрович явился в лабораторию с вопросом: чем будем привечать гостей? Ольга Николаевна мгновенно предложила: давайте сделаем пельмени! Купили муки, мяса, и Ольга Николаевна принялась за дело. Обед прошел в институтском буфете – гости остались очень довольны.

Иван Сивопляс

↓ *Коллектив Казанского института физической и органической химии. В центре сидят академики Арбузовы, за ними стоит О.Н. Федорова. 1950-е годы*

Пути меж колосьев и трав...

Художник
Елена Холодилина

В европейской традиции занятие искусством часто было делом семейным и наследственным – известны династии Брейгелей, Тенирсов, Кранахов. Начиная с первой четверти XIX века уже семь поколений Пластовых связало свою жизнь с искусством. Творчество Елены Холодилиной, супруги Николая Аркадьевича Пластова, представляется сегодня неотъемлемой частью наследия этой семьи.

В летних полях. 1989 г., картон, масло, 50x70

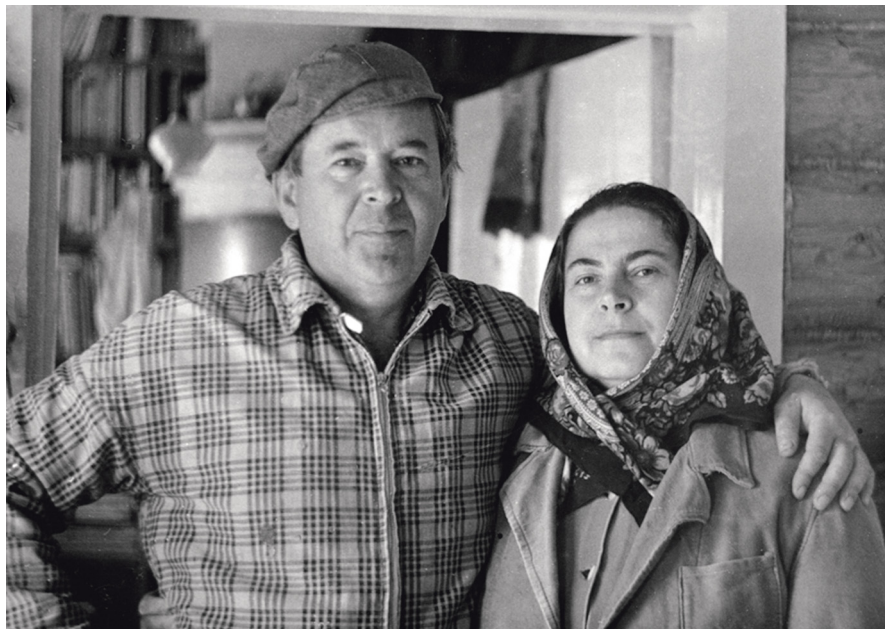

Память сердца

В семье Елены Николаевны Холодилиной не было художников. Ее отец – Николай Николаевич, выпускник Московского университета, – был профессором химии в Луганском сельхозинституте, мать – Любовь Николаевна, получившая высшее математическое образование, – посвятила себя семье, воспитанию двух дочек: Марии и Елены. Их довоенное детство было радостным, теплым и несоветским. Атмосфера дома (особенно с большим садом) с детскими праздниками, новогодними елками, домашними спектаклями, чтением любимых книг более походила на до-революционную. Тяжелейшими испытаниями стала война: бомбежки, эвакуация в Балаково Саратовской области.

Путь рано начавшей рисовать девочки был как бы предначертан и предсказан: отец Николай Николаевич, занимавшийся внедрением промышленного эмалирования, мечтал, чтобы она соединила эмаль – этот долговечный, новый тогда материал – с искусством.

Учеба в художественном училище, а затем в Харьковском художественном институте завершилась переводом в Московский художественный институт имени В.И. Сурикова (этому способствовал двоюродный брат – Александр Александрович Холодилин, занимавший высокий пост в Комитете по делам искусств СССР). Поселившись в его семье в доме на Котельнической набережной, Елена

Н.А. Пластов и Е.Н. Холодилина. 1970-е гг. Прислониха

попала в мир музыки (жена А.А. Холодилина, Мария Аркадьевна, была музыкальным педагогом). Для нее открылись двери театров и консерватории, в дом часто приходили известные музыканты. Особенно запомнился веселый, излучающий энергию М.Л. Ростропович.

Трудно сказать, насколько плодотворными стали занятия в институте: с теплотой Елена Николаевна вспоминала мастерскую Д.К. Мочальского, где начинала свое обучение, и с ужасом – работу над дипломом под руководством ректора Ф.А. Модорова. Так как студентка была из Луганска, темой ее диплома по настоянию ректора стала многофигурная композиция, посвященная труду горняков

в угольной шахте – неблизкая и во многом непосильная для студентки.

Случайно познакомившись с Николаем Аркадьевичем Пластовым (хотя учились они в одном институте и ходили буквально по одним улицам), выйдя за него замуж, она, конечно же, целиком и полностью попала в орбиту мощного гения Аркадия Пластова. Долгое время боялась показывать ему свои работы, проводила дни в поле, чтобы научиться, наконец, писать небо, свет, облака, дали.

«Когда я ближе познакомилась с живописью Пластова, то была поражена той ясности, силе, тому торжеству цвета, которое есть правда Божьего мира... Пластов в начале письма старался использовать про-

На этюдах. Нач. 1960-х

Осенний месяц. 1980 г., холст, масло, 85x110.
Ульяновский областной художественный музей

▲ Автопортрет. Нач. 1960-х гг., картон, масло, 48x33

тирки прозрачными красками, эти протирки иногда сохранялись в теньях. Сиены, умбры, земля... С самого начала письма он старался не замутнять смеси, цвета белилами... «Палитра Делакура»... Какие краски как звучат? Какие смеси вызывают звучание других? Система дополнительных цветов. Эти проблемы всю жизнь меня очень интересовали. В своих работах я старалась об этих понятиях помнить¹. Это и было главным ученичеством ее жизни и главным счастьем художника.

А еще – книги, насмотренность в русских и зарубежных музеях, восторг перед гениями – Витторе Карпаччо, Джованни Беллини, М. Врубель, Валентин Серов... Приятя смиренного для умного художника понимания

¹ Цитируется по: Пластова, Т.Ю. Почва и судьба / Т.Ю. Пластова. – Санкт-Петербург: Palace edition, 2013. – С. 40.

◆ С сыном Колей. 1957

недосягаемости их высот и совестливое неприятие неумения, выдаваемого за стиль и «видение».

Как совмещалась жизнь художника с нелегким бытом русской деревни, где художница проводила большую часть времени? Для художников этот вопрос бессмыслен – практически вся русская культура создавалась в деревне – Пушкин, Некрасов, Тургенев, Толстой, Левитан, Серов, Астафьев, Распутин, Пластов, наконец, бросивший когда-то в лицо Хрущеву на одном из совещаний по культуре хлесткую и не утратившую смысла фразу: «В Москве правды нет». Подлинность жизни (притягательность которой для художника понимали Толстой и Ван Гог), нетронутость природы и свобода.

«Единственной нашей мыслью, – писал Пластов, – должно быть желание, страстное и непрестанное, устроить так свою жизнь, чтобы в тишине и уединении насладиться природой и свободой... предаваться любимому делу без помех и поправок невежественных и бесчестных людей». (Пластов А.А. Из письма 16.03.1950.)

Жанром Елены Холодилиной стал пейзаж. И здесь она, безусловно, достигла высот профессионализма. Способность видеть цельность состояния природы, безошибочно угадывать структуру неба, делать артистичным и значимым каждый мазок, воплощать тонкую семантику пейзажа – все это сделало ее еще в 1970–1980 годы очень интересным художником, заметным на московских и российских выставках. А ведь в эти годы там царили ярчайшие представители Московской школы поры ее позднего расцвета: Э. Браговский, А. Папикян, И. Сорокин, Н. Федосов, В. Телин, В. Забелин, А. Макаров, В. Чулович. И, несмотря на несомненное влияние живописи А. Пластова, стилистически пейзажи Е. Холодилиной все же ближе творчеству С.Ю. Жуковского, Л.В. Туржанского, П.И. Петровичева. В ее работах выделенность мазка и его решающая самоценность, намеренная однозначность прочтения цвета составляли одну из важных для автора задач.

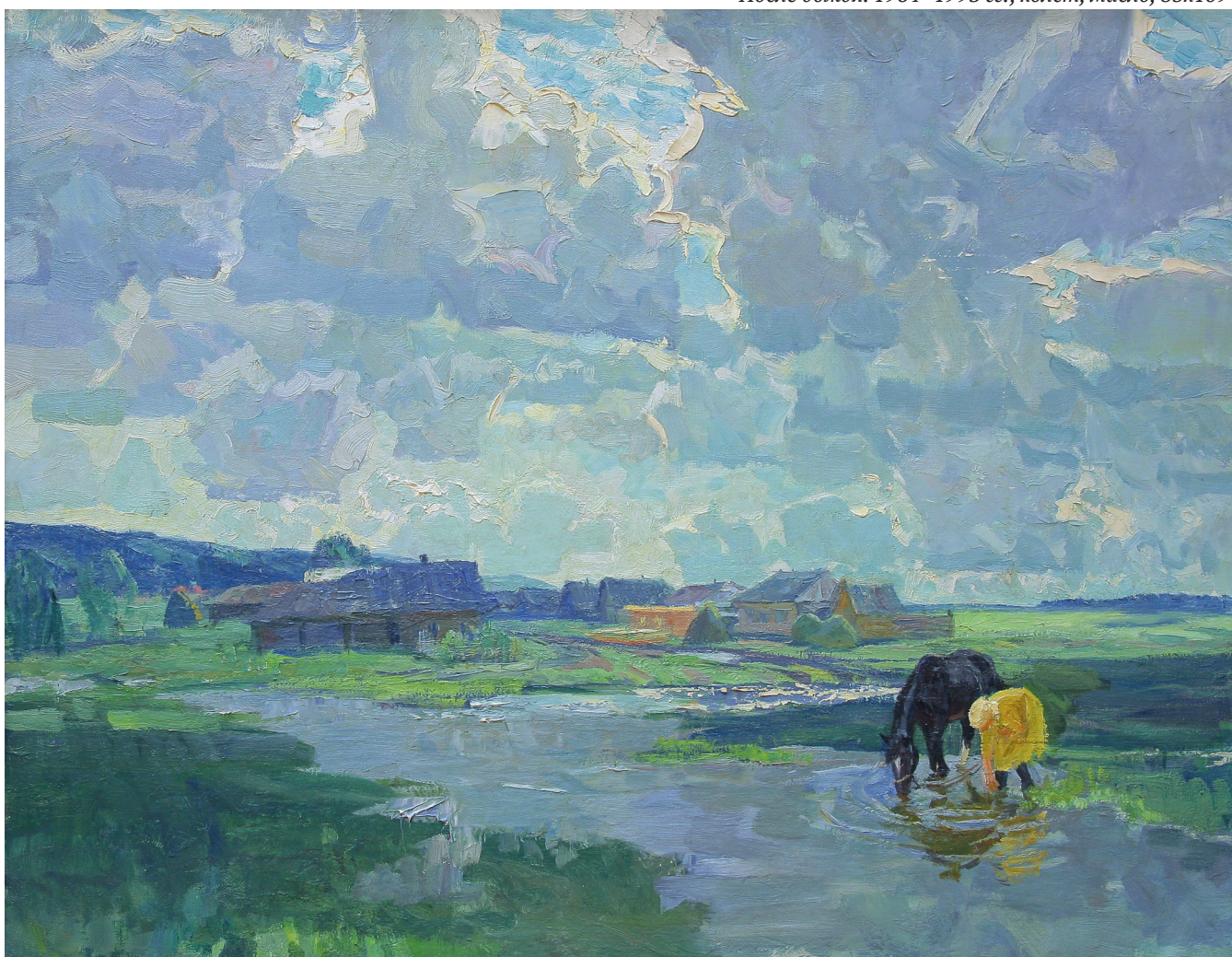
Пейзажи Холодилиной могли быть эпическими с широко распластанным пространством и сложными бурными небесами, романтическими («Время, когда бродят ежи») или просто написанными в огороде, с рябиной под снегом, сороками, засохшими цветами. Но все они осмыслены

↑ Поле. 1985 г., холст, масло, 84x150. Художественный фонд Союза художников России

↓ После дождя. 1964–1993 гг., холст, масло, 85x109

Пейзаж с белыми синицами. 1987 г., холст, масло, 90x120.
Художественный фонд Союза художников России

Озимье. 1966 г., картон, масло, 50x70

и проверены внимательным обращением к природе, наполнены искренним чувством и ответственностью художника, созерцающего божественную красоту.

Другой любимый жанр художницы – натюрморты. Композиции с цветами ириса, созданные в разные годы, словно продолжают друг друга, составляя уникальные циклы. Написанные будто с врубелевской палитры, эти изысканные символы серебряного века живут своей таинственной жизнью. Они полны внутренней гармонии, каждый цветок представляет собой маленький натюрморт из цветных, артистично положенных мазков.

Елена Холодилина никогда не заботилась о самобытности, индивидуальности и независимости, но, ставя под работами свою фамилию, утверждала и утвердила себя как художник.

Татьяна Пластова,

профессор,
заведующая кафедрой гуманитарных наук
Московского государственного
академического художественного
института имени Сурикова

Неотразимая Элеонора

Не верится, что ее нет... Она не ушла. Живет в нас, читает стихи. Бесконечно читает, не останавливаясь. Нонна Бяльская, по мужу – Денисова Элеонора.

Запомнилось первое появление Элеоноры Ильиничны в редакции журнала «Мономах». В чем-то розовом, в соломенной шляпке, с шифоновым, струящимся по шее шарфом вошла Женщина. Мечта. Любовь. Счастье. Да, она несла в себе образ счастья. Было очень уютно сидеть рядом с ней и слушать стихи. Элеонора закидывала голову назад, прикрывала глаза длинными ресницами и уходила в ирреальность. И все, кто находился рядом, следовали за ней.

Она была похожа на тургеневских героинь. С отличием окончила Московский педагогический институт. Вернулась в родной город и стала первым диктором Ульяновского телевидения. Ее ровесницы рассказывали: когда Нонна Бяльская появилась на телеэкранах, все девушки начали сооружать на голове «бабетту» и рисовать черным карандашом на щеках ямочки, как у красавицы телеведущей.

Потом она защитила кандидатскую диссертацию и преподавала русскую литературу в Ульяновском пединституте. Нонна превратилась в Элеонору Ильиничну – кумира нескольких поколений студентов филфака. В 2011 году в серии Г. Демочкина «Антология жизни» вышла книга рассказов Элеоноры Денисовой «Шарик улетел». Включить в книгу эссе «На свете счастье есть» она не решилась. Так пусть же снова прозвучит голос Элеоноры Денисовой.

Ольга Шейпак

На свете счастье есть

СчаСТЬе... В самом звучании слова есть нечто неуловимо напоминающее птиц: звуки, похожие на их щебет и клекот; ощущение легкости, полетности, близости неба. Не случайно существует устойчивое выражение – птица счастья. И как птица стремится к небу, так и человек стремится к счастью.

Счастье – это и ожидание, предчувствие его, и путь к нему, и способность чувствовать и вмигать в себя красоту природы и привычного бытового окружения, и краткий миг забвения, ухода от мира обыденности. Примеры можно множить без конца, но трудно привести к общему знаменателю.

Как к высшему авторитету обращаюсь к Пушкину. С одной стороны, всем известны строки: «На свете счастья нет, // Но есть покой и воля». Состояние духовной свободы, возможность жить по своей воле, восхищаться красотой природы и искусства – это ли не счастье? Но в конце романа «Евгений Онегин» герой (во многом близкий автору), обладающий духовной свободой, имеющий возможность по своей воле «скитаться здесь и там», никому и ни в чем не давая отчета, чувствует себя глубоко несчастным. Ему не хватает любви. Да и вся лирика Пушкина говорит о любви как о высшей ценности жизни.

Таким образом, понятие «сча-

стье» включает в себя три составляющих: покой, воля и любовь. Для разных людей наиболее важной частью этого триединства являются разные его аспекты. Для большинства, как мне кажется, – любовь. Во всяком случае, почти все согласны, что счастье невозможно без любви.

Боюсь, что общие рассуждения могут привести меня к тупику или банальности. Обращусь лучше к опыту собственной долгой жизни и попробую что-то извлечь из него.

Полного любовного счастья мне испытать не пришлось. Когда душа окрылялась и пела, я страшилась запятнать белизну крыльев, спустившись на землю. А мгновение, когда любовная страсть сметала волю и разум, не оставило в душе светлого воспоминания. Умом знаю: было, но сердце молчит, не помнит. Поистине, «О память сердца! Ты сильней рассудка памяти печальной»...

А порой мешали препятствия, которые казались неодолимыми.

♦ Детство Нонны

Наверное, дело в том, что я человек слишком книжный, более укорененный в мире грез и стихов, чем в реальной обыденной жизни.

Что же оставила мне любовная память? Через всю жизнь пронесла я воспоминание юности, которое и сегодня, в глубокой старости, так живо и ярко отпечатано в моей душе.

Я иду, не думая куда, рядом с человеком, который мне близок и дорог, и знаю, что мы чувствуем одно и то же. Мы молоды, веселы, беспечны. Мы просто идем, ни о чем не стовариваясь заранее, держимся за руки и смотрим на небо. А по небу плывут причудливой формы облака, мы составляем из их очертаний картины радостной и свободной жизни. Незаметно доходим до леса. Уже стемнело. Разжигаем костер и долго смотрим на языки пламени и плывущий куда-то дым, из которого выплывают «видений пестрых вереницы». Изредка бросаю друг другу:

– Так плещет на багряном маке Крылом лазурным мотылек...

– И нам, как дым, струиться надо Седым туманом – в алый круг.

А потом ищем в небе рисунки знакомых созвездий и читаем стихи. Мы не говорим о любви, не бросаемся в объятия друг другу, но чувствуем удивительную близость и умиротворенность. «Стихи и звезды остаются, А остальное все равно...» Наверное, это и было любовью, но не могло стать счастьем, получившим благоговение небес.

Светлана Кекова говорила, что в любви должны присутствовать трое: он, она и Бог. Не знаю, был ли Бог тогда с нами, но понимаю, что у этого счастливого мгновения не могло быть будущего. А может быть, счастье – это всегда мгновение?

Правда, бывает еще и счастливая доля. Как в древности члены племени получали каждый свою долю от варящегося в общем котле мамонта, так и по сегодняшнему день у каждого – своя доля или судьба.

Если посмотреть на мою жизнь с этой точки зрения, то, хотя она и подходила не раз к последней черте, можно назвать ее счастливой. Прежде всего потому, что меня всегда окружали только хорошие люди. Ни разу никто меня не предал, не обидел так, чтобы осталась зарубка на сердце и в памяти; никто не остался в стороне, когда я нуждалась в помощи. Исходя только из собственного опыта, я могла бы повторить вслед за Булгаков-

ским Иешуа, что на свете нет злых людей. Знаю, что есть, но на моем пути они, слава Богу, не встречались. А вот добрых и хороших было много, и если кто-то из них уходил из моей жизни, то переселяясь или в другую страну, или в мир иной. Горечь утраты смягчало появление новых друзей (даже в период полной исключенности из социального потока), которые становились такими же близкими и родными, как ушедшие. И я постоянно чувствовала, что кому-то нужна, даже будучи беспомощной. «Друзья мои, прекрасен наш союз!» – могу сказать я с радостью и на исходе лет.

Мне ближе представление о счастье как о счастливом мгновении наивысшего подъема, эмоционального взлета, приобщения к вечному и всеобщему, и в то же время – как о мгновении покоя и тишины. На дне моей души тихо дремлет счастливое воспоминание, и я удивляюсь, «из какого сора» оно могло возникнуть.

После обширного инфаркта и долгого лечения в областной больнице я проходила реабилитацию в больнице в Солдатской Ташле. Вокруг был небольшой парк. В феврале, во время моего пребывания там, он был весь занесен снегом такой белизны, чистоты и пушистости, какую я видела только на картине Кустодиева, где изображена старая Москва зимой и веселое масленичное катание на санках.

Я уже могла выходить на прогулку. Однажды в солнечный и тихий день с легким морозцем я, сидя на лавочке, обратила внимание на большую сосульку, свисающую с крыши. Подтаявшая на солнце, она переливалась всеми цветами радуги, а с нее медленно и мерно капали просвеченные насквозь крупные капли, похо-

жие на отшлифованные горошинки алмазов.

Вокруг было безлюдно и тихо, как не бывает в городе. Чистый морозный воздух наполнял грудь блаженством, уносил боль и тяжесть. Ничего больше не надо было – только молча сидеть, следя, как падают алмазные капли, ни о чем не думать, только слушать тишину и наполняться покоем. Наверное, нечто похожее есть в состоянии нирваны.

Эпизодов, когда хотелось бы сказать: «Остановись, мгновенье: ты прекрасно!» – вспоминается немало. Ярко вижу такую картину: в белом батистовом платье с крылышками вместо рукавов, с цветущей вишневой веткой в волосах, тоненькая и юная, я бегу по тропинке Старого Венца, а передо мной – синева Волги, яркая зелень заливных лугов, белая кипень цветущей на склонах реки вишни. И все мы – вместе, и все – прекрасно. И хочется сказать, как Катерина: «Почему люди не летают?»

Другая картина того же времени. Ночью я сижу высоко в ветвях большого дерева, растущего на склоне Волги возле моего дома. Полная луна не дала мне заснуть, выманила из постели, и я вышла в летнюю ночь, томимая сладким предчувствием где-то ждущего меня счастья. Смотрю на лунную дорожку, соединяющую берега Волги, Млечный путь над головой, вспоминаю любимые стихи. Мечты и грезы. «И кажется, что-то должно появиться, // Как в сумрачной драме развязка: // Печальная девушка, белая птица // Иль странная, нежная сказка». Все это – юность, прекрасная сама по себе.

А вот эпизод из другого времени, на пороге старости. Я иду на встречу с младшим внуком, чтобы вместе отправиться на воскресную прогулку. Он живет в одном из старых домов, выходящих на общий огороженный дворик с качелями и песочницей, где безнадзорно могут гулять и играть малыши. К сожалению, в соседних домах живут девочки года на два постарше. Он – дошкольник, они – уже ученицы, маленького мальчика не считают достойным своего внимания. Он скучает и грустит. Я решила подружить их. Договорившись с родителями, стала приглашать и девочек на воскресные наши прогулки в Винновскую рощу или на Венец. Там они вместе катались на аттракционах, потом мы садились за столик в открытом кафе. Я угощала их мороженым и

лимонадом, что-то рассказывала интересное для них. Получалась веселая и довольная жизнью компания, в которой я компенсировала недостаток лет моего внука. Потом он мог и во дворе чувствовать себя полноценным членом коллектива.

И вот я иду к назначенному часу, а у ворот меня уже ждут внук и его подружки. Издали увидев меня, они, раскинув руки, наперегонки бегут навстречу, все трое радостно обнимают, соревнуются за право взять меня за руку, а одна из девочек с радостной гордостью дарит мне найденное где-то медное колечко.

Солнце светит, дети весело щебечут, и все мы любим друг друга, и все в этот момент счастливы.

Были счастливые минуты и полной близости с сыном, когда он был ребенком, подростком, юношей. Не сетую, что они прошли, но благодарю судьбу, что были.

Особняком стоит случай необычный и неожиданный. Меня пригласили по линии общества «Знание» прочитать лекцию в рабочем общежитии. Придя туда, я узнала, что это общежитие для условно освобожденных заключенных – с надзирателями, воспитателями, строгим режимом, военной комендатурой.

Заклоченных загнали в большой зал, они недовольно шумели, ругались матом, воспитатель кричал на них и грозил наказанием. А у меня вдруг возникло страстное желание переломить их настроение, настроить на высокую волну. Откуда-то взялась уверенность, что я это смогу.

Я попросила воспитателя уйти, а им сказала: «Ребята, я прошу вас пять минут посидеть молча. Если вам станет скучно, то через пять минут кричите, делайте что угодно, а я молча уйду». Их заинтересовало мое предложение, а я начала лекцию (тема заранее не была обозначена) о любви в русской классической поэзии. Почему выбрала эту тему, казалось бы, самую не подходящую для такой аудитории? Сама не знаю. Действовала по наитию.

Никогда в жизни не говорила я с таким вдохновением, страстью, так легко и уверенно. Как герой стихотворения Лермонтова «Пророк» верил, что «Бог гласит его устами», так и я. Во всяком случае, мне казалось, что слова идут откуда-то свыше, а я лишь инструмент, извлекающий их.

Ребята притихли, слушали, не отводя глаз и не произнося ни звука.

Порой в распахнувшейся двери появлялся кто-то из сотоварищей и так и оставался до конца молча стоять в дверях. А я смотрела, как меняются слушатели: сквозь маску грубости, цинизма, вседозволенности проступают черты одухотворенных человеческих лиц. А в конце кто-то сказал мечтательно: «Приходите, пожалуйста, еще. Мы будем Вас ждать, купим торт, будем с Вами пить чай и говорить о чем-нибудь хорошем». Наверное, это был один из самых счастливых моментов моей жизни. Я чувствовала себя чуть ли не Пигмалионом, способным оживить камень.

Еще одна грань в ощущении счастья связана с искусством. Особенно остро я поняла, какое счастье может оно принести, на склоне лет, когда болезнь и слабость ограничили мою жизнь пределами собственной квартиры. Какое счастье в моем монотонном существовании доставляет открытие нового талантливого поэта, писателя. В середине 1990-х годов у нас вышло достаточно полное издание стихотворений Георгия Иванова (прежде они были недоступны, и я мало что знала). С каким восторгом я читала и учила наизусть его стихи! Они не только наполняли блаженством мою душу, но и лечили тело: из унылой, бесполезной развалины я превращалась в живого, ярко чувствующего человека. Таким же счастьем стало для меня и открытие поэтического мира Светланы Кековой, Дины Рубиной... «Порой опять гармонией упьюсь, // Над вымыслом слезами обольюсь»...

Я начала рассуждения о счастье, отталкиваясь от фонетическо-

го звучания слова, а закончить хочу обращением к его грамматической основе. С-часть-е. Часть – корень, несущий смысл. Часть предполагает наличие целого. Приставка «с» имеет значение присоединения, единства (со-ратник, со-юз). И одно из необходимых условий счастья – это ощущение себя неотъемлемой частью целого, чего-то большего, чем ты сам: общества, семьи, любовного единства, природы.

К каким же выводам я пришла, исходя из опыта своей жизни? Мгновения счастья я испытала: в момент бурного эмоционального всплеска, связанного с состоянием влюбленности или полной растворенности в красоте природы, когда душа окрылялась и рвалась, как птица, взлететь к небу; в минуты душевного подъема, когда я ощущала радость связи с другими людьми, свою нужность им; в часы полного покоя и тишины, когда время как будто остановилось; когда целиком погружалась в поэтический мир, и он становился моей реальностью.

Не случайно говорят, что у счастья нет настоящего времени, а есть лишь прошедшее и будущее. Когда нам удастся поймать Синюю птицу счастья, она становится серой, покрывается пылью буден. А острое, всепоглощающее ощущение счастья возможно, думается мне, как мгновение.

И наконец. Я поняла, что не могу дать ответ на слишком глобальный вопрос: «Что значит счастье?» Но с уверенностью могу ответить на другой: «Когда был(а) счастлив ты?»

А когда были счастливы вы?

фото Ольги Черновой

Шоу должно продолжаться

• *Выступление у здания УлГПУ.
Концерт памяти жертв Беслана. В образе Матери*

Нстоящей легендой нашего края, с которой мне выпала честь общаться и творчески сотрудничать при ее жизни, я считаю народную артистку РСФСР, лауреата Государственной премии страны и Национальной театральной премии «Золотая маска», любимицу публики Кларину Ивановну Шадько.

Актриса Шадько была уникальной во всем. Посвятившая свою жизнь единственной сцене, она отдавалась ей полностью, без остатка, и это было трудно не заметить как посвященным в театральное закулисье, так и случайным зрителям. Она и жила неподалеку от этой сцены, ежедневно наблюдая за своим театром из окна, и прослужила здесь без перерыва почти 60 лет. Ее обожали зрители, где бы она ни выступала, ее признавала московская критика. Театр был для нее Всем! Помню, как после одного из своих бенефисов, когда гости уже разошлись, она тихонько вернулась в театр, чтобы побродить по его пустым коридорам, побыть со своим любимцем тет-а-тет, буквально прикоснуться к его стенам. Я случайно стал свидетелем этого сокровенного, почти сакрального ритуала Большой Артистки.

С годами ее имя и творчество так слились с самим образом нашей сцены, что теперь трудно поверить: шоу продолжается, а ее здесь больше

нет. Мне то и дело кажется, что вот-вот мелькнет в толпе городских улиц знакомая элегантная шляпка или она сама выйдет навстречу в фойе и скажет таким узнаваемым, голосом: «Здравствуй, дружок, рада тебя видеть».

Ее любили и зрелые коллеги, и театральная молодежь. Она была педагогом и наставницей многих выпускников местного театрального отделения. Это, наверное, и выдает масштаб настоящей Личности: энергия света, позитива, преобразования пространства вокруг себя. Ее доброе участие в своей судьбе чувствовал каждый.

• *Александр Филатов
и Кларина Шадько*

Мне вообще повезло. Кларина Ивановна исполняла мои песни, мы вместе вели передачи на радио, записали дуэт, она читала мои стихи. Я остался безмерно благодарен ей за такое неожиданное доверие и за благосклонное одобрение моей собственной творческой деятельности – дорогое и по-настоящему нужное. Помню, как в пору моей далекой юности впервые позвонила после какого-то моего радиоэфира, чтобы сказать добрые слова. «Мне еще никогда не звонила народная артистка», – только и нашелся я тогда. Это уже потом наше общение стало регулярным. Она могла найти слова для каждого, кто бы то ни был...

В работе была очень требовательной. Очень часто, глядя на новый текст, изящно закидывала правую руку за шею, дотрагивалась пальцами до левого плеча и говорила: «К этой роли нужно подойти вот таким путем», имея в виду поиск нового подхода, своих интонаций, чтобы неожиданно все перевернуть с ног на голову.

Я благодарен судьбе за то, что на каком-то этапе не только смог прикоснуться к ее таланту, но даже внести свой скромный творческий вклад в огромный, многолетний, мощный культурный пласт, связанный с великой актрисой.

А финальное воспоминание о ней связано с творческим вечером Кларины Ивановны – за год до ухода – в детской школе искусств имени М. Балакирева, где она исполнила мою песню, а потом неожиданно пригласила меня на сцену. От той встречи остались замечательные фотографии. Не мог предполагать, что они станут последними.

Вся жизнь Кларины Шадько – это своего рода мастер-класс, не только профессиональный, но и, без сомнения, человеческий. Ориентир для потомков. В последние годы здоровье Кларины Ивановны ухудшилось, но она не просто не оставляла любимую сцену – с непростым спектаклем «Оскар и Розовая Дама» объездила разные города нашей страны и даже зарубежья, постоянно встречалась со зрителями, декламировала стихи, пела, строила новые планы, которым, к сожалению, не суждено было осуществиться. Она словно хотела все успеть. Какие бы проблемы порой ни

создавало ей собственное здоровье, на сцене ее организм – рабочий инструмент – всегда был безотказен, и публика не замечала, как ей бывало трудно. Даже к небольшим, казалось бы, проходным выступлениям в культурных мероприятиях относилась с предельной ответственностью. И выглядела она на сцене всегда безупречно, сохранив и легкость, и грацию, и фигуру! Это был пример своего рода преодоления, как это говорят в театре, вопреки предлагаемым обстоятельствам, главным из которых, конечно, являлся возраст.

Знала ли она, символично рожденная в женский день 8 Марта, что

ее, подобно появившемуся на свет в эту же дату Андрею Миронову, давно считают легендой? Наверняка знала, слышала. Как к этому относилась? Да очень просто. И это тоже мастер-класс – добиться таких высот в профессии и, будучи, по сути, вдали от столиц, собрать тем не менее все главные театральные награды страны, но при этом остаться в общении обыкновенным, доступным, теплым человеком.

Она и ушла от нас в Международный день театра, завершив тем самым триумфальный круг своей яркой жизни, словно кем-то свыше избранной для искусства, еще раз под-

твердив давнюю догадку: гениями не становятся – великих назначают, присылают к нам, когда они особенно нужны. Не зря же актриса всю жизнь оставалась глубоко верующим, православным человеком. Талант Кларины Ивановны Шадько (1939–2020) был нужен театру и нам, зрителям, всему Симбирско-Ульяновскому краю на протяжении многих лет. Поистине народная артистка была бы счастлива оттого, что ее любимое шоу продолжается!

Александр Филатов,

член Союза писателей

и Союза театральных деятелей России,
Союза композиторов Евразии

Пара стульев и настенные часы – все, что нужно для настоящего чуда

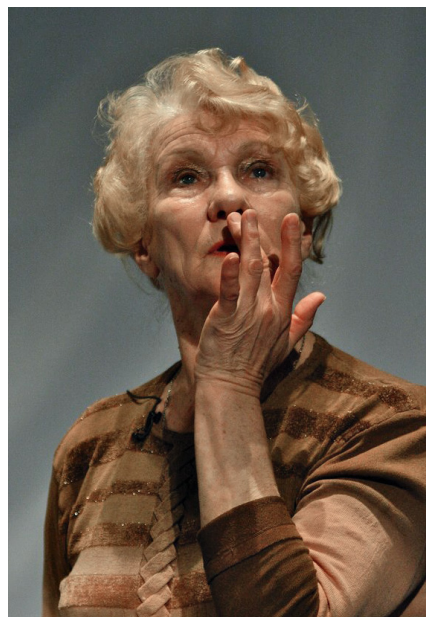
Памяти народной артистки России Кларины Шадько

О спектакле «Оскар и Розовая дама» по новелле французского драматурга Эрика-Эмманюэля Шмитта я слышал множество хороших отзывов еще задолго до того, как самому довелось его посмотреть в Ульяновском драматическом театре имени И.А. Гончарова. Я знал, что это история о мальчике, который болен раком, и предположил, что спектакль будет тяжелым и грустным. Однако я здорово ошибался. При просмотре «Оскара и Розовой дамы» пришлось и плакать, и смеяться, и даже что-то переосмысливать.

зывают розовыми дамами, по цвету больничных халатов. Одна из них – бабушка Роза – присматривает за Оскаром. Он любит подшучивать над ней, но ровно до того момента, пока та не признается, что занималась в молодости борьбой и выступала на арене, побеждая самых грозных соперниц. Бабушка Роза делится с мальчиком историями своих ярких побед, да так, что дух захватывает. Оскар проникается большим уважением к ней и готов прислушиваться к ее мнению.

Вскоре выясняется, что операция, которую провели врачи, сильно их разочаровала. Оскар замечает: как только он начинает говорить с кем-то о смерти, так его будто перестают слышать. Он использует этот же прием на бабушке Розе. Она подтверждает его страшную догадку о том, что жить ему осталось крайне недолго – всего лишь 12 дней. Но чтобы последние дни жизни мальчика наполнились смыслом, предлагает поиграть в игру. Отныне каждый день его жизни приравнивается к 10 годам. О каждом из прожитых дней Оскар должен написать письмо Богу. Мальчик спрашивает: зачем? Бабушка Роза отвечает, что ему будет не так одиноко. Оскар удивляется, как может быть не одиноко с тем, кого и так нет, на что Розовая дама тоже находит ответ: сделай так, чтобы Он существовал!

Мальчик пишет 12 писем к Богу, рассказывая о каждом прожитом дне,

который приравнивается к 10 годам, т.е. к моменту написания последнего письма ему должно перевалить за сотню лет. Здесь есть некий символизм. Он помогает ненавязчиво затронуть проблемы трусости и предательства, любви и дружбы, а также всепрощения. Зритель задумывается о поведении родителей Оскара, которые долгое время не решаются прийти к нему в палату. Что они чувствуют? Где им набраться храбрости, чтобы справиться с горем? Заставит посмеяться и сопереживать зрителя история дружбы и любви Оскара и девочки Пегги Блю.

↑ «Оскар и Розовая дама»

О чем, собственно, этот спектакль? Мальчик Оскар находится в больнице, он болен раком. Оскар рассказывает о своей жизни со всей присущей его подростковому возрасту экспрессивностью. За детьми присматривают сиделки, которых на-

Бабушка Роза ведет Оскара в часовню при больнице, где он видит распятие. Мальчик удивлен, что Бог страдает на кресте, что Он позволил людям с собой такое сделать. На что Розовая дама предлагает: «Поразмысли, Оскар. Кто тебе ближе: Бог, который ничего не испытал, или страдающий Бог? История примирения мальчика и родителей на Рождество тоже заставит о многом задуматься.

Великолепен актерский состав спектакля. Бабушку Розу сыграла народная артистка России, лауреат Государственной премии РФ и Национальной театральной премии «Золотая маска» Кларина Ивановна Шадько. Оскара – молодой, но очень талантливый актер Александр Курзин. При просмотре казалось, что роли прописывались именно для этих актеров.

Режиссер-постановщик Олег Липовецкий обозначил жанр спектакля как «разговор со зрителем без музыки и антракта». И в этом главная особенность спектакля. Мало того, что затронута достаточно неудобная для общества тема больного ребенка, так еще и от самих зрителей потребовалось активное участие. Роза и Оскар выходили в зрительский зал, и роль родителей Оскара и некоторых других действующих лиц неожиданно доставалась зрителям. Происходило сотворчество актеров и зрителей.

Два стула, настенные часы и 12 листов белой бумаги – вот и все нехитрые декорации. Никакого музыкального сопровождения. В спектакле – всего два актера. И кто бы мог подумать, что при таком аскетизме на сцене можно сотворить чудо! Даже гиперактивные школьники забывали про свои гаджеты и погружались в процесс театрального действия, который переносился со сцены в зал. Со зрителями происходили метаморфозы: взгляд ребятам становился живым и пытливым...

Спектакль «Оскар и Розовая дама» был показан во многих городах России. наших актеров тепло принимали с этой постановкой и в Москве, и за рубежом. А все потому, что в этом спектакле на первый план выдвинута не мелодрама, а проблема смысла жизни, показан путь к вере. «Мы хотели бы говорить со зрителем не о жалости к человеку, а о радости, которую испытывает человек, когда приходит к Богу», – прокомментировал режиссер Олег Липовецкий.

Сергей Николаев

Рождество 2020 г. Причастие святых тайн

Где ты, светлая душа?

Актриса уже сама тяжело болела, когда играла Розу в спектакле «Оскар и Розовая дама». Символично, что наша великая землячка Кларина Шадько завершила свой творческий путь этой яркой, глубокой и очень важной для нее ролью.

Она пригласила меня на «Оскара и Розовую даму» и сказала: «Приходи обязательно. Эта роль очень важна для меня».

Позже, когда пришла страшная весть о ее кончине, стало понятно, что она вкладывала в эти слова: в спектакле вместе с героем, которому осталось всего ничего, она проживала свою жизнь. Это она, Розовая дама, писала письма к Богу и загадывала последние желания!

На спектакль я пришла со своей 10-летней внучкой. Очень боялась: поймет ли, проникнется ли? И моя маленькая девочка, и все, кто был в зале, поняли. Закрылся занавес, и повисла тишина. Никто не аплодировал – зрители были далеко...

Мы познакомились в 2003 году, когда я напросилась к ней на интервью. Актриса Шадько запала мне в душу давно, когда играла Старуху в «Последнем поклоне» по В.Г. Распутину.

Кларина Ивановна только что закончила занятия у студентов. На улице шел сильный дождь. Я отряхнула мокрый зонт и начала развязыв-

ать платок, как вдруг актриса подбежала ко мне: «Нет-нет, не снимай платочек... Встань, как ты стояла... Поверни голову». Я застыла на месте от удивления, а Кларина Ивановна, смутившись, призналась: «Ой, прости... Это я образ ищущей, и вдруг увидела, что мне надо». И она запросто начала рассказывать о своих поисках будущего образа: как ходит по магазинам, вглядываясь в лица женщин, или садится в трамвай и там ищет нужное лицо, манеры, жесты, походку для новой героини. Мое волнение (я ведь шла на интервью к известной актрисе) улетучилось. Появилось ощущение, что мы знакомы давным-давно. Я слушала Кларину Ивановну и подхватывала: «И со мной такая беда, когда пишу. Еду в маршрутке, вижу «нужное лицо» и прилипаю глазами к девушке, женщине, мужчине, потом выхожу вслед за этим человеком, и он испуганно оборачивается...». В конце разговора мы, всхлипывая от смеха, обнимались.

Так началась наша дружба. В этих отношениях мною двигало одно желание: обогреть Кларину заботой и любовью, уберечь от злых ветров. Только бы жила, выходила на сцену... Только бы светила...

Где ты, светлая душа?

Далеко, очень далеко. Нам и после жизни не дотянуться.

Ольга Шейпак

Не каждому служителю театра Судьба разрешит уйти в такой день – День театра. Кларине Ивановне Шадько она сделала такой подарок... Ее уход случился в праздник, который связан с ее Призванием. Она – актриса от Бога. Она – Королева сцены. Самая признанная актриса Ульяновского театра драмы имени И.А. Гончарова, народная артистка России, лауреат Государственной премии РФ и Национальной театральной премии «Золотая маска», почетный гражданин Ульяновской области. 56 лет она служила нашему театру, была его украшением, достоянием, гордостью.

Она родилась в праздничный день 8 Марта, и для меня этот день навсегда останется Днем Клары Ивановны Шадько. И Год театра остался в памяти как Год Шадько: в 2019 году актрисе исполнилось 80 лет. Режиссер Олег Липовецкий поставил ко дню рождения актрисы спектакль «Оскар и Розовая дама» по пьесе Э.Э. Шмитта. С этим спектаклем мы побывали на фестивалях в Луганске и Сочи, Копенгагене и Праге, Бургасе и Москве. Кларину Ивановну и ее партнера Александра Курзина в буквальном смысле носили на руках. Награды, призы, восторженные отзывы зрителей... В спектакле «Оскар и Розовая дама» Клара Ивановна вышла на сцену в последний раз. В нынешнем году Александр Курзин подготовил моноспектакль и сыграл «Оскара» без Розовой дамы...

А 8 марта в нашем театре состоялась премьера спектакля «Мать (Васса Железнова)» по пьесе Максима Горького (режиссер Максим Копылов). Ровно сорок лет назад на ульяновскую сцену в роли Вассы Петровны Железновой в постановке Юрия Галина вышла тогда еще заслуженная артистка РСФСР Клара Шадько. Новую «Вассу» коллектив театра сыграл в день ее рождения и посвятил памяти Актрисы.

Наталья Никонорова,

директор Ульяновского драматического театра имени И.А. Гончарова, заслуженный работник культуры РФ

История театрального счастья

Лия Ефимовна вспоминала: *«Калининский фронт. Концерт перед наступлением. 4 часа утра. Покосившаяся изба. Две керосинки. Два огарка свечи. Солдаты в белых макировочных халатах с автоматами на груди. Сразу после концерта идут в наступление. Мы в вечерних туалетах даем концерт. И вот когда я закончила петь «Синий платочек», ко мне из первого ряда подошел парень, взял за плечи и сказал: «Иду в бой за синий платочек». И ничего дороже за 50 лет моей творческой жизни не было, потому что я поняла, как нужна была солдату моя песня. Они ушли, нас спрятали в блиндаж. Земля ходила ходуном, и мы ждали смерти. Вдруг влетает девчонка: «Товарищи артисты, вы что приуныли, наши-то две деревни у немцев отбили!». Вот она – сила искусства. Вот как нужна была песня продрогшему, невыспавшемуся солдату, каждую минуту смотрящему в глаза смерти... А того парня убили, и, когда мы пошли прощаться с ним, я его рассмотрела: светлые вьющиеся волосы, совершенно юное лицо, упрямый подбородок и навеки закрытые глаза...».*

Сто лет назад в Самаре родилась Лия Радина. Будущая звезда фронтовой сцены на двадцатилетие получила страшный подарок – началась Великая Отечественная война. Юная актриса сменила Саратовское театральное училище на фронтовой театр, уроки наставника Ивана Артемьевича Слонова – на репетиции с Василием Павловичем Соловьевым-Седым. Пела и играла совсем близко от расположения врага. И ее солнечный талант окрылял сотни бойцов.

Она вернулась с фронта в 1943 году. Воспоминаниями стали беседы с Константином Симоновым, Юлией Друниной. Но главная встреча была впереди. В конце 1943-го Лия Радина познакомилась со своим будущим мужем Матвеем Шарымовым. Он был старше ее на 15 лет, и юной Лие это казалось непреодолимой преградой. Но мужчина всегда победит женщину, если внушит ей уверенность: никого вокруг, кроме нее, не существует.

Матвей Шарымов мог стать художником, его земляк Аркадий Пла-

стов так и говорил: «Учись, учись, тебе Богом дадено!». Но другой сосед по Прислонихе убеждал, что Матвею надо петь, такой бас, как у него, раз в полвека даруется. Еще он писал стихи. Но выбрал профессию артиста.

Шарымов и Радина успешно творили на сценах Душанбе, Ташкента, Перми, Таллина. И только в 1959 году перебрались в Ульяновск. Матвей Филиппович – опытный исполнитель роли Ленина, ценное творческое приобретение для театра. Супруга той же звездной величины.

Лия Радина и Матвей Шарымов

За годы службы на симбирской сцене Лия Радина сыграла более 300 ролей. Особенно ей удавались роли женщин мудрых и добрых. Отрицательных персонажей в ее актерской биографии просто не было. Получив эпизодическую роль спекулянтки в пьесе «Шторм», Лия Ефимовна превратила ее в смешную репризу, которую потом много лет играли на театральных концертах. А в образ Бабуцы в грузинской пьесе про трех влюбленных в нее стариков актриса вложила столько душевного тепла, что название спектакля перед самой премьерой переименовали в «Квартет для души». Ее энергии хватало на всех. Устроить ребенка в детский сад, положить родственника в больницу, купить билет на поезд, на самолет, пристроить молодого артиста служить в ульяновский гарнизон (ведь он должен играть спектакли) – все могла и успевала Лия Ефимовна. «Это Радина», – представлялась актриса по телефону и в ответ непременно слышала восторженные возгласы. Народный депутат районного и областного Совета трудящихся – Радина! Председатель областного отделения Всероссийского театрального общества – Радина! Руководить военно-шефской комиссией – Радина... Для нее не было неважных дел и маленьких ролей, всему отдавала себя без остатка. «Если ты гореть не будешь...» – читала она на каждой актерской посиделке...

А еще замечательно пела. Любимый «Синий платочек» и «Давай пожмем друг другу руки». И в ее глазах сияли звезды... Мелодии фронтовых песен сопровождали ее всю жизнь. А сама Радина была для нас символом Победы.

Но это случится позже. А пока – главный и столь редкий талант Лии Радиной и Матвея Шарымова был в умении любить. К 15-летию совместной жизни поэт-самородок Шары-

мов, как всегда, запишет в толстую зеленую тетрадь новые стихи:

Было время с тобой
нам измерить
Любовь твою и любовь мою.
И если меня унесет
с собой смерть,
Долюблывать буду тебя в раю...

Для начала он создал ей рай на земле. Пришел к родителям невесты: «Я так долго был несчастен. Не лишайте меня возможности испытать счастье». Люся, как и положено девушке с бездонными глазами, капризничала: «Я очень плохая, ветреная, транжира, люблю одеться». Был бы поглупее, может, и поверил, но он даже не слушал, что она говорит, любовался...

В приданое «транжира» принесла одеяло, сковородку и две ложки. Но в доме у них были еще две настоящие мужские руки, поэтому появилось все: картины, тумбочки и полки лучшей в мире фирмы «Шарымов и Люся». И должен был появиться сын, которого он ждал с нетерпением, посылая в роддом записки: «Моя Люська! Если родишь дочку, я тебя в дом не возьму». 8 марта его Люся родила... дочь. Шарымов написал: «Ну и правильно сделала, какой же нормальный мужик родится в Международный женский день!».

Когда расставались надолго, почта приносила ей по 8–10 писем в день. Трудно поверить этому в наше неромантическое время. Впрочем, и они жили не в самые благополучные годы. Просто, если хочешь получить в подарок большую любовь, готовься жертвовать. Ругались ли они? Сейчас кажется, что совсем нет. Она, бывало, сорвется. Он сразу: «Ну и что?» – «Ничего...» – «Ну и все!» – и прижмется к щеке. Распределяя роли в семье, говорил: «Ты – моя любимая советская власть! руководи!». Власть отправлялась готовить, он садился шить дочке шубку.

Утром жена просыпалась от мужниного удивления: «Какой Бог мне тебя дал?». Вечером он снова доставал тетрадь: «Ты жизнь мою улыбкой озарила, круглила смехом острые углы...».

Большую часть их жизни занимал театр. Она стала народной артисткой России, но он об этом так и не узнал... 1 марта 1968 года после тяжелой и продолжительной болезни в Ульяновске умер заслуженный артист РСФСР Матвей Филиппович Шарымов. Хоронил его весь город,

В роли Лии Радиной Ольга Новицкая

Сцена из спектакля «Звезда Победы»

люди шли и шли, утешали, говорили: «Он – великий артист, но умер заслуженным». Для нее в тот миг все слова были неважны в сравнении с тем, что он уже не распахнет дверь с охапкой цветов и криком: «Люська! Родная!...».

Она остановила стрелки в миг его последнего дыхания, и часы простояли 32 года...

И все эти годы каждый вечер она беседовала с его портретом: «Как дела?» – «Да, в общем, ничего. Скажи, как мне жить дальше? Ты видишь, я так и не вышла замуж. Поклонники были, но разве их можно сравнить с тобой? А потом, ты же сказал: «Долюблывать буду тебя я в раю...».

75-летию Великой Победы и 100-летию со дня рождения народной артистки РСФСР Лии Радиной коллектив Ульяновского драматического театра имени И.А. Гончарова посвятил спектакль «Звезда Победы» о жизни и творчестве замечательной актрисы.

По материалам газеты «Актерский дом»

Очаг любви и добра

В 12-летнем возрасте я написала попури по сказкам всех народов мира. Заметив в них повторение сюжетов и негативные моменты, с которыми моя душа не могла примириться, я решила, что сказки должны быть другими: фантастическими не по месту действия в пространстве, а по состоянию души. Даже придумала название серии «Мои первые сказки». Отважилась прочесть свое произведение маме, но она отнеслась к моим стараниям безучастно. Я подумала: если уж маме не понравилось (она была библиотечным работником), так подружкам и читать не буду. После этого я принялась доверять свои «невеликие тайны» дневникам, чтобы услышать и понять себя, сверить свои мысли через время. Эта потребность поговорить с собой по душам у меня возникала всегда, когда терялась уверенность в правоте поступков или, напротив, когда хотелось сохранить состояние восхищения отношениями. Дневники служили мне поддержкой в работе над собой. Перед самой моей свадьбой (мне было около 20 лет) мама посоветовала сжечь в титане все дневники, «чтобы муж не прочитал». Я ее, к сожалению, послушала, хотя там не было ничего, за что мне было бы стыдно ни тогда, ни теперь. Записи дышали искренностью. И все-таки я продолжаю это «непо-

лезное», с точки зрения моей мамы, занятие в те минуты, когда душа просит поговорить с ней.

Я доверяла свои записи детям, когда они подросли. У кого же им еще учиться? Пусть сравнивают с опытом других людей, сверяют свою жизнь по любящим родным людям.

Так мой творческий путь получился длиною в целую жизнь – не только мою, но и моих детей: дочери Елены (1976–2007) и сына Андрея (1982 г.р.) – инвалидов-колясочников по генетическому заболеванию (мышечная дистрофия, ранняя форма).

В третий раз творчество постучалось в мою жизнь маленькими пальчиками десятилетней Леночки, которая вместо школьного сочинения по картине художника впервые написала стихотворение. Это было в г. Уральске Западно-Казахстанской области, где мы родились и который покинули в 1995 году, чтобы поселиться в г. Ульяновске.

По окончании общеобразовательной и детской художественной школ Леночка поступила и успешно окончила Московский литературный институт им. А.М. Горького (отделение поэзии, заочно, экстерном в 1993–1997 гг.). После того первого стихотворения у дочки было много других. Мы читали их вслух, обсуждали, спорили, шутили, готовили выступления и презентации для

Любовь Токарчук

творческих встреч в школах и библиотеках города и области, составляли подборки стихов и макеты книг.

С 1996 года в нашей квартире существовал домашний литературно-музыкальный салон, гостями которого были ульяновские поэты, писатели, музыканты, барды, художники, библиотекари, учителя.

Лена охотно принимала участие во многих фестивалях и конкурсах, проводимых Всероссийским обществом инвалидов. Она стала лауреатом фестиваля творчества инвалидов России и Беларуси (Москва, 1998); международной премии «Филантроп» (Москва, 2000 г., первая премия в номинации «Поэзия»), лауреатом седьмой Артиады народов России (Литература. ПараАртийская молодежная лига. Гильдия профессионалов. Москва, 2004 г.).

Все эти годы я помогала ей. Была ее первым слушателем и критиком, набирала тексты, кроме того, была ее руками и ногами. И, конечно, любила и гордилась ею. Ограниченная инвалидностью в передвижении с девяти лет, она много работала по своей профессии – литературному творчеству. Одновременно писала картины акварелью и маслом, переводила по подстрочнику произведения поэтов Америки. При ее жизни вышли в свет пять сборников стихотворений. Первые два по заказу Западно-Казахстанского обкома Общества Красного Креста и Красного Полумесяца. Другие – на средства благотворителей и сти-

Лена и Андрей Токарчук с чужим кутенком. Уральск. 1992

Люба и Лена Токарчук.
Ульяновск. 1999

пендии от Российского союза профессиональных литераторов, членом которого Елена Токарчук была с 1999 года.

Возможно, именно та искорка живого слова, которая разгорелась в очаге домашнего литературно-музыкального салона, помогала нам с дочкой быть радостными и счастливыми. В 2006 году вместе с Леночкой мы отмечали десятилетие салона, а в 2016 году – 20-летие: с ее друзьями, но уже без нее...

Вначале я считала себя только техническим помощником дочери и не думала о собственном литературном творчестве. По образованию я юрист (в 1981 году окончила Московский юридический заочный инсти-

На вручении Международной премии «Филантроп». 2000

Автопортрет. 1988

Елена Токарчук

*Мой ветер синеглаз и бескорыстен.
Я – странница, страница, пустота.
Как данница невысказанных истин,
Записанных с кленового листа.*

*Я вижу на высоком небосклоне
Забывтый взбунтовавшийся закат.
Жалею черный дуб, что он не понят.
Осталось всех простить – и все простят.*

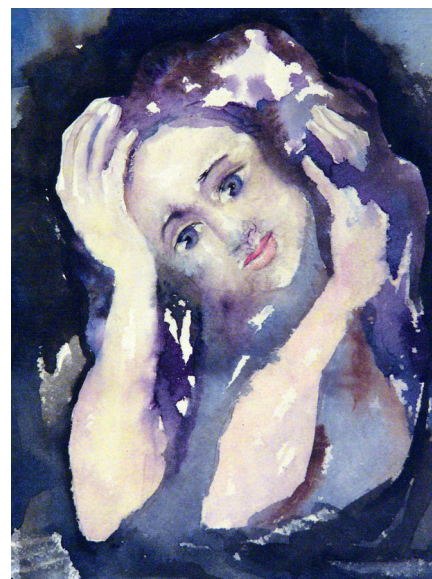
*Желтеет равнодушный, душный город.
Здесь кто-то заблудился где-нибудь.
Дождитесь, я приду к вам очень скоро.
Мне нужен добрый Бог и добрый путь.*

27 сентября 1991 года

тут, Оренбургский филиал). Двадцать лет я трудилась по специальности. Работа, уход за детьми, семейные заботы, встречи с родственниками и друзьями заполняли время моей жизни до предела. Но все менялось. Младший сын сел в коляску в 12 лет. С работы пришлось уволиться, чтобы ухаживать не только за детьми, но и престарелой мамой. С мужем мы расстались. Дети выросли, и, хотя хозяйственно-бытовых забот меньше не стало, появилась потребность поиска духовной опоры (одолевали депрессивные мысли: жизнь не удалась, все усилия напрасны). Надо было что-то менять в себе.

В 1998 году я поступила в аспирантуру УлГТУ при кафедре философии на очное отделение. Прочилась три года, сдала кандидатские экзаме-

Первая грусть. 1990

Игра. 1990. Акварель, гуашь, картон, 24,5x28,2

Оленёнок. 1990. Акварель, гуашь.
Бумага, картон, 29x24

Весна. 1990. Акварель, картон, 34,5x24,5

ны, но диссертацию к сроку не смогла подготовить.

В 2000 году мой сын Андрей поступил в УлГТУ на гуманитарный факультет. Мы вместе с дочкой помогали ему учиться. Мне пришлось отодвинуть работу над диссертацией на неопределенный срок. В 2005 году сын получил диплом с отличием по специальности «издательское дело и редактирование». Но возобновить работу над диссертацией мне не удалось. Резко ухудшилось физическое состояние дочери. Она более не могла сидеть и перешла на постельный режим. Медицина оказалась бессильна. Чтобы поддержать Леночку, мы все силы приложили к тому, чтобы подготовить к изданию ее произведения.

Наши друзья и родные помогли нам, кто как мог: набирали тексты, дежурили у постели, записывая за дочкой новые произведения, оказывали мне помощь в домашней работе. Все эти события нашей жизни показали мне, как много добра хранится в сердцах окружающих нас людей. Сколько радости смогли они подарить моей Леночке своими благородными порывами и желанием облегчить ее участь. Все это привело меня к пониманию значения энергии любви, творящей чудо жизни, которую можно назвать Богом.

Общение в литературном кругу дочери, участие в игровых экспромтах на тему: «Я – в роли любого объекта, предмета» подвигло меня к написанию рассказов-миниатюр «Конфетка» и «Блокнот» для литературного сборника «Я... Кто я?» (2002).

Память сердца

В другой раз Лена попросила меня записать воспоминания из моей жизни, которые ей показались забавными. И я описала ее рождение «Желанный апельсин» (2002), а также фрагмент из своего детства «До полного блеска» (2003). Это были мои пробы пера. Понемногу я включалась в тот или иной проект, затеянный не мною, принимая вызов бытия. Однажды по инициативе друзей появились мои публикации в газетах и журналах Ульяновска.

После ухода Леночки 9 июня 2007 года меня стали приглашать на творческие встречи с просьбой рассказать о дочери и прочесть ее стихи. Год за годом в течение десяти лет я пишу воспоминания о Лене, готовлю презентации с показом видеосюжетов из ее жизни, участвую в социальных проектах. В Ульяновске открыты две постоянные экспозиции, посвященные жизни и творчеству Елены Токарчук. Это – мемориальные экспонаты в музее педагогического колледжа (с 2007 г.) и литературная гостиная Елены Токарчук в специализированной отделе-библиотеке № 4 ЦБС «Социальный центр «Надежда» (с 2012 г.).

В 2008 году «за материнский подвиг, самоотверженность и душевное тепло, отданное детям» награждена почетным знаком Ульяновской области «За веру и добродетель». Эта награда укрепила мою веру в необходимость душевного сотворчества, которую мы способны дарить своим детям, друзьям и недругам, укрепляя их веру в людей, дружбу и любовь.

В октябре 2008 года по приглашению руководителя Ульяновской организации Российского союза профессиональных литераторов Лилит Николаевны Козловой вступила в

☞ *С внуками. Жизнь продолжается*

члены РСПЛ, а в 2009 году – в Российское философское общество.

Все эти годы мне пришлось осмысливать не только биографию и творчество дочери, но и свою жизнь, а с нею и судьбу не менее любимого сына Андрея, которому, как и Леночке, принадлежит право надеяться на мою поддержку. Сын стремился к самостоятельности, и я приняла его опыты и была готова к любому его выбору. В 2010 году Андрей женился, и в 2015 году в молодой семье родилась двойня: Артем и Леонид. Мальши-внуки украсили нашу жизнь чудом своего появления на свет, о котором мы не смели и мечтать. Изменился наш социальный статус: сын в 32 года стал отцом, а я в 59 лет – бабушкой. По мере своих возможностей я помогаю в уходе за сыном и внучатами, дружу со снохой Светланой. Но и не бросаю творчество, участвую в литературных собраниях, клубах, мероприятиях городского и областного уровня, связанных с продвижением чтения, пропагандой культуры и литературы для детей и юношества.

Мой литературный багаж – это

архив семьи с детьми-инвалидами, где нелегкая, но по-своему счастливая жизнь представлена стихами, прозой, дневниками, перепиской, публикациями, фотографиями, музыкальными композициями и видеосюжетами. Этот багаж пока еще полностью не опубликован.

Часть материалов помещена в личном фонде Елены Токарчук Центра документации новейшей истории Ульяновской области, другая в электронном варианте – на официальном сайте Елены Токарчук и на сайте Централизованной библиотечной системы «Доступный город. Читаем вместе».

Очаг любви и добра, некогда возникший из искорки живого слова, согревает меня и сегодня во время работы с архивными материалами творчества Леночки и подготовки к изданию новых книг ее стихов. Радуюсь возможности освещать дорогу памяти для тех людей, которые были поистине добры к моей дочери, полюбили ее как достойного человека и поэта и хотят узнать о ее жизни и творчестве больше, несмотря на то, что ее уже нет с нами более десяти лет.

В июле 2018 года я отправила материалы о творческом пути дочери для помещения на электронный ресурс «Литературная карта Ульяновской области». Не только желание описать историю счастливой жизни «несчастливых» людей на основе документальных материалов подвигает меня к мемуарам. Важно самой многое понять и успеть высказать благодарность Богу и ангелам-посланникам, которых Он направлял к нам в особые моменты жизни, за то, что всем нам была предоставлена возможность познавать мир и его законы, творить, верить и любить.

Любовь Токарчук,
литератор

☞ *В уголке Елены Токарчук. 2013*

Симфония жизни

↑ *Все только начиналось...*

Дети войны

Галина и Аркадий с детства познали запах войны. Ее родители родом из Ленинграда. Отца Галины в 1941 году направили в Свердловск. По окончании войны Константин Печеркин надеялся вернуться в Ленинград, но получил новое назначение – председателем облплана в Ульяновск.

Аркадий Егуткин родился в Гомеле. В начале войны отец ушел на фронт, а мама с детьми бежала от немцев, не зная, куда приведет судьба. Совершенно чудесным образом под Ульяновском нашлись дальние родственники. Семья поселилась в с. Должниково Базарно-Сызганского района. В Ульяновск переехали в 1947 году. Война навсегда врезалась в память мальчика: как враг бомбил эшелоны, как приходили в село похоронки, как в их семью пришло горе – погиб отец. «Ни радио в отдаленном селе, ни телефонов, ни электричества, – вспоминает Аркадий Ефимович, – а похоронки приходили регулярно». Эти страшные картины спустя годы ожили на полотнах его произведений и вылились в серию «Память».

Аркадий рисовал с детства. Он вспоминал: «Еще в Должниково, в военное время, в перекидном календаре я увидел рисунок пером с картины Пластова «Жатва»: старик, дети, снопы, обед в поле. Все это я наблюдал в жизни! С тех пор мне этот художник запал в память, но я даже не знал, что он живет неподалеку...».

Аркадия Егуткина и Галину Печёркину называют счастливой парой. 31 декабря они отметили большой семейный праздник – 60-летие совместной жизни. А уже в марте подоспели новые юбилеи: 85-летие народного художника России Аркадия Ефимовича Егуткина и 65-летие его творческой деятельности. Сразу в двух престижных залах Ульяновска – в выставочном зале Дворца книги и в музее современного искусства открылись персональные выставки живописца.

25 марта Губернатор Сергей Морозов вручил А.Е. Егуткину награду: знак отличия «За заслуги перед Ульяновской областью».

Галина и Аркадий учились в разных школах: она – в 3-й женской, он – 1-й Ленинской мужской. Боевой девчонке-активистке приглянулся скромный мальчишка с блокнотом и карандашом в руках, и решила она привлечь его к самодеятельности. Артист из него не получился, но другом Аркаша стал.

После школы Галина поступила в Ленинградскую лесотехническую академию, Аркадий – в Казанский химико-технологический институт.

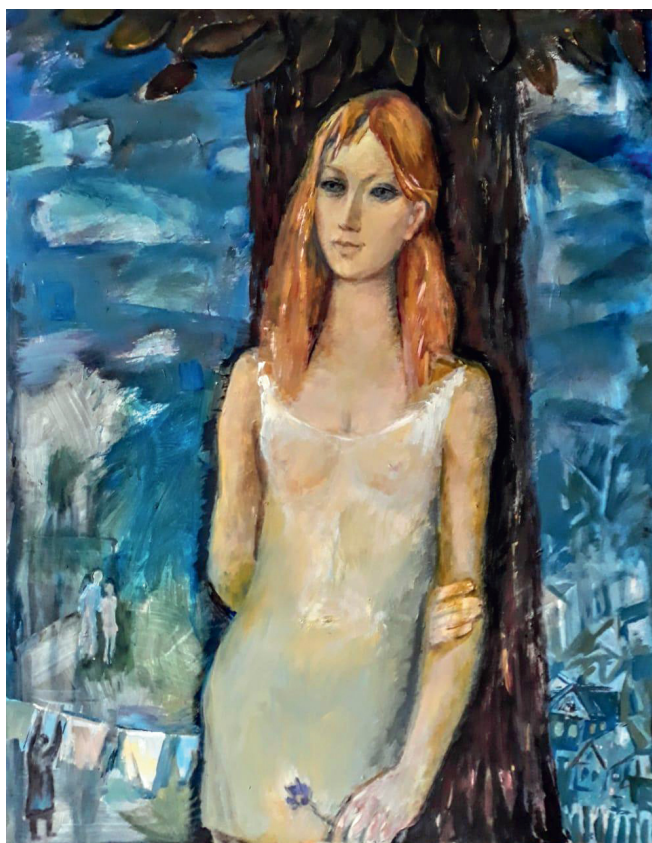
Дружба продолжалась, пока молодые люди не поняли, что дальше пойдут по жизни рука об руку. Они поженились под новый 1961 год. С тех пор не расставались.

Галину увлекла модная в то время профессия тележурналиста – очень подходящая для ее артистического характера. В своей книге «Незабываемое, неповторяемое» Галина Константиновна подробно рассказывает о своей работе на ГТРК «Волга».

↓ *А.Е. Егуткин. 9 Мая. Память. 2005 г. Холст, масло, 120x160*

А.Е. Егуткин. Диптих «Орфей и Эвридика»

Судьбоносные встречи

К тому времени Аркадий уже точно знал, что его жизнь неотделима от искусства. Ему везло на отзывчивых людей. Первым педагогом в студии при Доме пионеров был Юрий Васильевич Павлов, о котором Егуткин говорит с чувством великой благодарности. В 1960-е годы судьба свела его с выдающимися художниками: Федором Решетниковым, Аркадием Пластовым, Дмитрием Архангельским. «Ни в каком самом счастливом сне мне не могло тогда привидеться, что когда-то в Москве художник Федор Решетников (картина «Опять двойка») познакомит меня с Аркадием Александровичем, а тот пригласит меня к себе в Прислониху. А перед тем, посмотрев мои рисунки, скажет: «Учиться тебе надо. У тебя все к тому есть, – так вспоминал Егуткин первую встречу. – И еще: – Аркаша, не теряй времени. Не теряй. Вот у меня сейчас замыслов много, а времени не осталось». Я ему поддакивал, а сам тогда думал: «О чем он говорит? У меня вся жизнь впереди». А жизнь прошла: ворона сидела на заборе, слетела – вот и жизнь пролетела».

Тепло вспоминает Аркадий Ефимович замечательного симбирянина – художника Дмитрия Ивановича Архангельского: «Мы были очень близки, я еще пацаном ходил с ним на этюды... Это был интеллигентнейший

А.Е. Егуткин. Автопортрет

человек. Добрый, внимательный. Он со мной разговаривал на «вы» и «Аркадий Ефимович». А я сопляк был вообще».

Все эти выдающиеся люди повлияли на окончательное решение паренька: он поступил в Московский полиграфический институт на художественное отделение. Работал, не отходя от холста. Начиная с 1967 года Аркадий Егуткин – постоянный участник всех ежегодных областных художественных выставок и региональных выставок «Большая Волга», участник всесоюзных, зарубежных и международных выставок. Его про-

изведения экспонировались в городах России, в Польше, Украине, Германии, Англии, Израиле.

Мгновения и вечность

Философичность – отличительная черта творчества Егуткина. Его картины легко узнаваемы. Они притягивают взгляд зрителя, и каждая работа врезается в память навсегда. Так получилось, что все его картины выстроились в серии: «Память», «Поэты России», «Библейские сюжеты», «XX век», «Мифологические легенды», «Смешные несмешные человечки».

Любимый жанр – портреты. «В советское время мы все писали портреты производителей, колхозников, врачей, – поясняет художник. – Я не вижу в этом ничего зазорного, потому что делал это с удовольствием. Мне важно было передать внутренний мир человека. Человеческая личность – это же галактика! Особенно интересно писать любимых поэтов – у меня большой цикл. Я все время ищу форму. Это очень важно: найти аллегорию, нужный символ».

В графическом портрете «Солдатка» передана вся боль войны. «Автопортрет с отцом» – глубинная невыплаканная история короткой жизни отца и постаревшего любящего сына. «Портрет в июне» – гимн жизни и цветению и одновременно – ожидание плодов любви.

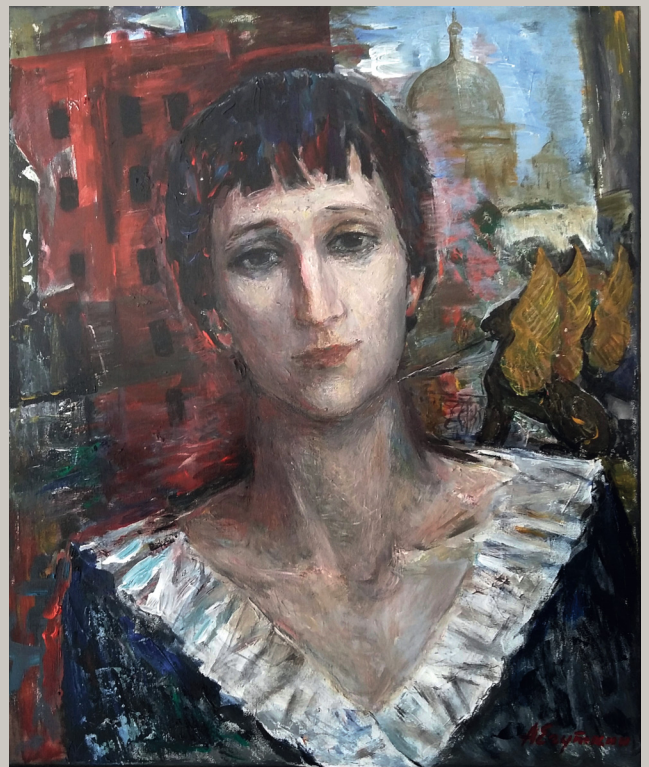
• Николай Благов.
Из цикла «Поэты России»

Свой среди своих.
Посвящение И.А. Гончарову

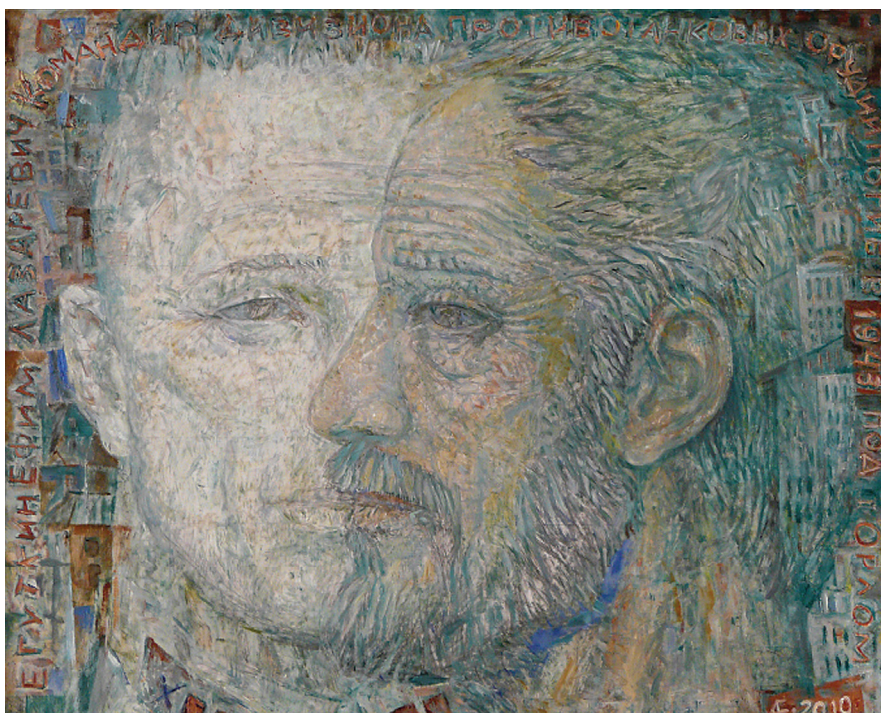
• Марина Цветаева.
Их цикла «Поэты России». 2001

• Анна Ахматова.
Их цикла «Поэты России». 2016

А.Е. Егуткин. Внуки мои

А.Е. Егуткин. Диалог. Автопортрет с отцом. 2010–2011

Особая серия портретов – «Поэты России». Это вершина творчества мастера. Переданы не только характеры великих поэтов – раскрыта суть их творчества. И когда художник признается: «Я безумно люблю поэзию», становится понятно, в чем секрет успеха этой серии.

Удаются Егуткину и жанровые картины. Одна из самых запоминающихся и мощных по силе воздействия на зрителя работ – «9 Мая. Память». Такой же эмоциональной силой обладают картины: «Память. Цветы печали», «Воспоминание о родителях», «Внуки мои», «Герань», а все потому, что художник все время стремится к познанию души, раскрытию смысла бытия. Все его работы наполнены символикой и многозначностью, в основе любого сюжета – библейская притча. Полотна пропитаны потоком эмоций и чувств. В сериях «XX век», «Смешные несмешные человечки», «Мифологические легенды» художник через аллегория приближается к надмирному обобщению, как будто рассматривает полотно бытия с высоты небес. Поэтому и пейзаж существует не сам по себе, а чаще всего условен и выступает как средство передачи чувственного образа. Даже время несет сложную психологическую нагрузку и выступает одновременно в двух ипостасях: мгновения и вечности.

На открытии юбилейной выставки, названной «Симфония жизни», 10 марта этого года во Дворце книги кандидат искусствоведения Луиза Баяра обратила внимание присутствующих на серию «Библей-

ские сюжеты»: «Меня потряс библейский триптих, особенно картина “Богоматерь. Распятие”. Как точная композиция, какой мощный образ. Художник воздействует аллегорией». А кандидат искусствоведения Владимир Цодикович так писал о мастере: «Внешне разноликая форма картин художника в действительности единая гармонией с выраженным содержанием и варьируется между двумя полюсами: ясно выраженным реалистическим объемом и стремлением его дематериализовать, растворить в пространстве <...> Искусство Аркадия Егуткина – думающее, поэтичное, красивое».

Руководствуясь совестью

Вступив в 1975 году в Союз художников России, А.Е. Егуткин многократно избирался заместителем председателя правления Ульяновского отделения Союза художников России, а с 1995-го по 2012 год возглавлял организацию. На этом посту он заботился о коллегах, болел за культуру региона. Аркадий Ефимович отстоял галерею художников, когда ее пытались приватизировать чужаки, сумел добиться безвозмездной аренды мастерских, хлопотал об издании художественных альбомов ульяновских мастеров. Он неоднократно проводил благотворительные акции по дарению картин областным учреждениям культуры, образования и здравоохранения. В этих акциях подавал пример остальным. В общей сложности художник подарил около сотни своих картин: Ленинскому ме-

мориалу, госпиталю ветеранов войн, детской клинической больнице, детскому социально-реабилитационному центру, областным музеям – краеведческому и художественному.

В течение долгого времени А.Е. Егуткин занимал должность профессора факультета культуры и искусства Ульяновского государственного университета и на этом поприще снискал уважение творческой молодежи.

Счастливые

У Егуткина много портретов с названием «Жена художника», да и во многих жанровых полотнах узнается присутствие Галины Константиновны. Стоит только заговорить с ней о ее увлечениях и талантах, она тут же переводит разговор на работы мужа, раскрывает секреты его замыслов. Не будь ее рядом, неизвестно, какой получилась бы симфония жизни Аркадия Егуткина.

Сегодня Аркадий Ефимович – почетный гражданин г. Ульяновска, народный художник Российской Федерации, лауреат премии в области изобразительного искусства им. А.А. Пластова. Награжден медалями ВДНХ, Российской Академии художеств, золотой медалью Союза художников России. Его работы находятся в музеях России, в частных собраниях, галереях России и за рубежом.

А главный итог жизни – четверо внуков, 13 правнуков. Вот они, плоды «Портрета в июне»...

Ольга Григорьева

Юбилейная выставка Юрия Панцырева в Москве

Юрий Панцырев. Автопортрет. 1981 г., к. т. 95x72

Родился Юрий Панцырев во Владимирской области, в небольшом городке Камешково. Родители были далеки от искусства и прочили сыну военную карьеру, но он, удивив всех, пошел учиться на художника. Сначала – в Ивановское художественное училище, затем поступил в знаменитый МГХИ им. Сурикова (мастерская проф. Т.Т. Салахова). В 1976 году Юрий Панцырев принимал участие в подготовке выставки Аркадия Пластова и сблизился с его семьей. После окончания института молодой художник по рекомендации Николая Аркадьевича Пластова был приглашен в Ульяновск. Здесь творческая судьба Юрия Панцырева складывалась весьма удачно. Он часто выставлялся на самых престижных выставках, много и плодотворно работал. В 1986–1989 годах возглавлял Ульяновскую организацию Союза художников, в 1987 году был избран секретарем правления СХ РСФСР, через год – членом правления СХ СССР.

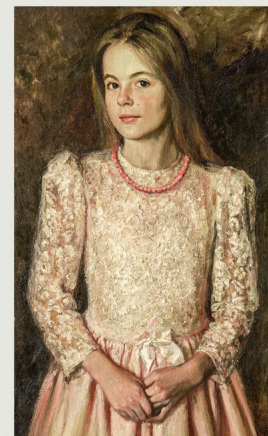
Уже более четырех десятилетий на нашей Ульяновской земле творит яркий художник современности, представитель современного русского реализма, продолжающего в своем творчестве лучшие традиции русских передвижников, а также импрессионистов, голландских живописцев и художников эпохи Возрождения Юрий Николаевич Панцырев. Недавно ему исполнилось 70 лет, и по этому случаю 4 марта в Московском музейно-выставочном комплексе Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки открылась его большая юбилейная выставка.

4
МАРТА

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА
ЮРИЯ ПАНЦЫРЕВА
К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

4
АПРЕЛЯ

18+

Залы МВК Академии акварели и изящных искусств
Сергея Андрияки (3 и 4 этажи), ул. Академика Варги, д. 15
Часы работы: ср-вс 11:00 - 19:00
Тел.: 8 (495) 531-55-55
aaii.ru

Выступает С.Н. Андрияка, действительный член Российской академии художеств

Юрий Панцырев.
Букет с цветами картошки. 2000 г.,
х. орг. м. 40x45

Юрий Николаевич до сих пор считает, что выставляться надо часто, это дисциплинирует художника.

Вот и теперь на юбилейной выставке в Московском музейно-выставочном комплексе Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки художник представил более 200 живописных работ. Все они выполнены в разных жанрах и охватывают многогранную творческую деятельность художника. В многочисленных залах вывешены пейзажи, жанровые картины, портреты, виды зарубежных стран, натюрморты и, конечно, такие любимые Панцыревым цветы.

Оказавшись среди великолепных произведений Юрия Николаевича, невольно ощущаешь силу настоящего искусства, то чудо, благодаря которому происходит соприкосновение человека с завораживающей красотой природы, улавливаешь самобытность характеров героев его полотен. В работах художника нет фальшивой красоты, ничего случайного. Выражение лиц, жесты, одежда героев, пленительное очарование пейзажей, всегда верное цветовое решение картины – все служит созданию незабываемых образов. Перед зрителем предстает сама жизнь, которая под увеличительным стеклом его таланта заставляет размышлять и верить в счастливое будущее человечества на нашей прекрасной, но такой хрупкой Земле.

Несмотря на неизбежные определенные ограничения с посещениями выставочного зала, на выставке всегда есть посетители.

Хочется от всей души поздравить Юрия Николаевича со славным юбилеем и замечательной московской выставкой и пожелать ему новых творческих успехов и свершений..

Вячеслав Егоров

Юрий Панцырев. Мероприятие в Прислонихе. 2020 г., х. акрил, 130x200

Юрий Панцырев. В зимние сумерки. 1985 г., х. т. акрил, 140x176

Художник Юлия Узрютова: о чистом Новом городе, живых домах, комиксе про Обломова и путешествиях

Чистые фасады монолиток и объектов соцбыта Нового города Ульяновска белеют в индиго, старые здания Симбирска прописаны со всеми деталями, а разрушенная пристань в Белом Яре все-таки дожидается пассажиров. Художник Юлия Узрютова перемещается не только в пространстве городов и стран, но и во времени, погружая зрителей в разные эпохи. Среди ее новых работ – комикс про Обломова, который будет представлен во французском Ангулеме. Сегодня наш разговор с Юлией о том, как время меняет архитектуру, как разговаривают дома, и о скетчинге в путешествиях.

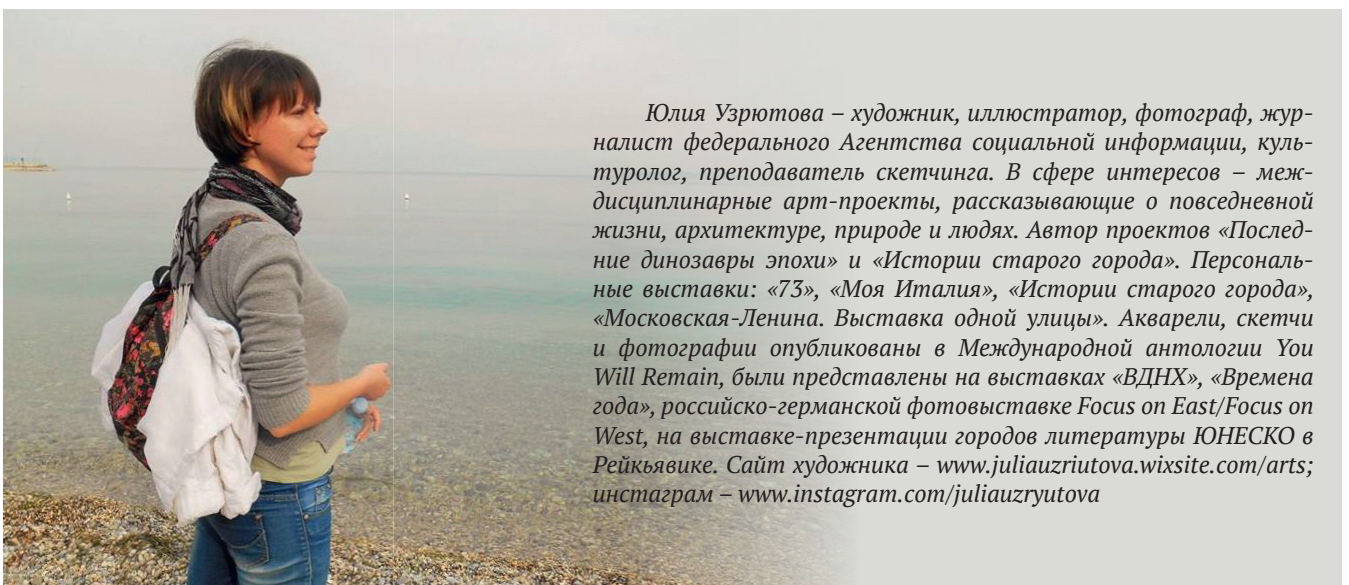
– Юлия, вы сейчас работаете над большим проектом, посвященным советской архитектуре Ульяновска. Почему эта тема вас заинтересовала?

– Проект называется «Последние динозавры эпохи». Он посвящен архитектуре СССР и микрорайону Новый город в Ульяновске, который стал одной из последних масштабных жилищныхстроек советского времени. Здесь я живу с пяти лет, поэтому выросла под звуки забивания свай. Со временем стала замечать, что привычный район сильно изменился прежде всего с архитектурной точки зрения: лаконичные здания с чистыми фасадами завешаны рекламой, облицованы на любой вкус и цвет. Мне захотелось «вернуть» их хотя бы визуально. Так и родился проект. Кстати, интересный момент: если фотографий «признанных» достопримечательностей Ульяновска разных периодов сохранилось множество, то

снимков бытовых объектов Нового города в их первоначальном виде не так много. Я искала старые фото района в книгах и газетах того времени, чтобы «восстановить» облик зданий

вплоть до деталей, например, вывесок. Так, еще недавно на ДOME связи в Новом городе были видны надписи «Телеграф», «Почта», теперь же они завешаны рекламой.

Последние динозавры эпохи. Товары для дома. Было – стало.
Новый город, Ульяновск

Юлия Узрютова – художник, иллюстратор, фотограф, журналист федерального Агентства социальной информации, культуролог, преподаватель скетчинга. В сфере интересов – междисциплинарные арт-проекты, рассказывающие о повседневной жизни, архитектуре, природе и людях. Автор проектов «Последние динозавры эпохи» и «Истории старого города». Персональные выставки: «73», «Моя Италия», «Истории старого города», «Московская-Ленина. Выставка одной улицы». Акварели, скетчи и фотографии опубликованы в Международной антологии You Will Remain, были представлены на выставках «ВДНХ», «Времена года», российско-германской фотовыставке Focus on East/Focus on West, на выставке-презентации городов литературы ЮНЕСКО в Рейкьявике. Сайт художника – www.juliauzryutova.wixsite.com/arts; инстаграм – www.instagram.com/juliauzryutova

Получилась своего рода стилизация под старые снимки. Акварели выполнены с использованием контраста: светлые здания изображены в индиго-обрамлении, которое подчеркивает архитектуру и сосредотачивает на ней взгляд. Второй важный момент: здания я изображаю без современных вывесок, кондиционеров, облицовки и переделок – такими, какими они были задуманы архитекторами. У меня нет цели сказать, что это хорошая архитектура или плохая. У местных жителей связаны воспоминания и с ней, а не только с «признанными» достопримечательностями. Я «срываю» пласты более поздних периодов, показывая фасады в их исконном виде. Как культурологу, мне интересно проанализировать изменения в архитектуре в контексте других эпох, а также то, какими эти здания сохранились в памяти жителей.

– Это выставочный проект?

– Это гибридный проект – оригиналы работ будут показаны на выставке, также я готовлю его появление в дигитальном пространстве. Я делаю фотофиксацию точек, которые включила в проект: прохожу по местам, акварельные «снимки» которых уже подготовила, и делаю фотографии, показывающие, как место выглядело изначально и каким стало сейчас. Затем я наношу эти точки на онлайн-карту и создаю маршрут, после чего это сравнение, сделанное на месте, можно будет увидеть из любой точки мира. Получается такое виртуальное путешествие в другую эпоху, скрытую под пластами времени.

– В ваших работах особое место занимает село Белый Яр. Почему это место вам так интересно?

– Это одно из моих самых любимых мест, сюда я часто приезжала в детстве и провожу много времени сейчас. Я пишу старые дома, волжские пейзажи, цветущие поля и леса с закатами. Для меня эти места – живая иллюстрация к лесу Паустовского. Но есть и второй пласт, несколько сюрреалистичный. Я рисую не Белый Яр как таковой, а свое восприятие этого места. Я живу здесь двумя жизнями, и за тем, что происходит сейчас, у меня всегда возникает картинка из прошлой жизни. Это в какой-то степени оттеняет грусть от того, что кругом разруха. Вот разрушенная пристань в Белом Яре: смотрю на нее, и слезы на глазах. Бывший речной вокзал по-прежнему смотрит на пристань-скелет пустыми, без стекла, глазами, и всплывают картины из прошлого, например, люди, приплывшие на метеоре. Мне кажется, на берегу я иногда даже слышу топот ног этих людей по пристани: мне рассказывали, что эти звуки были слышны издалека. Все это дополняется песнями Пугачевой и Антонова из 1970-х, которые тоже откуда-то как будто слышатся. Получается прогулка во времени. Шум волн, покосившееся крыльцо, скрип дверцы на чердаке заброшенного дома – так эти места разговаривают с нами. Я бесконечно донимаю всех: расскажите мне, что да как тут было! Мне интересны любые детали, даже в каком углу в здании речного вокзала стоял буфет и что там продавали. Это

У заброшенного Речного вокзала. Старый Белый Яр, Ульяновская область

«дорисовывает» мою картинку внутри, и так я стараюсь дополнить атмосферу своих работ. Я хочу знать это место, каким оно было в памяти тех, кто его еще помнит.

У меня рождаются истории к каждой работе из белоярской серии, иногда они даже какие-то странные. Вот люди стоят у «дырявого» – без дверей и окон – здания речного вокзала и не понимают, что происходит: это люди из прошлого, они только что с метеора и не представляют, что привело к такой разрухе. Но вдруг, пока я думаю об этом, человек, который в другой моей работе только что был у пристани, исчезает: все-таки он купил билет и уплыл на метеоре.

Я «ностальгетик» – внутри какой-то интерес к определенным периодам истории, мне хочется побывать в том или ином времени, прочувствовать ту жизнь, о которой мне рассказывали. Наверное, с помощью рисования я в нее как раз и погружаюсь. А если рисую разваливающийся одинокий дом, иногда даже изображаю людей, которые хотят его восстановить. Я воспринимаю дома как живые существа. Помню, как по пути от разрушенной пристани к главной улице я остановилась, услышав равномерный звук: где-то что-то скрипело и постукивало. Оказалось, что это под крышей старого дома открывалась и закрывалась дверка. Туда-сюда, туда-сюда. Звук был гулкий и одинокий среди бурного жужжащего

Вернулись. Заброшенный дом в Белом Яре

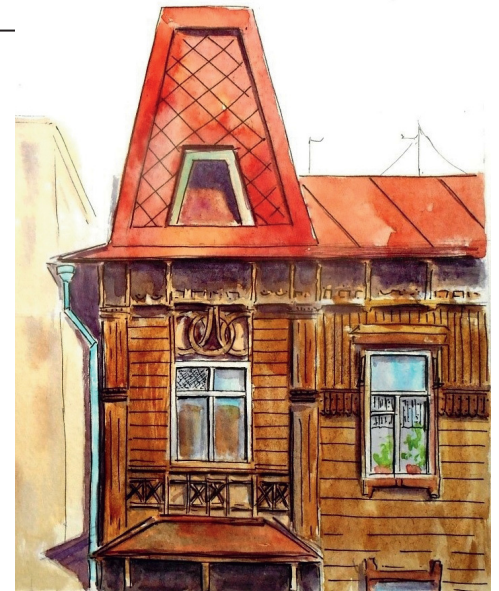
летнего зноя. Мне придумалось, что дом так привлекает к себе внимание, хочет поговорить с кем-то. Захотелось побыть с ним подольше, и он поселился в моих зарисовках. Надеюсь, когда-то он снова заживет привычной жизнью.

– Вы занимаетесь не только акварелью. Ваш комикс примет участие в международной выставке крупнейшего европейского Фестиваля комиксов в Ангулеме. Работа посвящена Обломову.

– Это был очень интересный опыт в свете предложенной фестивалем темы «Город после пандемии». У меня сразу возник образ Обломова. Мне было интересно поразмыслить, как бы он отреагировал на происходящее в родном городе его создате-

ля. Свою работу я назвала «Сон Обломова». В комиксе я решила представить, как главный герой романа «Обломов» просыпается в 2020 году в Ульяновске. Илья Обломов никак не поймет, что происходит вокруг: вроде бы его мечта сбылась, вокруг никого, да еще и приказано никуда не выходить – это ли не его идеал? Илья Обломов снова лег, слушая призыва «Оставайтесь дома». Только почему-то в нем именно теперь проснулось стремление действовать, чувствовать, активно жить. Что это? Сон? Новая реальность?

Тут и некий сюрреализм: так, поспав, Обломов видит Дом Гончарова из окна – жить-то он здесь не может, хотя это было бы логично, но тут уже музей.

↑ Ульяновск. Улица Радищева, 92

– Юлия, как рождался ваш большой проект «Истории старого города»? Почему вам так интересны старые дома?

– Поначалу я просто делала зарисовки старых улочек Симбирска, выходила на пленэры, а потом заметила, что собралась целая серия. Мне интересны как сами дома, так и детали: резьба на наличниках, необычные крыши, калитки, почтовые ящики, дверные ручки. Гуляя по городу, я невольно оказываюсь именно на старых улицах. Я давно увлекаюсь краеведением, поэтому старые здания мне интересны не только с художественной точки зрения, но и исторической, и культурологической. О каждом здании я стараюсь найти информацию: кто тут жил, как оно строилось и видоизменялось. Также я очень люблю разбираться в старых фотографиях. Кстати, моя работа куратором ульяновского историко-краеведческого проекта «Годы и люди» помогла быть на одной волне с живой историей города. Для рисования очень важно иметь эскизы из историй, воспоминаний, старых газетных заметок. Вместе со студентами мы записывали для проекта воспоминания старожилов, и эти рассказы помогли окунуться в жизнь города, по которому хочется гулять, который хочется узнавать все больше и больше.

– Где можно увидеть работы из проекта «Истории старого города» и другие ваши городские зарисовки?

– Некоторые работы есть у меня на сайте, а также – в группе в соцсети «ВКонтакте» «Нарисованный Ульяновск. Городской дневник», где

Ульяновск. Улица Ленина, «володарские» дома

я рассказываю истории старых домов Симбирска-Ульяновска. К сожалению, старые здания сносятся, а улицы застраиваются и теряют свое лицо. Даже за то время, что я рисовала, несколько домов было снесено. Получается, я успела сделать последние зарисовки тех или иных мест города, от этого особенно грустно. Но некоторым улицам повезло больше, например, улице Ленина. У меня много скетчей и пленэрных работ отсюда, некоторые можно увидеть на выставке одной улицы «Московская-Ленина», которая сейчас проходит в Доме-музее Ленина, расположенном на этой улице. Ко мне обращаются жители нашего города и те, кто когда-то здесь жил, говорят, как им дороги эти виды. Они покупают открытки с моими акварелями, а в прошлом году это был целый календарь с видами Ульяновска. Кстати, я провожу мастер-классы, на которых мы рисуем виды города, а

также изображаем город по памяти. Цель – собрать коллективную память о городе в рисунках.

– Вы устраиваете пленэры не только в Ульяновской области, но и в различных странах. Какие места вам больше всего запомнились?

– Зарисовывая что-то в путешествиях, я погружаюсь в атмосферу нового места. В дороге веду скетчбуки, например, в поезде, где-нибудь в пар-

Венеция, Италия

Лиссабон

ке или даже на вокзале, а также пишу акварели – какие-то прямо во время путешествия, какие-то уже дома на основе своих зарисовок. У меня есть итальянская серия, которую я писала во Флоренции, Венеции, Риме. Она была представлена в Музее Аркадия Пластова в Ульяновске в ходе проекта «Моя Италия». В музее тогда работала выставка «А.А. Пластов в Италии», и меня пригласили показать там Италию глазами современного художника. Это был для меня ценный опыт – проанализировать итальянские работы любимого художника. Среди других мест, которые меня больше всего впечатлили, – Норвегия и фьорды, альпийские вершины и горный король – Монблан, португальская архитектура и побережье океана, северная Испания.

Роза Пик

– Какие еще темы вас интересуют? Над чем экспериментируете?

– Мне очень интересна ботаническая иллюстрация, люблю рассматривать растения, изучать их. Могу в свободное время несколько часов просидеть за рисованием бутона или прорисовкой прожилок на листьях растения. Хочу создать акварельный гербарий из ботанических иллюстраций. Также я экспериментирую с форматами работ. Начиная с небольших зарисовок, но мой новый интерес – большие форматы. Кроме того, сейчас я прохожу онлайн-обучение во всемирной школе нового искусства, организованной Музеем неконформистского искусства и школой интерпретации современного искусства «Пайдейя». По итогам обучения надеюсь развивать выставочные онлайн-проекты.

Беседовала **Вера Абрамова**

Доктор В.В.

Имя Валентины Викториновны Малининой хорошо известно нескольким поколениям нашего края. 20 лет она являлась главным внештатным офтальмологом области и заведующей глазным отделением Ульяновской областной больницы. Именно она одна из первых в нашем регионе применила методику Святослава Фёдорова по оперированию катаракты.

◀ Валентина Малинина в рабочем кабинете

В 1980-е годы имя Федорова гремело на весь мир. Он в буквальном смысле совершил революционный рывок в офтальмологии. В каждом городе, где открывались филиалы созданного им МНТК «Микрохирургия глаза» или появлялись отдельные хирурги-офтальмологи, оперирующие по методу Федорова, мгновенно выстраивались километровые очереди людей, страдающих тяжелым глазным недугом. Не стал исключением и наш регион.

С сентября 1979 года Валентина Малинина работала заведующей отделением глазных болезней. В период ее заведования в офтальмологии происходил мощный научно-технический прорыв, в отделении внедрялись микрохирургия, осваивались новые оперативные вмешательства, ультразвуковая диагностика, лазерные операции. Валентина Викториновна была лично знакома с академиком Федоровым. Перенимала опыт абсолютно на всех конференциях по офтальмологии с его участием. Это общение не прошло даром. В 1982 году офтальмологи Валентина Малинина и Валерий Постраш произвели первую в Ульяновске имплантацию искусственного хрусталика. Для этой операции использовалась лазерная установка «Ятаган» производства Ульяновского радиолампового завода.

◀ Владимир Ульянов.
Портрет заслуженного врача России
Валентины Малининой

С 1989 года отделение глазных болезней приобрело статус отделения микрохирургии глаза. Ульяновцы стремились попасть на операцию именно к Малининой.

Сегодня ее называют столпом ульяновской офтальмологии. На счету хирурга-офтальмолога десять тысяч успешно проведенных операций! Такая цифра говорит сама за себя, и она означает, что тысячи людей увидели зорким оком мир по-новому.

Валентине Викториновне удалось воспитать достойную плеяду учеников, которым она передала свой колоссальный опыт и которые трудятся как в областной больнице, так и в городских поликлиниках и других специализированных медицинских учреждениях. Врач и теперь в строю, хотя уже многие годы не оперирует, но продолжает врачебный прием пациентов.

В недавней беседе доктор Малинина поведала мне, что 2021 год очень значимый в областной офтальмологии. Во-первых, осенью исполняется 150 лет со дня рождения Григория Сурова – основоположника региональной офтальмологии и основателя глазного отделения областной больницы. Во-вторых, непосредственно главному отделению УОКБ, которое сейчас именуется отделением микрохирургии глаза, исполняется 110 лет. В-третьих, отмечу, что рабочий стаж Валентины Малининой приближается к отметке в 60 лет!

И еще хочу сказать, что ювелиры и офтальмологи – одного поля ягоды. Первые дарят нам красоту и роскошь, а вторые, если это необходимо, – радость увидеть эту красоту зорким глазом.

Антон Никонов,
специальный корреспондент
и интервьюер телеканала «УлПравда ТВ»

Шесть сыночков и лапочка дочка

До замужества меня совершенно не интересовали маленькие дети. Ни умиления, ни радости они у меня не вызывали. Мое поколение – поколение кукол Барби. Это лихие 90-е, когда идеалы, на которых воспитывались советские люди, полностью отвергались и заменялись «американской мечтой».

Я рано вышла замуж. Муж из семьи священника, я тоже на тот момент была воцерковленным человеком. Но мы не думали о количестве детей, о планировании семьи, вообще в этом смысле смутно представляли наше будущее. А потом все как-то пошло своим чередом...

Один, второй, третий, четвертый, пятая, шестой и седьмой. Так за 14 лет супружества у нас родилось шесть сыновей и одна дочь. Иногда кажется, что это случилось не со мной... Человек стремится к комфорту, к сытой жизни – такой уж он, человек. Но когда ты выходишь за рамки материального мышления, то понимаешь слова «не хлебом единым»,

«с милым рай в шалаше». Да, порой было очень непросто финансово. Но никогда (правда – никогда!) Господь не оставлял без куска хлеба.

Совершенно чудесным образом мы могли найти деньги в доме (не считите нас за чудаков), либо могла появиться некая подработка, которая была щедро оплачена. Да всего и не вспомнишь. Помню только слезы благодарности Богу, ощущение, что

Мила с сыночком

Папа с сыновьями

Семья пополнилась двойней. 2020

Он так любит и покровительствует нам, нашим детям. Да, мирские люди могут посчитать нас (да и других многодетных) безответственными людьми. К счастью, в лицо нам этого никто не говорил, но знаю не понаслышке, что многочадие вызывает порой и негативные реакции. Мифы о детях-голодранцах, о недолюбленных, брошенных, невоспитанных детях из больших семей часто не дают нашим соотечественникам объективно оценивать такую необычную для них реальность. Вспоминается мультфильм про обезьянок, где мама – измученная обезьяна, а дети «беспредельщики». В таком случае папа большого семейства – либо алкаш, либо безответственный инфантил, либо жертва фертильной жены. Такие образы крепко засели в головы наших граждан. И, знаете, люди в прямом смысле теряют дар речи, когда узна-

ют, сколько у меня детей, – никак я не укладываюсь в их представление о многодетной маме как измученной жертве своего безрассудства.

На контрасте с такой реакцией очень приятно видеть радостные улыбки, светящиеся глаза некоторых людей в ответ на вопрос о количестве детей. Последний такой случай был в магазине здорового питания, где продавец, увидев мою большую «многодетную» скидку, решила предположить, сколько у нас детей. Услышав ответ, она широко улыбнулась и сказала, что такое известие буквально осветило ее тяжелый день. Значит, в наших людях сохранились и доброта, и любовь к детям, не только к своим. То есть понимание счастья, которое не измеряется материальными благами, которое ощущается как нечто возвышенное.

В воспитании детей мы допускали и допускаем много ошибок. Не бывает все идеально, к сожалению.

Никогда не придерживались каких-то теорем. Все делаем, как чувствуем, как подсказывает сердце. Главное – воспитать в человеке любовь и почтение к родителям, уважение к старшим, не выпячивание своего «я», честность. И, конечно, дети должны знать, что все в этом мире в руках Господа. Нужно учить и учиться помнить о Нем, чтобы Он был рядом с нами. Ходим, по возможности, в храм. Конечно, с двойней стало сложнее посещать службы. Но это временно: вот пойдут ножками, и станет легче.

Все дети помогают мне с малышами. С появлением двойни (они родились последними) каждый член нашей семьи преобразился. Правда, ощущение такое, что кто-то взял и вылил на нас из сосуда поток любви. Двойняшки – это невероятно.

В нашей семье численное превосходство на стороне сильного пола: шесть мальчиков и одна девочка. Да, с мальчишками не просто, а иной

На прогулке

Личная история

раз руки опускаются. Приходится вырабатывать хоть какую-то дисциплину, быть строгими, особенно в некоторых моментах. Все мальчишки очень разного темперамента и зачастую сталкиваются буквально лбами. Но в то же время жить друг без друга не могут, любят друг друга. Вообще мальчишка – это особый мир. И мир очень интересный. Я вижу, как разные типы мужчин вырастают на моих глазах. Старший – такой активный, задорный, задиристый, неугомонный, инициатор не только полезных начинаний. Второй – спокойствие и тишина. Вдумчивый, много читающий, скромный, в меру упрямый. Третий сын – изобретатель и выдумщик. Хозяйственный и любознательный. Четвертый – радость и умиление, послушание и ум. Ну и сыновья-двойняшки – совсем еще крошки, но тоже уже виден характер. Старший из двойни (аж на 5 минут!) созерцательный, спокойный, но при этом деятельный. А вот младший – шумный весельчак, компанейский парень. Это все наши дорогие мальчишки.

Пятая беременность наступила через восемь месяцев после предыдущей. Роды были преждевременными, и мы с дочкой были на волоске... Никогда не забуду то время. Мы с ней долго восстанавливались. Не один год. Дочь – это удивительно. Мне кажется, она знает, о чем я думаю, чувствует меня, просто глядя в глаза. Растет в мужской, «суровой» компании. Спуску братья не дают, никто не потакает ее «царским» замашкам (а их у нее хоть отбавляй). Но всегда помогут, научат как надо. Думаю, будут очень переживать, когда их дорогая сестренка выйдет замуж и станет жить отдельно не только от отца и матери, но и от них, братьев.

Мы не знаем, какими вырастут наши дети. Ведь получается, что мы их воспитываем вопреки тем ценностям, которые агрессивно навязывают им современность, молодежная культура и пр. Сможем ли мы, родители, выиграть эту схватку? Думаю, что без веры в Бога ничего не получится. Ибо глядя на все, что творится кругом, как рушатся наши традиции, буквально переворачивается с ног на голову то, что было нормально для нашего народа на протяжении столетий, можно просто впасть в уныние.

Однако нам выпала возможность попробовать воспитать детей в вере, опираясь на традиционные ценно-

В августе 2020 года Карзанова Людмила Степановна удостоена Патриаршего знака материнства в благословение за чадородие и жертвенное материнское служение. Награду вручил митрополит Симбирский и Новоспасский Лонгин.

сти. Конечно, очень важны единение супругов, любовь между мамой и папой, которую видят дети. Ведь мы закладываем в их головы образ семьи, которую будут когда-то строить самостоятельно наши дети.

Не буду говорить, что многообразие – это сплошное беззаботное счастье, да и только. Нет, это большой труд. В наше время даже подвиг: никакие технические новшества, облегчающие материнский труд, не заме-

нят сложности воспитания хорошего человека в условиях современности. Но я могу сказать абсолютно уверенно, что, когда мы позволяем родиться нашим детям, испытывая нужду, сталкиваясь с непониманием, жертвуя многим, мы совершенно точно можем рассчитывать на помощь свыше, мы можем быть уверенными, что такой путь – путь к жизни, наполненной настоящей радостью.

Людмила Карзанова

Тереньгульские гончары

Рассказывая о гончарном деле Симбирского-Ульяновского края, исследователи часто упоминают умельцев из села Сухой Карсун, которое по праву считается центром гончарного производства региона. Сведения же о малочисленных (даже единичных) кустарях, разбросанных по нашему краю, удастся разыскать только в ходе экспедиционной работы. В одной из таких поездок, организованной Центром народной культуры Ульяновской области в 2011 году, нам посчастливилось встретиться с дочерью потомственного умельца, зарабатывавшего себе на хлеб этим древним ремеслом до середины XX века.

Антонина Михайловна Крюченкова (1927–2019), р.п. Тереньга

Антонина Михайловна Крюченкова – дочь потомственного тереньгульского гончара Михаила Степановича Хрусталева. Дед и прадед были гончарами, и она, любопытная и смысленная девочка, всегда интересовалась работой своего отца. Благодаря Антонине Михайловне (на момент нашей беседы ей было 84 года) нам удалось собрать сведения о гончарах районного поселка Тереньга Ульяновской области.

Михаил Степанович Хрусталев отстроил рядом с речкой Тереньгульской мастерскую (на улице Мичурина) – большой дом, где под потолком соорудил стеллажи из досок для сушки изделий, и приобрел два гончарных круга: для себя и своего брата Александра. Процесс кустарного гончарного производства был традиционный. Особенностью являлось наличие мастерской («горшечной»): ее могли позволить себе лишь немногие мастера – большинство работали прямо в своих избах.

Залежи жирной «масляничной» красной тереньгульской глины были рядом с селом, в Доле, за местной больницей. Заготовленную глину вез-

ли в мастерскую, где для нее был отведен специальный отгороженный угол. Месили руками прямо на полу. Размятую глину формировали в «колбасу» длиной примерно 50–70 см и диаметром 20–30 см. Заготовив таких «колбасных палок» достаточное количество, мастер садился за гончарный круг. Он был ножной, деревянный. Закончив работу, изделия расставляли на полках для просушки. Когда горшки высыхали, начинали их красить свинцом. Свинец продавался в форме плиток, их пережигали в чугунном котелке на огне. Затем перекаладывали в деревянную ступу и толкли до образования порошка. Готовый порошок разводили с водой и кисточкой наносили на гончарные изделия. Под воздействием высоких температур свинец расплавлялся, образуя прозрачное стекловидное покрытие на глиняных изделиях – глазурь. Горшки получались блестящие, красивые и звонкие.

Метрах в десяти от мастерской располагался горн для обжига гончарной посуды. Строение горна также было в традициях нашей области.

Михаил Степанович (1903–1977) и Вера Васильевна Хрусталёвы. Из архива семьи Хрусталёвых-Крюченковых. 1967

Семья Степана Хрусталёва (Степан с женой сидят). Фото из семейного архива В.В. Сеньюшкиной

Это была вырытая в земле глубокая, в человеческий рост яма, обложенная кирпичом. Снизу – решетка из кирпичей, под ней – топка. Сбоку расположен спуск к топке. Глиняную посуду выкладывали в горн горкой, сверху донизу. Прикрывали горн битыми черепками вместо заслонки. Если шел сильный дождь, то сверху накрывали еще и железной пластиной. Для топки брали только сосновые дрова – от них больше жара. Начинали обжиг с раннего утра, и продолжался он до тех пор, пока горшки в горне не раскалятся, как плавленный металл, до ярко-огненного цвета. Обычно на это уходило несколько часов: все зависит от объема горна. Начав калить утром, заканчивали только вечером.

Ассортимент изделий был разнообразным. Дядя Миша, как звали Михаила Степановича на селе, был мастер с большой буквы. Он мог делать все. Разных размеров горшки, балакири, кувшины, корчаги, дойники, миски, плошки, кружки, подцветочки (горшки для цветов с узорами и даже с налепами). Подоив корову в ведро, молоко разливали по балакирям (крынкам), объемом по

Квашня (квашонка) на 10 литров, сделанная в горшечной Хрустальёвых (сверху трещина обмотана изолентой). Единственный сохранившийся экземпляр гончарной посуды Тереньги

Горн с обожженной посудой. С. Карсун

два литра и спускали в погреб. Холодильников в те времена не было. Когда молоко отстоится, «снимали сметану» в дойник. А остальное молоко ставили на творог. Дойник представлял собой широкий большой сосуд, похожий на печной горшок, расширяющийся кверху. Отличительной особенностью дойника является наличие короткого носика («дульки»), расположенного ближе к венчику. Ручек у него не делали. Такая конструкция позволяет удобно сливать отстоявшиеся сливки. Дядя Миша делал и утятницы – продолговатые, с двумя ручками по бокам и с крышкой, квашонки для теста – большие, широкие, с ручками и без, маленькие детские горшочки для каши, ягодники для сбора ягод (по форме как балакирь, только с ручкой, как у корзинки, сверху), ночные горшки для детишек с одной ручкой. Раньше на всех домах тереньгульцев красовались гончарные трубы, вытянутые на гончарном круге талантливыми мастерами – Михаилом Степановичем, его отцом и дедом.

Наделав разной посуды, дядя Миша не забывал и про детишек. Лепил им игрушки – свистульки в виде различных птичек и животных.

Дойник и горшочек

Глиняную посуду возили на базары. Каждое воскресенье и в самой Тереньге была ярмарка. Возили на продажу в Сенгилей и в Новодевичье. Уезжал Михаил Степанович обычно в пятницу с утра, а в воскресенье, поздно вечером, возвращался домой. Горшки возил на лошади, запряженной в фургон. Все горшки перекалывали соломой, чтобы не разбились. На ярмарку дядя Миша иногда брал с собой жену и сына, дочек не брал.

Антонина Михайловна, дочка дяди Миши, рассказывала, как в детстве они с сестрами и подружками играли с глиной. Соберутся, налепят куколок, посудку, мебель. У каждой девочки был свой огороженный колышками домик. Когда жилье обустраивают, все необходимое делают, понарошку ходили друг к другу в гости, в кукольные домики, угощались глиняными пирогами. Но почему-то эти детские игрушки отец никогда не обжигал в горне – считал баловством. А девочки, награвшись подсохшими на солнышке игрушками, затем лепили новые. Необожженная, высохшая глина – очень хрупкая и долго не хранит форму, тем более в игре.

Когда подросшая дочка мастера засобиралась замуж, Михаил Степанович накрутил для нее много разной посуды в приданое. Особенно Антонине Михайловне запомнилось большое блюдо, размером с тазик. Она долго использовала его для мытья посуды.

Существовал на селе интересный обычай: битье глиняных горшков. Когда играли свадьбу, то на второй день нужно было разбить горшок. Была сваха перед молодыми. Горшок

должен был быть пустой и крепкий. Однажды произошел смешной случай. Жила на селе одна женщина, большая охотница погулять на свадьбах – тетя Поля. Шутница «причудная». И вот на одну свадьбу она принесла не горшок, а дойник. Стали его бить, а она кричит: «А горшок-то с дырой!» Имелось в виду отверстие для слива. И все смеялись удачной шутке.

Антонина Михайловна вспоминала, что в их доме было много разной посуды, но не осталось ни одного горшочка на память (нам, к счастью, посчастливилось найти такой). Михаил Степанович закончил заниматься гончарством в начале 1960-х годов. Его горшечная мастерская дважды горела. После первого раза они с братом отстроились, а второй пожар положил конец старинному ремеслу. Да и здоровье уже у Михаила Степановича было слабое. Со временем часть посуды побилась, что-то раздали. Так как для свадебного обычая нужен был именно глиняный горшок, то сельчане шли к дяде Мише, и он не отказывал. Так и раздал все.

Гончарил на селе и дядя Федя Ващев, у него тоже была своя мастерская на улице Чапаева. Двоюродный брат Михаила Степановича, также занимавшийся гончарством, переехал с семьей в Чебоксары еще до войны. Возможно, потомки большой семьи Хрустальёвых до сих пор продолжают семейные традиции в Чувашии, славящейся своими искусными гончарами.

Мария Иванова,

руководитель студии художественной керамики «Гончар»,
ОГБУК «Центр народной культуры
Ульяновской области»

Источники: интервью с Антониной Михайловной Крюченковой (1927–2019), уроженкой р.п. Тереньга Ульяновской области, запись от 02.08.2011 года; интервью с Аленой Сергеевной Крюченковой, р.п. Тереньга Ульяновской области, запись от 06.03.2021 года (личный архив автора статьи).

Страна сновидений

Хотите увидеть земной рай? Мы приглашаем вас заглянуть в чудо-сад Ольги Николаевны Черновой.

По профессии она врач, по призванию – ландшафтный дизайнер, создающий неземную красоту, по внешним данным – Прекрасная дама.

Если посмотреть на нее в интерьере дома или сада, можно подумать, что эта женщина – дворянских кровей и руки ее никогда не касались земли, а все вокруг нее само расцветает и окрашивается в райские цвета... На маленьком клочке земли произрастают тысячи экзотических растений, а под каждым кустиком и цветочком сидят зверьки-коряги, наделенные именами. Какое счастье, что есть на белом свете люди, способные разбудить нас ото сна. Конечно же, стоит очнуться от повседневного бега и воскликнуть: Боже, каков Твой мир! А может быть, наоборот, эти люди-волшебники помогают нам заглянуть в страну сновидений, чтобы узнать, что же такое рай?

Ольга Николаевна Чернова готова раскрыть главную тайну красоты.

*Я тебе говорила, а может быть, даже писала,
Что цветут маргаритки в моем покаянном саду,
Что созрели опалы, и в них прорастают кристаллы
И мерцают, как тайна, и каждый похож на звезду.
Забывтье. Маргаритки. Опалы... Страна сновидений...
Так богата она, так щедра на любовь без вины,
На восторг совпадений, на пышность воздушных растений,
Словно признанный гений мои режиссирует сны...*

Елена Кувшинникова

Моя коллекция садовых цветов, в которой сегодня 360 видов растений, началась в 1980 году с нашего дачного участка. Кустик дикой чайной розы, семена аквилегий и корешок магонии были привезены из Акишата Барышского района, из маленького садика родного дома.

В детстве заросли этих растений пышно цвели у старого кирпичного корпуса дома-интерната – бывшей барской конюшни в усадьбе Поливановых. И теперь в моем саду есть прямые наследники этих старожилов. Пусть современные сорта ярче и пышнее, но нет краше и милее тех первых, «наследных» цветов. Пано-рама красок и цветов в моем саду меняется в зависимости от сезона, начиная с первоцветов и заканчивая последними хризантемами и новоанглийскими астрами.

Оля (5 лет) с мамой и тетей.
Акишат

одноклассники.ру

Мой сад – мое вдохновение, моя любовь, бесконечный источник красоты, утешения и новых желаний.

Бесконечно люблю свой маленький сад. Не только деревья, цветы, кустарники и траву, но и птиц – наших очаровательных соседей, пестрых бабочек, полезных насекомых. Знакомая малиновка вьет уютное гнездышко в зарослях лимонника, не забывают свой старый домик скворцы, большая семья воробьев в летние теплые ночи любит ночевать под листьями

винограда, а в знойный день качаться на прохладных листьях капусты. Любопытные трясогузки прогуливаются по теплым камням. Дятел обязательно прилетит, чтобы осмотреть яблони. Предупредят о наступлении осени осторожные вороны, явившись в сад вместе с запахом дыма от сжигаемых листьев.

Всегда любила сажать цветы: в горшки, в палисадники, на общественные клумбы. Особенно страстно увлеклась их разведением в своем саду и большую часть земли решила посвятить цветам. Здесь и модные гейхеры с хостами, и традиционные цветы русских усадеб – флоксы с левкоями и пышными георгинами, и царственные розы, неповторимые аквилегии и простые ромашки с колокольчиками, нарядные, как бабочки, пышные гвоздики и декоративные злаки – всем нашлось место и приятное соседство. Никто не лишний. Однажды, посчитав всех, мы удивились сами: несколько сотен видов растений!

Все тропинки в саду зеленые – мне хотелось сохранить естественный пейзаж. Тропинки извилистые, и всегда за поворотом ждет «сюрприз». За высокой гортензией – прекрасные лилии, за яркими монардами – Себастьян – «гончая» из коряги, найденной на Волжском заливе. Есть и другие «жители», принесенные с залива: гриф, лошадка, улитка, варан. С ними сад оживает и кажется теплее. Поздней осенью мы прячем их от непогоды в сарай – это значит, что дачный сезон закончился.

Зимой я очень скучаю по саду. Мое спасение – книги. Насколько себя помню, с самого раннего детства испытывала особую любовь, страсть к книгам и их собирательству. В моей домашней коллекции более двух тысяч книг, собранных со старанием и любовью, с памятью о том, что люблю и чем дорожу. Книги по искусству, истории, духовная литература, мемуары, классика... Меня по-прежнему волнует новая книга, особенный ее запах, шорох и прохлада страниц.

Зима близится к концу, и настает время желаний. Сердце бьется громче и настойчивее. И вот уже готов список новых растений: что купить к летнему сезону, с кем обменяться

корешками, какими сюрпризами порадовать и удивить гостей.

Красота спасет мир, но лишь в том случае, если мы сохраним эту красоту. Мне очень близко по духу высказывание Хелены Картер: «Я думаю, что все в жизни – искусство. То, что вы делаете. Как одеваетесь. Как вы любите кого-то и как говорите. Ваша улыбка и ваша личность. То, во что вы верите, и все ваши мечты. Как вы пьете чай. Как украшаете свой дом. Или как веселитесь. Ваш список покупок. Еда, которую готовите. Как выглядит ваш почерк. И то, как вы себя чувствуете. Жизнь – это искусство».

Конкурс «Мономах»

В этом году отмечается 220-летие со дня рождения писателя, лексикографа, этнографа, создателя «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля (1801–1872). В его словаре были выявлены 350 слов, записанных в Симбирской губернии. Журнал «Мономах» объявляет конкурс на создание зримых портретов характерных личностей.

Принять участие в конкурсе могут все желающие, в том числе и коллективы. Конкурсные материалы предоставляются до 1 апреля 2022 года в форме рисунков, оттиска, резьбы, объемной фигурки. Фото лучших работ будут публиковаться в журнале.

Победителей ждут призы и подписка на журнал «Мономах».

Мы ждём визуализации следующих персонажей:

БАЛЯН – краснобай, байщик, рассказчик, знающий сказки, песни, духовные стихи;
БОЛЯН – краснобай, потешник, молодец и забавник;
БУЛДЫЖНИК – буйан и беспокойный пьянюга;
БЕЗЖАЛОБНЫЙ, *БЕЗЖАЛОБНЫЙ* – не знающий жалости, сострадания; суровый, жёсткий, чёрствый;
БЕСПУТНЫЙ – в ком или в чём нет пути, толку, проку, пользы;
ГРОБОКРАД – мародёр, грабитель могил, чёрный археолог;
ГРЫМЗА – старый хрыч, дрянной старикашка, брюзгач, воркун;
ГРЫМЗА (жен.) – старая карга;
ДРЮПЕНЬ – дрыхала, сонный лентяй;
КРЫМЗА – хитрый, ловкий, пройдоха;

КУХЛИМА – бродяга, безыменный, Иван Непомнящий;
НЁХА – нелюдим, живёт в отскокихе – избе на отшибе, стоящей особняком;
НЕЧУНАЙ – неучтинец, невежа, нелюдим;
ОМЕХОВАТЫЙ – разгильдяй, неряха;
ОТВАЖНЫЙ ПАРЕНЬ – приветливый, словоохотливый, забавный (особенно с девушками);
РЮМА – плакса, хныкса, рёва;
СОЛОЩА – охотник до сытного стола и хороших напитков, жадный едок, обжора;
ХЛЫНЕЦ – бродяга. Хлын взял – пропало, потеряно, украдено, растрчено;
ХОХРЯК, *ХОХРЯ* – хилый и слабый, кто всегда хохрится, горбатится, ёжится;
ШНЫРА, *ШНЫРЬ* – пролаза, пройдоха, пронира, соглядатай и сплетник.

Болян.
Мастер Владимир Ланько

Материалы принимаются по адресу: 432017, Ульяновск, ул. Пушкинская, д. 11, кабинет 219.

Электронная почта: 1994monomah@mail.ru

Объявлен межрегиональный молодежный литературный конкурс

«Друзья по вдохновению»

К участию в конкурсе приглашаются: учащиеся от 7 до 13 лет (первая возрастная группа); учащиеся с 14 лет и студенты учебных заведений (вторая возрастная категория).

Учреждены три номинации: «Поэзия», «Письмо к А.С. Пушкину», «Стихотворение или эссе о Т.А. Эйхман».

От одного участника принимаются работы:

- в номинации «Поэзия» – не более 3 стихотворений;
- «Письмо к А.С. Пушкину» – не более 3 страниц;
- стихотворение или эссе о поэте, враче, первом организаторе конкурса «Друзья по вдохновению» Татьяне Александровне Эйхман – одно стихотворение или одно эссе.

Работы принимаются с 5 марта по 4 мая 2021 года

Авторы приглашаются на 53-й Всероссийский день поэзии в Языковском парке (Ульяновская область, Карсунский район, р.п. Языково) 6 июня 2021 года, где состоится награждение победителей и участников.

Материалы на конкурс направляются по электронной почте: yashkovaov@mail.ru

